

Алексей Мефодиев

Вокруг денег

Саркастическая проза

Летний сад

Москва, 2016

УДК 821.161.1-3
ББК 84 (2Рос=Рус)6
М 54

М 54 Мефодиев А. Вокруг денег. Саркастическая проза. — М. : Летний сад, 2016. — 190, [2] с.

Все без исключения герои рассказов и повести А. Мефодиева, попавшие в книжку «Вокруг денег», взяты прямо из жизни. Они весьма яркие люди, а объединяет их одно: общее содержание, которое одновременно цель и средство, мечта и реальность. Это содержание — деньги.

Человек, создавший персонажей этой книги, конечно же, не Саваоф. В начале финансового мира не слово, но цифра. Отметим, что автор обладает саркастическим складом ума, цепкой наблюдательностью, отличной памятью на детали, и именно поэтому книга «Вокруг денег» станет захватывающим чтением.

ISBN 978-5-98856-254-2

УДК 821.161.1-3
ББК 84 (2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-98856-254-2

©А. Мефодиев, 2016
Все права принадлежат автору
© Издательство «Летний сад»,
оформление

От издателя

Скажу вам по секрету: все без исключения герои рассказов и повести А. Мефодиева, попавшие в книгу «Вокруг денег» взяты прямо из жизни и угодили на эти страницы, ещё не отряхнувши, так сказать, с ног своих житейского праха, ещё тепленькими, такими как раз, какими вынимают ни в чем не повинных лиц из теплой постельки: порой темно, сыро и в лучшем случае скучно, а вот на страницах книги А. Мефодиева этим персонажам тепло и уютно, здесь они могут на доброе себе здоровье цвести пышным цветом и являться читателю во всей своей красе неопишуемой, во всем своем, так сказать, благоухании и аромате своих несомненно восхитительных качеств.

Скажу больше, перед нами целый, если позволите, парниковый цветник: все герои этой книги очень яркие и разные люди, а объединяет их разве что одно: жизнь их имеет общее содержание, которое одновременно цель и средство, мечта и реальность. Это содержание — деньги. Деньги здесь — ослепительные золотые потоки, падающие свыше жаркими лучами, они же — и плодотворные освежающие дожди, от которых все кругом

идет в рост и цвет, они же, наконец — мощные попутные ветры, наполняющие крепкие паруса сказочных путешествий, деньги-деньги-деньги — вот мир, вот счастье, вот смелая явь и сладкий сон героев книги А. Мефодиева. Творец этого мира, мира, в котором бушуют свои непогоды, и жителям которого выпадают, как всем, свои хорошие теплые деньки — не Саваоф. Вначале этого мира не слово... цифра в начале него.

Герои Мефодиева свой выбор меж Богом и Мамоной бесповоротно сделали и теперь живут в мире, созданном и заботливо согреваемым сладким финансовым колдовством.

Иногда, правда, какой-то из этих героев вдруг «расколдовывается», и... вокруг него сжимается пустота, страх, болезнь, ибо места в обычном мире, мире, в котором живут простецкие, скучные, серые и неяркие люди, бедняга-герой себе не заготовил, не расчистил, не обустроил.

Ах, как хорошо Алексей Мефодиев знает мир, о котором рассказывает, как говорится, не понаслышке! Впрочем, в его авторские задачи не входит идеологическое отрицание описанной им вселенной, он, судя по всему, не критик созданной им «мамоновой» реальности, а лишь аккуратный, заинтересованный её летописец.

И сарказм у Мефодиева возникает не от желания над кем-то поиздеваться, кого-то обидеть или выставить в потешном свете, а лишь только потому, что об-

стоятельства, в которых живут и действуют не только его герои, но и их земные прототипы, — несерьезные, и напоминают саркастическую гримасу на лице подлинного мира.

Все это весьма интригует, — скажет мне мой друг-читатель... — но где же похвалы? Где же дифирамбы автору, — спросит меня он и выжидательно прищурится.

И не надейтесь, — небрежно отмахнусь я, — ни за что я не стану вас уверять, что открываю миру нового Зоценко! Ну и что, что так теперь делают все?! Ну и что, раз теперь иначе не принято, чем заявить о любви к автору, потрудившемся написать книжку, что он якобы тут же угодил в компанию великих классиков и немедленно стал на кого-то похож масштабом, стилем, или хотя бы внушительной, профессорской лысиной? Нет-нет, ничего подобного вы здесь от меня не услышите.

Так уж не собираюсь ли я вам сказать, дорогие читатели, что у автора этой книги есть свое неповторимое лицо с «необщим», позвольте так выразиться, «выраженьем»?!

Вот уж нет, и этого я вам говорить вам вовсе не собираюсь... то есть не то, чтобы у автора совсем не было какого-ни-на-есть лица, но... ни в невероятной, небесной неповторимости, ни в исключительной особенности характера нашего автора я никого убеждать не хочу.

Нет, автор этой книги — обыкновеннейший человек, ничем ни от кого совершенно не отличающийся. Пожалуй, лишь саркастическим складом ума, цепкой наблюдательностью, отличной памятью на детали, умением показать любого хорошо одетого и всеми уважаемого господина с такой, прости Господи, идиотской, с такой чудовищно-несолидной, канальски-унизительной, пошляцкой и малосимпатичной стороны, что если бы этот господин, а того паче, госпожа взглянули бы на свое такое изображение, то смеяться бы не стали.

А мы посмеемся. И ещё как посмеемся, дорогие друзья.

Приятного нам чтения!

Вячеслав Кожемякин

Волчица

Как-то раз, бесцельно бродя по узким улочкам Монако, я совершенно неожиданно столкнулся нос к носу с моим хорошим товарищем Сергеем Н. Мы не виделись с ним более года и оба обрадовались случайной встрече. Время шло к полудню, и, не имея срочных дел, я предложил пообедать.

Будет уместно сказать несколько слов о моем товарище, с которым мы были дружны с юности. Внешности Сергей был довольно невыразительной: среднего роста, с большими ранними залысинами и животиком среднего размера. Чертами лица обладал самыми заурядными. Лишь темные глаза его, излучая уверенность и интеллект, словно магнитом притягивали к себе внимание собеседников.

В свои тридцать пять он, используя связи отца, успел сколотить себе небольшое состояние, объехать полмира, несколько раз жениться и столько же раз развестись. Его многочисленные дети проживали с отставными женами, которых Сергей неплохо обеспечивал. Сам же он прибывал в постоянном поиске нового, еще более совершенного, при этом одновременно род-

ного и близкого, и непременно тонко чувствующего существа.

Есть люди, которые все успевают. Кипучая деятельность моего друга не знала никаких пределов. Сергей хорошо играл в гольф, был в состоянии при хорошей погоде в одиночку управиться с легкомоторным самолетом и даже как-то раз прыгнул с парашютом. Эти навыки, за исключением последнего, Сергей неустанно поддерживал и совершенствовал.

Кроме того, мой друг свободно изъяснялся на английском и французском языках. Его благородное детство прошло в Париже, а юность в Америке, где он с отличием окончил то ли Гарвард, то ли Йель.

Сергей был на удивление разносторонне развит, чему во многом был обязан благодатной домашней атмосфере. В частности, он хорошо разбирался и ценил музыку самых разных направлений: от легкого джаза до классики. Его матери в свое время прочили карьеру пианистки, которую она положила на плаху семейной жизни, отправившись с мужем-дипломатом колесить по белу свету. Тем не менее она никогда не оставляла инструмента надолго и привила любовь к музыке своему восприимчивому отпрыску. В детстве Сергей довольно сносно играл на фортепьяно.

Но настоящим его хобби все же стало изобразительное искусство. Эту страсть он унаследовал от своего отца, который неплохо владел кистью и положил немало усилий на образование сына в этой области.

Поговаривали даже, что Сергей закончил экстерном художественное училище. Правда, никто толком не знал, какое точно и когда. Сам же он не любил распространяться на эту тему, позволяя молве делать свое дело. Так или иначе, мой товарищ львиную долю своего досуга посвящал работе за мольбертом. Некоторые знакомые, из числа ценителей живописи, в целом благосклонно отзывались о его творчестве. Однако Сергею хотелось большего. По характеру он был ненасытен во всем, за что ни брался. К тому же, как любому артисту, для движения вперед ему требовался отклик более широкой, независимой аудитории.

В довершение всего этот эстет разбирался в философии: запросто мог прочесть лекцию о непримиримом противостоянии стоицизма эпикурейству в древнем Риме или же конфуцианства даосизму в древнем Китае. Однако повседневный круг его общения, связанный с бизнесом, обычно не предполагал углубленных бесед на эти темы.

Мы расположились на террасе ресторана, откуда открывался великолепный вид на безмятежное море. Ласковое солнце конца октября, на небе ни облачка, легкий бриз — что может быть лучше для необременительной дружеской трапезы?

Сергей находился в приподнятом расположении духа. Глядя на нависающие высоты Монако, он слегка потянул носом воздух и произнес:

— Чувствуешь?

— Что? — спросил я.

— Как что? Запах денег! — улыбнулся он.

Я рассмеялся в ответ.

Подали устрицы, мы подняли бокалы вина.

— За встречу, — произнес Сергей.

И пусть материалисты осудят меня, но в следующий момент я словно кожей ощутил нечто подобное дуновению теплого ветра — на меня определенно что-то надвигалось сзади.

— Какая встреча! Кто бы мог подумать! — раздался уверенный женский голос.

Я с любопытством поднял голову. К нашему столику, словно вихрь, подлетела энергичная молодая особа приятной наружности. Она была одета с большим вкусом — ничего лишнего. Приталенный пиджачок и облегающие брюки подчеркивали достоинства ее фигуры. Светлые волосы были элегантно подобраны в подобие милого хвостика. Минимум хорошо продуманной косметики. И, конечно же, никаких украшений для этого времени суток. Ну, разве что скромное элегантно кольцо с бриллиантом в несколько карат, словно забытое на ее безымянном пальце со вчерашнего бала.

— Катя? — удивленно молвил мой хорошо воспитанный друг, поднимаясь со своего стула, очевидно, несколько обескураженный ее неожиданным появлением.

— Ты совсем не рад меня видеть? — в выразительных глазах дамы отразилась неуверенность и беззащитность. И у меня, как у собаки Павлова, тут же возникло смутное рефлекторное желание как-нибудь приободрить прекрасную незнакомку, чем-то стать ей полезным. Мой друг меня опередил:

— Ну что ты! Ты же знаешь: встреча с тобой для меня всегда праздник. Просто я не ожидал... — он был, как обычно, любезен.

— Лгунишка! — ее уста снова растянулись в лучезарной улыбке победительницы, а рука уверенно легла на лацкан пиджака Сергея.

— Представь же меня! — в голосе Кати уже слышались властные нотки, не оставляющие места отходу.

— Совсем забыл. Мой хороший товарищ Алексей.

Катя обратила ко мне свой ясный взор и протянула руку.

— Польщен, — привстал я со стула в полупоклоне и добавил: — Вы присоединитесь к нам?

— Конечно, если только ты не против, — потупив очи, Катя повернулась к Сергею, словно покорная рабыня к своему господину.

— Ну что ты, — улыбнулся Сергей, хотя в его интонации и не звучало чрезмерного рвения. Мне даже показалось, что он подавил зевоту.

Мы крикнули официанта, принесли дополнительный стул и еще дюжину устриц. Катя расположилась за нашим столиком с естественной грацией пантеры.

Она была исключительно предупредительна, любезна и обаятельна. И уже совсем скоро я поймал себя на мысли, что не чувствую никакого стеснения, хотя в подобных ситуациях, увы, такое со мной случается: я частенько тушууюсь в обществе малознакомых красивых женщин. Что до беседы, то Катя, казалось, могла без труда говорить обо всем на свете. Однако особый энтузиазм пробудился в ней, когда она заговорила об увлечениях моего друга.

— На прошлой неделе в Париже я случайно забрела на выставку Анри Руссо.

— Где же? — оживился Сергей.

— В музее д' Орсе, конечно.

— Вам нравится наивное искусство? — продемонстрировал я свою осведомленность, хотя в живописи не большой знаток.

— Мне — да. Я без ума от него. А вам?

— Я, вообще-то, больше поклонник традиционной школы.

— Что вы под этим подразумеваете? Маньеризм, классицизм, барокко?

— Ну, — смешался я, — мне больше по душе Репин, Васнецов. Я бы особенно выделил Куинджи.

— Куинджи — да. Пожалуй, соглашусь, гений. А Репин, Васнецов, Серов — это все повторение того, что было создано до них в Европе. Поэтому-то русская живопись девятнадцатого века так дешево стоит.

— Где? — ляпнул я и тут же подумал, что снова оплошал.

— Ну, прежде всего, на аукционах, конечно. Хотя я, в целом, понимаю вашу иронию, — непринужденно журчала Катя, — дело не в цене. Из того, что Малевич стоит дороже Вермеера, вряд ли можно сделать вывод, что один лучше другого. Что до авангарда, то любовь к нему неминуемо возникает, если долго увлекаешься, как вы выразились, традиционной живописью. С этого обычно все начинают. Но все развивается и требует новых форм выражения. Появляются сначала импрессионисты, им на смену идут пуантилисты, — как вам, кстати, Сёра? Нравится? — потом супрематисты, кубисты. И так далее, все большее усложнение формы. Понимаете, о чем я?

Я заметил, как в голосе прекрасной дамы зазвучала страсть, а она между тем продолжала: — В музыке, между прочим, та же история. Нельзя же слушать всю дорогу одного Моцарта с Бетховеном! Им на смену неизбежно придет романтизм Рахманинова и импрессионизм Равеля с Дебюсси. А там уже и до Берга с его экспрессией рукой подать. Все развивается. Но везде есть свои параллели. Ведь как похожи «Крик» Мунка и концерт для скрипки с оркестром 1935 Альбана Берга? Что скажете?

Отвечать мне не было никакого резона, так как я чувствовал, что вся эта экспрессия направлена отнюдь не в мою сторону.

— А помните картину Мунка «Три возраста женщины»? Разве это не чудо! — глаза Кати горели дьявольским огнем.

— Смотри только, моя дорогая, как бы усложнение формы самым парадоксальным образом не привело тебя к ее упрощению. Вспомни о всем известных символах эпохи, — шутиливо заметил Сергей.

— Ты имеешь в виду какого-нибудь Энди Уорхола с его банками кока-колы? Нечего сказать — символ эпохи! — ухмыльнулась Катя.

Сергей в ответ весело рассмеялся. Беседа нравилась ему все больше и больше. Он жил этими категориями, ценил авангард в самых разных его проявлениях и, как и его знакомая, не считал произведения Энди Уорхола искусством.

— Но вернемся к примитивизму. Когда я бродила по выставке Анри Руссо, то невольно вспомнила о том, что сама знакома с выдающимся, но малоизвестным художником нашей современности, — при этих словах мой товарищ слегка зарделся. А Катя тем временем плела свою паутину.

— Мысли мои были не случайны. Анри Руссо тоже не был профессиональным художником, но лишь простым таможенником. Он даже никогда не бывал в джунглях Африки, которые столь живо изображены на его полотнах. И вот, прошли десятилетия после его смерти — он стал всемирно известен! И ты, Сергей, как и Руссо, не профессиональный, но талантливый художник. А талант — это главное. Этому нельзя научить в школе. Ты будешь известен, я уверена. За тебя и твое творчество! — и она торжественно подняла бокал.

— Спасибо, — несколько смутился мой друг.

— Просто тебе надо заняться продвижением своего творчества. Тот сайт, который у тебя есть — этого явно недостаточно. Нужно раскручиваться. И все придет. Вот увидишь.

— Будем надеяться.

— Надо не надеяться, а действовать. Кстати, одна моя знакомая держит художественный салон в Латинском квартале. Маленький, конечно, но с чего-то надо начинать. Я могла бы поговорить с ней.

— Был бы признателен.

— Договорились. Позвоню ей сегодня после обеда.

— А вы тоже художница? — спросил я.

— К сожалению, нет. Пыталась когда-то, но безуспешно. Бог не дал мне таланта творить, как Сергею. Так что мне остается лишь созерцать и ценить то, что создают другие. Печально, но ничего не поделаешь!

Впрочем, как заметил когда-то Марк Аврелий, если ты палец, а не смотрящий глаз, ведущий за собой весь организм, то должен довольствоваться и этим. Любой жребий, даже самый тяжелый, должно принимать с достоинством и смирением — при этих словах мой взгляд невольно упал на крупный брильянт, небрежно болтавшийся на Катином безымянном пальце, а она тем временем увлеченно продолжала:

— Потому, что в едином организме все востребовано и все подчинено высшему провидению, или, как скажут некоторые, божественному замыслу. И если

мне предназначено лишь созерцать, что ж с того? И тут есть своя польза. Ведь кому-то в этом мире надо быть в состоянии оценивать величие других, — театрально потупила глаза Катя.

- К черту этих зануд стоиков! К чему они нам, здоровым эпикурейцам — любителям жизни, — со смехом поднял бокал сияющий от удовольствия Сергей.

— *Carpe diem**, — добавила Катя.

А я подумал: «Интеллектуальный дуэт, да и только!» Подали омары, подоспела бутылочка Шабли.

— Расскажи, ты по-прежнему летаешь на самолетах?

— Это будет громко сказано, — замялся польщенный Сергей.

— Нет, нет. Не скромничай! Я все знаю от наших общих знакомых. Ах, как это должно быть прекрасно: парить над землей, как птица. Мне недавно предложили попробовать вертолет. Что ты думаешь на эту тему?

— На мой взгляд, вертолет очень капризная машина. Я пробовал однажды, но решил на том и остановиться.

— Мне то же самое говорили. Теперь, получив профессиональный совет, я окончательно уверилась: вертолет — это не для меня. Но на самолете я все-таки думаю поучиться летать. Может быть, дашь мне несколько уроков?

— Лучше будет, если ты возьмешь профессионала.

— Я убеждена, что ты и есть профессионал!

* Лови момент, живи настоящим (лат.).

Перед десертом Катя, сославшись на неотложные дела, неожиданно засобиралась и, бросив томный взгляд на Сергея, упорхнула, едва со мной попрощавшись. Впрочем, предварительно заручившись его обещанием перезвонить этим же вечером.

Какое-то время мы хранили молчание. Подали кофе.

— Как тебе Катя? — поинтересовался мой друг.

— Очаровательная особа, энергичная. И к тебе не равнодушна.

— Думаешь?

— По-моему, это очевидно.

— Да?

— Из вас могла бы получиться хорошая пара.

— И почему же?

— Общие интересы. Она разделяет все твои увлечения. А это является гарантией крепкого брака.

Особенно, как говорят, после определенного возраста.

— Ну, до этого возраста надо еще дожить. И желательно со вкусом.

— Вкус у нее точно имеется. И с твоим совпадает, — заметил я.

— Да, она хорошо знает, что меня интересует. Но не забывай: эта своенравная барышня — великолепная актриса. Она вживается в роль так, что невозможно отличить, где она сама, а где игра. Думаешь, ей так уж интересна философия стоицизма или творчество Анри Руссо?

Я промолчал, а мой друг продолжил:

— Просто ей от меня что-то нужно.

— Почему ты так уверен?

— Посуди сам. Я не красавец и, следовательно, на роль любовника не гожусь. Что касается брака, ее муж обладает внушительным достатком.

— Может быть, у них испортились отношения?

— Черт его знает. К тому же Катя, как ты мог заметить, совсем не глупа и не упустит своего в случае развода. Нет, ей все-таки что-то нужно. А эта барышня привыкла получать то, что хочет. Любыми средствами. Не останавливаясь ни перед какими преградами. Она как игрок. Должна непременно выигрывать во всем. От проигрыша у нее портится настроение. Да и игры у нее довольно причудливые.

— Какие же?

— Я знаком с Катей с давних пор.

— Вот как.

— Да. Накануне моей первой свадьбы — мне было двадцать два — собрался мальчишник. С друзьями гуляли всю ночь, а под утро оказались в гостях на одной квартире. С хозяином я знаком не был. Знаешь, как это происходит в молодости. Июльская ночь. Летние студенческие каникулы. Я приехал из Америки. Зажигали, как водится. Гуляли в одном клубе, потом поехали продолжать в другой. Там «среди шумного бала, в тревоге мирской суеты»* под утро я ее и увидел. Она была пленительно хороша. Устоять не было никакой возможно-

* А. К. Толстой.

сти. А до моей свадьбы оставалось всего два дня. Но в оставшееся время она за меня плотно взялась. Общие интересы, единение души, ну и физическая близость, конечно. Я не буду вдаваться в подробности. К тому же с ее ухищрениями ты уже отчасти успел познакомиться. В целом ее подходы мало изменились. Лесть, лесть и еще раз лесть, как ответила какая-то известная актриса на вопрос о причинах ее блестящего успеха у мужчин.

Между прочим, несмотря на то, что те два дня мы с Катей почти не расставались, я все равно намеревался жениться на Вике — так звали мою невесту. Однако вышло по-другому. Катя заявила на мою свадьбу. В большом количестве гостей легко было затеряться одной неприглашенной особе. Заметив ее, я растерялся и даже испугался. У меня задрожали руки. Как ненормальный, я стал вливать в себя спиртное. Как ты знаешь, моя обычная доза — два-три бокала вина. А тут водка, виски, коньяк. Жуть! Затем, потеряв всякий контроль над собой, при всем народе валялся в ногах у Кати, умоляя выйти за меня замуж. Это мне уже потом рассказали — сам я ничего не помню.

Сергей замолчал.

— А она? — спросил я.

— Она оттолкнула меня.

— И?

— Величаво удалилась.

— И что же дальше?

— Да ничего. Свадьба расстроена. Хотя, может, оно и к лучшему, — махнул рукой Сергей.

— С тех пор я еще два раза женился и столько же раз развелся. Мне теперь это все равно, что зубы почистить, стало. Так всегда бывает, когда часто что-то делаешь.

— А с Катей что?

— Она меня отвергла. То есть я, как побитый пес, упорно добивался с ней встречи. Но все напрасно. Не хотела даже разговаривать, не то, чтобы снизойти до объяснений. Потом я вернулся в Америку продолжать учебу. С тех пор мы не виделись.

И вот, несколько дней назад я случайно встретил ее на одной вечеринке, куда забрел от нечего делать, возвращаясь к себе в отель с одного официального мероприятия. Ее элегантное вечернее платье, обаяние, аромат, начитанность. Моя юношеская обида была почти забыта. В своих пространных речах я, конечно же, затрагивал близкие мне темы, так что у Кати было время, чтобы подготовиться к сегодняшней «случайной» встрече. Ну, и помимо всего прочего, она действительно очень хорошо образована.

На следующее утро я получил трогательное письмо по электронной почте, где она туманно намекала на самые чистые намерения своего памятного поступка пятнадцатилетней давности. Из витиеватого изложения следовало, что вначале ею двигала непреодолимая страсть, внезапно возникшая ко мне, а на завершающем этапе драмы — прозрение трагических последствий нашей аморальной близости, равно как и сострадание к моей невесте.

— Но если ты уверен, что ей просто чего-то от тебя надо, то что это может быть?

— Сложно сказать. Могу лишь предполагать. Возможно, она хочет поучаствовать в одном моем небольшом новом проекте в области недвижимости на Лазурном берегу, о котором я упомянул. Катя здесь живет, а я появляюсь от случая к случаю. Между тем, кому-то, безусловно, надо «приглядывать», как идут дела в мое отсутствие. Она знает, что я ищу такого человека.

— Но зачем ей это надо? Ты же говоришь, что она вполне обеспечена.

— Катя очень амбициозна. Ей необходимо быть везде первой. Она всегда соревнуется со всеми и во всем. И, думаю, никогда не успокоится. К тому же ей страшно хочется независимости. А какая независимость, когда за все платит муж? А тут, глядишь, может, младшим партнером за красивые глаза станет. Может быть, ее интересует что-то еще. Только когда выяснишь, поздно будет, — засмеялся Сергей.

— Но не исключено, что ты перегибаешь палку. Допускаешь ли ты, что она вновь вспылала к тебе чувствами? Все-таки юношеская любовь, страсть.

— Говорю тебе, никакой любви с ее стороны никогда не было, тем более страсти. Хотя, наверное, я не был ей неприятен. Так вот. На нашей первой вечеринке, как потом выяснилось, она, чтобы произвести впечатление на одного своего ухажера-папика, поспорила с ним, что расстроит мой брак за два дня. Поспорила на большие деньги и их получила. Все это мне доподлинно известно.

— Он теперь ее муж?

— Что ты! Ее муж ни о чем таком и не догадывается. Хотя, — Сергей задумался, — черт его знает, у всех свои вкусы...

— Но люди меняются. Всякое бывает. Катя могла измениться. Может быть, она хочет развестись? Ты же не знаешь ее обстоятельств. Может, она все же любит тебя? Со стороны это выглядит именно так. Не забывай, из неоперившегося юнца ты превратился в настоящего мужчину, твердо стоящего на ногах. Это всегда привлекательно для женщин. Она блистательна, очаровательна, и у тебя с ней так много общего. С ней ты можешь разговаривать на любые интересующие тебя темы. Она твой единомышленник во всем. К тому же, сам упоминал, что хотел бы снова обзавестись семьей, детьми, — настаивал я, находясь под воздействием обаяния Кати.

— Даже если все это и оказалось бы правдой, то все равно не имело бы никакого значения, — беспечно махнул рукой Сергей.

— Но почему?

— Видишь ли, меня не привлекают девушки старше двадцати двух, а ей, как ты понимаешь, уже давно за тридцать.

Мы попросили счет, и вскоре каждый отправился по своим делам.

Январь 2016

Любовь

— Понимаете, мы не можем вам выдать такую сумму.

— То есть как? — спросила я.

— Так. Не можем, да и все, — и в серых глазах молодого человека отразилось полное безразличие.

В эту минуту от негодования я была готова его растерзать и потому перешла в наступление:

— А почему? Что у вас за банк такой!

— Нормальный банк, — флегматично ответил клерк.

— Видно, придется разговаривать с вашим руководством.

Молодой человек тут несколько смягчился и, понизив голос, стал пояснять:

— Банк здесь совсем ни при чем. И начальство не зачем тревожить. Судите сами. Ваша зарплата составляет всего шестьдесят тысяч...

Я смотрела на него и думала: «А твоя-то зарплата, можно подумать, больше! Небось и того не получаешь. Учить он меня собрался! Сосунок такой».

Клерк между тем продолжал:

— ...А кредит вы хотите получить на четыре миллиона. А еще проценты по нему платить чем-то надо. Восемнадцать процентов годовых, между прочим! За год набегит под пять миллионов долга с учетом всех комиссий...

— Ну и что? — перебила я. А то он еще долго бы так рассуждал.

— Как же вы кредит гасить будете?

— Послушайте, я сама бухгалтер со стажем — лучше вашего во всем разбираюсь. Что вы меня лечите? Я уже вам говорила, что шестьдесят тысяч — это то, что я «в белую» получаю. А с учетом всего у меня все восемьдесят пять, а то и девяносто выходит. На руки! После вычета налогов. Понимаете?

— Ну, пусть, пусть восемьдесят пять, хоть это и не имеет для банка большого значения.

— Это почему?

— Потому, что вы никак не можете это доказать. Но, даже если допустить, что вы действительно получаете девяносто тысяч — все равно этого недостаточно, чтобы погасить такой кредит.

— Почему?

— Потому что вашего дохода не хватит для погашения кредита. Как вы его, кстати, гасить собираетесь?

— Это моя проблема, как я его гасить буду. Вам что, клиенты не нужны?

— Клиенты нужны, но на такую сумму кредит выдать не сможем.

Мне захотелось заплакать. Я была в отчаянии. Весь мой план шел под откос. И тут меня осенило!

— А на какую сумму сможете?

Клерк деловито нажал несколько клавиш и уставился на монитор компьютера.

— Пятьсот тысяч! — торжественно произнес он в следующее мгновение.

— Давайте быстрее оформлять документы, — выдохнула я.

Когда через час, подписав договор, я вышла из банка, моя сумочка потяжелела на пятьсот тысяч рублей. Задача, конечно, несколько усложнялась, но в целом все складывалось совсем неплохо. Просто теперь, чтобы набрать четыре миллиона, предстояло посетить еще несколько банков. И дело в шляпе.

В реальности я побывала в двенадцати банках. Кое-где мне не дали ничего, зато в одном сразу отвалили аж восемьсот тысяч! В общем, за неделю дело было сделано. Дальше...

Нет, прежде несколько слов о себе. Я очень стройная и высокая — почти метр семьдесят. У меня узкие бедра, утонченные руки и ноги, почти второй размер груди, очень короткая стрижка — мне такая идет. Я очень гибкая. Не зря посещаю пилатэс два раза в неделю. Ну и, конечно, генотип хороший мне достался: мама и сейчас очень стройная, это в ее-то годы. Я нравлюсь мужчинам, но пока остаюсь свободной. Не то

чтобы я недотрога была. Просто жду настоящего, чтоб как за каменной стеной. Ну, вы же понимаете! У меня есть поклонники. Сейчас о них не будем. В любом случае, ни с одним из них я не планирую идти под венец. Да и какие мои годы! Мне тридцать три. В современном мире это не возраст для молодой женщины. Хотя некоторые так не считают. И даже «истерят», как только им за тридцать перевалит. Я не такая. К тому же я в состоянии прокормить себя сама.

Родом я из Костромы. Пока снимаю «однушку» в Свиблово. Далековато от центра, но зато близко от метро: пару остановок на троллейбусе. Несколько лет работаю в одной небольшой фирме по продаже обоев. Офис, где мое рабочее место, находится в центре Москвы, недалеко от Садового. Я доросла до главного бухгалтера — недавно повысили. Теперь у меня в подчинении два человека.

Как-то дождливым октябрьским вечером, месяц назад, наверное, на душе так тошно было, зашла после работы в кафе — прямо за углом от входа в наш офис. Сiju, коктейль потягиваю. За окном сумерки, дождь. Ветер последние листья с деревьев срывает. А мне в такую погоду еще домой через весь город тащиться. Поклонники мои в тот вечер все куда-то разбежались. Вы не подумайте: обычно я после работы всегда в компании, просто в тот вечер так вышло. Некому проводить оказалось. А и спешить мне совершенно некуда. Что

мне в холодной квартире одной делать? Думаю, хоть бы коктейль подольше не кончался. И так мне захотелось, чтобы нашелся настоящий мужчина, сильный, смелый, красивый, ну, понимаете, что я имею в виду. На которого опереться можно было бы.

Вы, наверное, слышали, что если что-то очень захотеть, то обязательно получится. Я читала недавно, что человек своими мыслями на окружающую среду влияет. Формирует свое будущее, так сказать. Мне кажется — так и есть. Вот я и стала думать на соответствующую тему. И даже зажмурилась от мысленного напряжения.

И вдруг слышу приятный мужской голос: «Девушка, вы одна?» Глаза открываю и вижу солидного мужчину. Не сплю ли я? Нет. Это наяву. На вид лет сорок, не больше. Я всегда считала, что мужчина постарше женщины должен быть, но только немного, не так, чтоб в отцы годился. У этого благородная седина на висках. Роста хорошего: чуть повыше меня. Руки сильные, и в плечах развит. Пиджак на нем представительный. И, как бы это объяснить, такой весь обстоятельный — это сразу видно всякой женщине.

Я еще ничего не успела ответить, а он уже:

— Разрешите представиться. Вадим.

— Люба.

— Очень приятно. Люба, позвольте присесть?

Очень обходительный! Мне всегда именно такие нравились.

— Конечно, — говорю, — садитесь.

Разговорились. Чувствую, мой человек. Проболтали с ним часа два, наверное. Потом он меня до дома проводил, хотя сам на другом конце Москвы живет. Настоящий джентльмен.

Тем утром он свою машину разбил и на сервис отогнал, поэтому мы на метро поехали. Под козырьком моего подъезда долго стояли: все никак наговориться не могли. Я и решила пригласить его на чашку чая: хороший хозяин в такую погоду собаку гулять не выпустит, а мы стоим как бездомные. Вадим сначала замялся и деликатно заметил, что не хотел бы причинять мне беспокойства. Я и не подозревала, что он стеснительный такой окажется. Как много в одном человеке может на первый взгляд самых противоречивых качеств поместиться! Я имею в виду стеснительность и мужественность. Одной мне всегда страшно в подъезд входить, а с ним в тот вечер ничуть. Как это здорово: не бояться!

Видя его застенчивость, я его за руку взяла. Так до самой квартиры и шли. Я на втором этаже квартиру снимаю.

Но до чая дело не дошло. Он на меня прямо в коридоре как тигр набросился. У него щетина, ух какая колючая, меня такая заводит! Одним словом, тут у нас все и произошло первый раз.

С тех пор и завертелось. Чувства нас накрыли. И вся жизнь моя от этого переменялась, словно из черно-белой цветной стала. Он меня почти каждый вечер по-

сле работы встречал, звонил по пять раз в день. Недели две так продолжалось. А потом предложение сделал.

Ну, не совсем предложение. То есть, конечно, Вадим бы его сделал, если бы не одно обстоятельство. Он ведь был женат. Вадим, правда, поначалу из деликатности стеснялся мне в этом признаться — не хотел травмировать. Но когда у нас так завертелось все, то уже не мог ничего от меня скрывать и рассказал о своих запутанных обстоятельствах.

Они с женой давно были чужими людьми. И даже отношений никаких не было сто лет. Просто жили по привычке под одной крышей. Так бывает. За месяц до нашей встречи она серьезно заболела. Рак обнаружили. В таком состоянии он, как порядочный человек, ее бросить, сами понимаете, не мог. Она мучилась страшно: боли сильные. А сколько ей еще — никто сказать не мог. Врачи рекомендовали ехать на лечение в Германию, но денег не хватало. Сумма большая — четыре миллиона, если по курсу. Одолжить он не мог. И так весь долгих, как в шелках: все в бизнес вложил, а отдача не раньше, чем через год. Но целый год мы ждать не могли. Вот я и решила ему помочь. Он вначале отказывался, но потом согласился. Договорились, что как только жена на поправку пойдет, он ей все и расскажет. Врачи говорили, что около месяца потребуется.

И вот я набрала кредиты в девяти банках. Все деньги Вадиму тут же передала. А потом он исчез. Про-

сто перестал звонить и все. А свой номер отключил. Сначала я испугалась, не случилось ли с ним что. Все больницы и морги обзвонила. Все бесполезно. Тогда мне в голову всякие неприятные мысли полезли. Должен же он был дать о себе знать, если с ним произошло что-нибудь неладное? А что если он аферист? Прошло еще несколько дней, и я ощутила себя полной дурой. Ведь кроме номера мобильного телефона, фамилии и имени, которые я только с его слов знаю, у меня не было о нем никаких сведений. Вадим говорил, что живет на Войковской. Но где именно?

Я побежала в милицию. Какой-то несносный сержант долго смеялся над моей историей, вместо того чтобы заняться своим делом. Но от меня так не отстаешь! Мобильник Вадима оказался зарегистрированным на какого-то «синяка». По составленному фотоботу идентифицировать моего несостоявшегося жениха также не удалось, да и искать его, как я поняла, всерьез никто не собирался.

Между тем каждый месяц я должна была выплачивать по долгам сумму, превышающую мою зарплату. А надо еще на что-то есть, пить, ездить на метро. Понятное дело, что я даже не пыталась возвращать долги. Совсем скоро начались звонки коллекторов, угрозы и все такое. Ситуация, я вам скажу!

Что было делать? Я отправилась к своему начальнику: он же единоличный хозяин фирмы. Его слово

закон. Красавец мужчина! Греческий профиль! Черные волосы так и вьются. А осанка какова! Староват немного, правда, за пятьдесят ему, но если бы подвернулась возможность, то... Несколько лет назад, при трудоустройстве я намекала, но он — ни в какую. Отшучивался, говорил, что на работе «ни-ни».

У нас все демократично, без всяких секретарей. Но хозяин, конечно, сидит в отдельном кабинете, остальные все вместе.

— Здравствуйте, Леонид Яковлевич, — приветствовала я его с улыбкой на устах, грациозно располагаясь на стуле в его кабинете.

— Добрый день, Люба. Документы на подпись принесли?

— Как обычно, — и я передала ему пачку платежей. Пока он подписывал, я приступила к делу.

— Вообще-то, Леонид Яковлевич, дела у меня неважные.

— А что такое, Люба? — спросил хозяин, не отрывая головы от бумаг.

— Не хочется от дел вас отрывать своими заботами. На самом деле я просто хотела попросить вас о прибавке к зарплате, — осторожно начала я.

— Так вам же прибавляли полгода назад, когда на новую должность переводили.

— Это так. Но я ведь справляюсь с работой. И хорошо справляюсь. Не правда ли? — я проникновенно посмотрела на шефа.

— Да, все в порядке, справляетесь.

— Ну, вот. Тогда нельзя ли мне зарплату прибавить?

— Я же говорю вам, Люба, что прибавили уже. Ровно до того уровня, сколько ваша предшественница получала. А если бы вы не справились, то вас бы снова понизить стоило.

Разговор определенно не клеился, и я вынуждена была поменять тактику убеждения.

— Понимаете, — жалобно забормотала я, — мне очень надо. Войдите в положение.

— Да в чем дело-то, не могу понять? — сердито произнес шеф.

— Понимаете, Леонид Яковлевич, мне кредит нечем гасить, — я склонилась над столом и обхватила руками голову.

— Ничего не понимаю. Какой еще кредит? — методично продолжая подписывать документы, произнес шеф.

— Четыре миллиона рублей.

— Сколько-сколько? — его рука зависла в воздухе, и он первый раз за весь разговор посмотрел на меня.

— Четыре миллиона.

— Кто же вам дал такой кредит? — ухмыльнулся начальник, как будто я рассказывала что-то веселое.

— В банке дали.

— И в каком же банке такие идиоты работают? — с видимым интересом спросил шеф.

— Нет, в одном не давали. Их несколько. Девять, если быть точной.

— Вот оно что! А зачем же вы кредиты набрали?

— Это мое дело, — спорила я глупость. Хотя если с другой стороны посмотреть, то должна же у женщины гордость быть.

— Ну, раз ваше, то сами и разбирайтесь, — и он, потеряв интерес к беседе, передвинул кипу документов ко мне поближе, намекая, что мне пора.

— Но мне больше не к кому обратиться. Умоляю вас, — от подступившего к горлу кома голос мой дрогнул, и слезы, помимо воли, навернулись на глаза.

— Ну, ладно, ладно, только без этого, — поморщился шеф. — Успокойтесь. Налейте вон себе стакан воды. И мне заодно. Давайте, давайте, поговорим, но только спокойно.

— Хорошо, хорошо. Как скажете, — я быстро налила два стакана воды и молча села на стул.

— Понабрали вы кредитов на такую дикую сумму, допустим. Но как вы планировали их отдавать?

— Я и не планировала отдавать сама. Мой жених — бизнесмен. Понимаете?

— Так пускай и гасит, — весело предложил шеф.

Вот так всегда! Мужчинам только бы с себя ответственность сбросить!

— Он исчез, — ответила я коротко.

— С деньгами?

— Да.

— Мило. А вы с ним давно были знакомы?

«По живому бьет, гад!» — подумала я и ответила:

— Три недели. Какое это имеет значение?

— А зачем вы ему деньги отдали?

Тут мне пришлось вкратце изложить всю историю.

— Понятно. Обратитесь в милицию, — посоветовал шеф, когда я закончила.

— Уже обращалась.

— Понятно.

И чего это ему все понятно, спрашивается? Шеф между тем снова с интересом уставился на меня, но почему-то перевел беседу в другую плоскость, не имевшую отношения к теме нашего разговора.

— Люба, скажите, а у вас квартира в собственности?

— Нет, я снимаю.

— А у родителей квартира есть?

— В Костроме, трешка.

— В центре?

— Нет.

— В каком доме?

— В обычном, панельном.

— То есть даже если продать квартиру родителей, то может не хватить. Интересно, интересно, — бурчал себе под нос шеф. — А скажите, Люба, вам когда-нибудь доводилось планировать бюджет? Я имею в виду, ваш личный, а не компании.

— Что вы под этим подразумеваете?

— Что же тут непонятного? Как вы планируете свои доходы и расходы? Откладываете ли деньги на покупку собственного жилья или просто на старость?

Имеется ли у вас медицинская страховка на случай, если заболете?

— Нет, ничего этого я не делаю, — мрачно ответила я.

— Как беспечно живет молодое поколение в наши дни. Хотя вы уже и не молодое поколение вовсе. Тридцать шесть лет...

— Тридцать три, — вставила я по привычке.

— Оставьте, я знакомился с личным делом при назначении вас на новую должность и все прекрасно помню, — махнул он рукой, — но я не об этом. Как так можно жить, единым днем? Ничего не откладывая. А что потом? А случись чего?

Тут я рассердилась. Сидит такой, рассуждает. Сам сытый, холеный, как сыр в масле катается. Конечно, с его доходами можно и на старость себе откладывать, и страховки покупать, и на машине дорогой разъезжать, и за границу кататься, и других поучать. Это разговоры сытых! А «сытый голодного не разумеет».

Судите сами, хороша бы я была с этим личным финансовым планированием. На старость откладывать? Из каких это, интересно, средств? Ну, отказала бы себе в редких поездках за границу — сидела бы все время на одном месте, как дура. Ничего бы в жизни тогда совсем не повидала. А что взамен? Сколько бы сэкономила? На старость все равно не хватило бы. Да, до нее, старости этой, еще дожить надо. А свое жилье? Разве на него накопишь при моей-то зарплате! Может, если не есть совсем и голой ходить, тогда, наверное...

— А потом, еще этот кредит. О чем вы думали? Никаких повышений не хватит, чтобы такую сумму погасить. У нас, по крайней мере, столько не получают... — пробурчал себе под нос шеф, — ладно, идите, подумаю, что можно сделать.

Леонид Яковлевич сделал мне жест рукой и потянулся к телефону. Очевидно, он набрал кадровичке, Виктории Павловне. Потому что, когда я поравнялась с ее столом, она хлопнула трубкой — ничего не может сделать элегантно, — и с топотом, словно бегемот, рванула в кабинет своего хозяина. От рвения все ее толстое тело так и заколыхалось под жутким балахоном, который она напяливает каждый день. И о чем она думает? На что надеется?

Впрочем, зря я о ней так. Виктория за два бокала вина тем же вечером в кафе весь разговор с шефом слово в слово мне выложила. Привожу наш разговор.

— Дела твои дрянь, Люба, — начала она многозначительно.

— Что такое-то? Не тяни!

— Вообще-то, шеф сказал, что это строго секретно.

— Ну, Вика, мы же свои люди! Кстати, еще бокальчик вина?

— Только если закусим чего-нибудь.

— Давай, я угощаю.

— Ну, хорошо. Только смотри, я тебе ничего не говорила.

— Это само собой.

— Говорит мне шеф: «Какая бестолочь эта Люба оказалась! Надо бы ее уволить. Вы подготовьте документы и поговорите с ней. Мне самому это как-то очень удобно».

Я спрашиваю: «А что такое? Случилось-то что?»

«Врет все время. Несколько раз ловил ее. Только что про возраст соврала. Но это мелочи. Она тут кредитов на четыре миллиона рублей набрала. А у нее отродясь таких денег не водилось. Чем она думала? И еще зарплату просит ей повысить. Видно, не в себе тетка совсем. Как бы она теперь чего на работе не выкинула. У нее же право подписи на платежных документах.»

«Леонид Яковлевич, а может ей действительно зарплату повысить?» — предложила я робко.

А он прищурился и отвечает: «А что, хорошая идея. Давайте раз в пять повысим, чтобы она могла по своим долгам расплатиться, правильно?»

Я молча закивала и даже обрадовалась.

А он добавляет: «Уполовиним зарплату всех сотрудников, как раз хватит. С вас, Виктория, и начнем».

Тут я поняла, что это шуточки у него такие.

«Сейчас же отведите ее в переговорную и скажите все, что в таких случаях полагается», — нахмурился брови, отдал указание шеф.

«Леонид Яковлевич, может, не надо?»

«Чего не надо? Вы должны защищать интересы организации!» — рявкнул он.

Я от страха вжала голову в плечи.

А он посмотрел на меня волком и сказал:

«Вижу, от вас толка мало. Сам с ней поговорю. Эх, надо бы прямо сейчас, но не успею — у меня встреча с клиентом начинается, а это до позднего вечера, — он закатил глаза под потолок. — Завтра в командировку с утра улетаю. Из командировки через три недели вернусь. Тогда и уволим ее. А вы пока документы подготовьте: по соглашению сторон. Три оклада ей выплатим, пусть радуется. И чтоб рот на замке! И вот что, отправьте-ка ее лучше в отпуск до моего приезда, от греха подальше. С этим-то вы уж, надеюсь, справитесь без моей помощи. И обязательно проследите, чтоб она на работе за это время не дай бог не появилась.»

— Так что ты Люба, уже в отпуске находишься. Отпускные тебе на карту переведут завтра.

— Гадина какая! — чуть ли не закричала я. Несколько посетителей обернулись на нас.

— Тише ты! — кадровичка боязливо завертела головой по сторонам. — Обещала же, что все между нами!

— Не бойсь, не сдам.

Быстро покончив с едой и вином, толстуха в тревоге ретировалась, а я взяла себе еще бокальчик красного и стала смотреть в окно. Там снег, слякоть. Так мне стало себя жалко. Хоть бы провалилось это все. Или, черт с ним, пусть все тут остается, как есть, а самой бы сдунуть куда-нибудь. Туда, где солнце, тепло, фрукты! И чтоб, конечно, нашелся бы там настоящий мужчина,

который может защитить хрупкую женщину. У меня навернулись слезы, и я закрыла глаза. А сама все думала о другой солнечной стране, где нет никаких долгов, да и вообще никаких проблем. А мысли, я же вам говорила, материальны. И они снова начали сбываться. До моих ушей донеслись слова диктора.

Я подняла глаза на экран телевизора и увидела рекламу горящих дешевых туров в Египет. Отчего бы мне туда не съездить на недельку? Все лучше, чем здесь киснуть. С деньгами проблем нет: отпускные мне на карточку переведут, виза не нужна. Одним словом, через два дня я уже купалась в теплом море Хургады. И никакой вам слякоти и холода.

Поначалу время летело незаметно, но к вечеру второго дня, когда я прогуливалась по курортным улицам, на меня накатила тоска. Я зашла в кафе, выпила пива. Вокруг меня бродили веселые толпы туристов, но никому из них не было дела до хрупкой одинокой девушки. Одиночество — страшная штука! В голову полезли мысли о моих московских проблемах, и стало совсем невесело. И тут...

— Почему такая девушка плачет? — услышала я мужской голос с сильным иностранным акцентом.

Я открыла глаза. Передо мной стоял восточный смуглый красавец. Кучерявые, черные как смоль волосы. Среднего роста, крепкого телосложения. Под обтягивающей модной цветастой рубашкой отчетливо выступали контуры накаченных грудных мышц, бицепсы

так и играли. На животе — ни грамма жира. С таким не страшно, если что. Брюки наглажены, надраенные ботинки. На пальцах увесистые золотые перстни. Сразу видно, обеспеченный мужчина. Я словно онемела и смотрела на него, не в силах вымолвить слова.

— Могу ли я тебя угостить? — произнес он чуть ли не по слогам.

— Можешь, — и я улыбнулась.

Он заказал два бокала вина. Мы как-то очень быстро нашли общий язык — совпадение взглядов, наверное. Что бы я ни говорила, тут же выяснялось, что Аббас — так звали моего нового поклонника — того же мнения. Уже через час я поняла: это мой человек. То есть он думает, а главное, чувствует, как я. А какие у него умные глаза!

Аббас — египтянин. Но учился в России десять лет назад. Получалось, что он немного моложе меня, но это совсем не важно. Теперь Аббас занимается коммерцией. Приходится много ездить: Каир, Москва. В Каире у него родители, квартира недалеко от пирамид.

Мы пошли на дискотеку, где танцевали до утра. Пока Аббас провожал меня, мы все говорили и говорили. Со своим человеком темы для разговоров всегда находятся. Признаться, очень не хотелось с ним расставаться в тот вечер. Мы целовались всю дорогу. Но чтобы он не подумал чего — все-таки первый вечер, — я не пустила его в номер.

На следующий день Аббас снова приехал ко мне. Целый день мы купались, валялись на пляже, пили вино

и, глядя на теплое море, просто болтали. Аббас оказался очень внимательным мужчиной. Обо мне он хотел знать абсолютно все, даже самые скучные подробности жизни, вплоть до моей работы в самых тонких деталях. Ему очень польстила моя должность. Он гордился моими достижениями! Ужинали мы в ресторане, а после под южными звездами лежали у моря, взявшись за руки. Там, под теплым покровом южной ночи, я больше не смогла сдерживать себя и отдалась ему прямо на пляже. Ах, какой Аббас любовник! Но это не просто секс — это восторг. Так хорошо бывает только, когда ты любишь и тебя любят. Все же через голову идет.

Все последующие дни до самого окончания моего отпуска мы были неразлучны. Аббас не женат. Но давно хотел завести семью, только никак не мог найти подходящую женщину, которую смог бы полюбить всем сердцем. Свадьбу решили сыграть через две недели в Каире. Жить планируем у Аббаса. Он мне показывал фотографии своей Каирской квартиры. Мне понравилось. Места для жизни на первое время нам хватит. В Москву полетели вместе. Аббасу как раз надо было туда по делам. Он, само собой, остановился у меня.

Вскоре после прилета Аббасу кто-то позвонил. Разговор был на арабском. Когда он повесил трубку, на нем лица не было. Вначале отмалчивался. Но я настояла. Выяснилось, что пропал товар, и теперь ему угрожали. Нужно было либо в самое ближайшее время достать деньги, либо закрывать бизнес и срочно уез-

жать в Каир навсегда. Но в этом случае прежде, чем жениться, ему, как порядочному мужчине, надо было бы вновь раскрутиться, чтобы чем-то кормить семью. А это годы.

Денег нужно было не так уж и много, пять миллионов рублей. Но взять их было неоткуда.

Я ночь не спала, ломала голову, как помочь моему любимому. И все думала, проектировала в голове будущую реальность, чтобы все наши проблемы решились, чтобы мне уехать из этой слякоти в солнечную страну, где фрукты круглый год на деревьях растут, где море теплое и нет дождя со снегом.

На следующий день я от нечего делать заскочила на работу. Там все без изменений. Шеф еще не возвращался из командировки. Кадровичка Виктория, как мне сказали, была на больничном. Я уже собралась было идти домой, но потом, от нечего делать села за свое рабочее место и открыла систему «банк-клиент». Представьте себе, тем самым утром на счет компании упала кругленькая сумма. Четыре миллиона. А еще говорят, что мысль нематериальна! Аббас быстро понял, в чем дело. Он лихой парень! Ему, правда, нужно было пять, но он сказал, что и этого на первое время хватит, а там что-нибудь придумаем. Свадьбу решили не откладывать!

Леонид Яковлевич должен был появиться в офисе через два дня. Надо было торопиться. И ближе к вечеру я совершила перевод на всю сумму. Платежные реквизиты подставной фирмы мне сообщил Аббас.

Будут ли меня искать? Вряд ли. Аббас сказал, что из-за такой маленькой суммы никто и не почешется. Но, думаю, из страны лучше все же поскорее смотаться, меня и без того коллекторы за неуплату кредитов одолевают. Да и что я тут забыла?

Сейчас пакую чемоданы. Утром улетаем в Каир. Я уже выбрала рейс и оплатила билеты. Аббас вот только что-то задерживается. И телефон его почему-то отключен.

Ноябрь 2015

Метросексуал

Лежа на диване в сладкой полудреме, Сергей, словно холеный большой домашний кот, слегка потянулся и издал звук удовлетворения, действительно напоминающий кошачье мурлыканье.

Потом он лениво приоткрыл глаза. Его взору открылась привычная картина — просторная студия, обставленная с большим вкусом. Чувствовалась рука профессионального дизайнера: изысканная мягкая мебель, черный как смоль паркет, светлые стены с интригующими черно-белыми фотографиями, барная стойка серого мрамора, окно до пола, за которым открывался вид на большой город. Наконец взгляд Сергея остановился на циферблате старинных часов «Павел Буре», разместившихся на тумбе, под зеленым абажуром большой лампы. Стрелки сошлись вместе на двенадцати.

Холеная рука хозяина студии, хранившая следы маникюра, дотянулась до книги под названием «Моби Дик», раскрытой на двадцатой странице. Крупные пальцы уже было сомкнулись на обложке, но потом, следуя за кистью, вяло опустились на ковер.

Вообще-то Сергей не отличался большой любовью к литературе и к творчеству старины Мелвилла был совершенно безразличен. Но в некоторых интеллигентских кругах Москвы, где ему порой доводилось бывать, было принято, по выражению одного знакомого, обладать «кроссвордным знанием». Например, обронит кто-нибудь «Борис Виан», а другой тут же подхватывает с тонкой улыбкой знатока — «Пена дней». И не беда, что «Пену дней» он в свое время не осилил, да и не интересна она ему вовсе. Главное, что все осведомлены теперь о его высокой образованности и беседу, опять же, удачно поддержал. А попробуй спроси, о чем там написано. Посмотрят как на невежду, пристыдят. И не дай бог настаивать: до конфликта дойти можно. Вот в такой конфуз недавно попал Сергей из-за проклятого кита и теперь вторую неделю кряду на досуге терзал себя занудной книгой.

Впрочем, результаты его усердия все же принесли свои плоды. К примеру, третьего дня навестила Сергея одна очаровательная новая знакомая. Так дело пошло лишь после того, как она случайно взглянула на книгу Мелвилла, небрежно раскрытую на двадцатой странице.

От приятных воспоминаний той бурной ночи Сергей томно потянулся еще раз и пошевелил крупными ухоженными пальцами ног с идеальным педикюром. Была суббота. И он многое успел уже сделать: на завтрак выпил чашку кофе с обезжиренным творогом,

как рекомендовал диетолог, провел за тренажерами ровно сорок пять минут, как советовал инструктор, и даже полежал под искусственным кварцевым светом. Благо тренажерный зал находился на первом этаже его хорошо охраняемого дома. Потом поднялся к себе, и тут его накрыла легкая истома, которой он не стал противиться.

Это был молодой, на вид не более тридцати пяти лет, но уже состоявшийся мужчина. По специальности — пластический хирург. Последние лет пять все очень удачно складывалось в его жизни. Высококвалифицированный труд его после долгих усилий наконец-то получил заслуженное признание. Пришли уважение и достаток. Сергей приобрел дорогую студию в сто квадратных метров, а старую родительскую квартиру начал сдавать.

Сергей полагал, что истоки его успеха кроются в рациональном поведении и разумном эгоизме. Согласно его философской концепции, всякому мыслящему человеку надлежало бережно ухаживать за своим телом и руководствоваться логикой своего интеллекта. Эмоции же, которые неизвестно куда могут завести, необходимо было держать под плотным контролем.

Пластический хирург вел холостой образ жизни. Как-то раз, еще в далекие студенческие годы, у него случился бурный роман. До женитьбы, однако, дело не дошло. Сергей резонно рассудил тогда, что нелепо, когда муж, а может быть, даже и отец, станет про-

суть денег у родителей на содержание семьи. Молодые люди решили подождать несколько лет до окончания института, но к моменту выхода на работу оказалось, что возлюбленная Сергея уже на сносях от кого-то совсем другого. Брак, естественно, расстроился, но само намерение еще долго не покидало Сергея. По инерции он пребывал в уверенности, что вот-вот обзаведется семьей. Однако шли годы, менялись возлюбленные, которых с ростом материального благосостояния становилось все больше и больше, а желание сковывать себя узами брака почему-то не появлялось.

Однако пора было собираться. Сергей встал и отправился в душ, где, натирая себя благоухающими гелями, провел не менее пятнадцати минут. Растираясь полотенцем напротив зеркала во всю стену, он в который раз порадовался своему загорелому большому торсу, плоскому животу с кубиками мышц, которому позавидовал бы любой юноша, крепким рукам и ногам. Потом он подбрил себе грудь, как того требовала мода, покрыл себя специальным кремом, не содержащим спирта, — чтобы напрасно не иссушать кожу — и отправился в небольшую гардеробную. Там перед его взором открылись ряды дорогой обуви, брюк, рубашек, пиджаков. Он любил модно, со вкусом одеваться и уделял обновлению гардероба немалое время.

Время шло к обеду, который искушенный сердцеед планировал провести в обществе одной дамы, на кото-

рую у него имелись виды. Они познакомились совсем недавно. Дама пришла к нему на консультацию по пустяковому вопросу. То ли ей хотелось слегка приподнять бровь, то ли подкачать губу — сейчас он уже не помнил. Лицо Оксаны — так звали посетительницу — было и без того прекрасно, так что по сути ей ничего не требовалось, ну, разве что самую малость — пластический хирург никогда не отказывался от плывущих в руки денег. Более того, он обладал даром — непринужденно соединять приятное с полезным. От тонких комплиментов хозяина кабинета, в которые были искусно вплетены рекомендации на дорогостоящие и совершенно излишние процедуры, тугие щечки Оксаны слегка зарделись, что не осталось без внимания обходительного доктора, который решил, что дело в шляпе со всех сторон. Как это бывает в подобных случаях, совершенно неожиданно выяснилось, что у них есть много тем для обсуждения. И обаятельный доктор со своей привлекательной пациенткой не замедлили проследовать в кафе напротив. Их непринужденный диалог был прерван звонком ассистентки Сергея: его ожидала следующая пациентка. Свидание с Оксаной было перенесено на следующий же день, субботу.

«По крайней мере, никто не будет отвлекать», — подумал доктор, прощаясь с новой знакомой.

Оксане же встречу откладывать было также ни к чему: ее муж возвращался из командировки в предстоящее воскресенье.

Сергею нравилось все большое. Оттого его широкое запястье непременно украшали большие часы, которые невозможно было не заметить, галстук он предпочитал завязывать на крупный узел, ботинки носил на толстой подошве. Разъезжал обаятельный доктор на огромном внедорожнике премиального класса. И от всего-то его облика веяло уверенностью, деньгами и успехом, что не могло не привлекать противоположный пол.

Оксана была ему под стать: высокая, яркая блондинка. Когда она непринужденно выпорхнула из своего желтого кабриолета, несколько проходивших мимо ресторана мужчин проводили ее долгим взглядом.

Сергей, расплывшись в улыбке, поднялся ей навстречу. Оксана подставила лицо для поцелуя, как если бы это был ее старый знакомый.

Милый доктор бережно взял прекрасную пациентку за локоть и слегка коснулся губами ее напудренной щеки, излучавшей пленительный аромат.

— Ах, мне так неудобно! Я заставила тебя ждать! Прости... — притворно потупив глаза, пролепетала она. Они перешли на «ты» еще во время первой встречи.

— Ну что ты! Все в полном порядке. Каких-нибудь полчаса.

Оксана оценивающе посмотрела на Сергея. В его ответе крылся легкий сарказм, но на лице играла искренняя улыбка. Определенно он был рад ее видеть.

— Это все дети. И няня. Как всегда, перед самым уходом от меня всем все всегда надо!

— У тебя есть дети?

— Да. Сын и дочь. Катя и Сева. Пять и десять лет.

— Отказываюсь верить! У такой молодой мамы — такие взрослые дети. Невероятно!

Щеки Оксаны благодарно зарделись.

— Вот и сейчас. Кате непременно надо было достать из бассейна любимую куклу. У няни, конечно же, не оказалось купальника. Пришлось лезть в бассейн самой. Не успела достать куклу, как позвонил тренер из школы гольфа, — щебетала Оксана.

— Играешь? — вставил Сергей.

— Так, немного. В основном это сын Сева. Делает невероятные успехи, вообще-то, но прогулял предыдущее занятие. У нас гольф-клуб на территории поселка, буквально за оградой нашего участка. Вот он и не пошел — очень удобно. Играл на компьютере. Что с этим увлечением делать, ума не приложу? Но главное, что он соврал мне. Это как-то не по-мужски.

— А что муж говорит?

— Ах, он, как все мужчины, очень занят на работе! Его никогда не бывает дома. Детям определенно не хватает твердой мужской руки. Вот и сейчас он снова в командировке!

— Надолго? — полюбопытствовал Сергей.

— Завтра возвращается.

Из слов Оксаны вытекало, что дама скучает и не прочь поразвлечься сегодня вечером. А также, что барышня оказалась богаче кавалера. Это был первый

случай в обильной практике пластического хирурга, что, с его точки зрения, создавало некоторые неудобства. Но по натуре Сергей был исследователь. Его любознательность простиралась во все области, с которыми он соприкасался: работа, экологический туризм, полеты на вертолете и многое, многое другое. Женщины здесь не являлись исключением. Он был одержим новыми знакомствами, где физическая близость была логически необходимым и прекрасным продолжением или же завершением процесса познания.

«Что ж, посмотрим, как пойдет сегодня», — подумал Сергей. Хотя в целом ему все было более-менее уже понятно. Перед ним сидела взрослая женщина, которая прозрачно давала понять, что ей нужно. На вид ей не было и тридцати, но опытный взгляд врача, пластического хирурга, подсказывал, что мама двух детей выглядит лет на пять-семь младше своего биологического возраста. А в эти годы женщины обычно хорошо знают, чего хотят.

Оксана между тем продолжала свое повествование о трудностях, с которыми ей, слабой женщине, приходится сталкиваться ежедневно.

— И в довершение всего Олег опять не справился с элементарным поручением...

— А кто это Олег? Муж?

— Нет. Муж ведь за границей, в командировке. Олег — это наш водитель. Я его вчера посылаю за лекарством в аптеку. Он привозит совсем не то. Я его,

естественно, посылаю снова. Водитель и в этот раз привозит не то. Нарочно он это, что ли? Или совсем идиот? Поди разбери его. Молодой парень еще, вроде. Голова-то должна работать. Я его, конечно же, третий раз отправляю. А он принимает такой вид, будто чем-то недоволен, и с вызовом стоит на месте. Хотя недовольной должна быть я... — ища поддержки, Оксана посмотрела на Сергея. И тот в ответ с готовностью качал головой, давая понять, что тоже порицает задрывавшегося водителя.

— Теряя терпение, я спросила, что его не устраивает. А этот «красавец» мне вдруг заявляет, что не нанимался у меня на посылках быть. И взгляд такой орлиный стал при этом. Голову вскинул. Куда с добром?! Получает, между прочим, совсем неплохо. На такие деньги я без труда завтра же нового возьму. Но это еще не все. Его семья — жена с ребенком — бесплатно у нас над гаражом круглогодично живут. А ему все мало!

— Что же было дальше? — поинтересовался Сергей.

— Я, естественно, сказала, что если его что-то не устраивает, то может поискать себе другую работу. А он, не поверишь, послал меня к черту и, заявив, что завтра же съезжает, величавой походкой удалился в свою комнатенку. Мне даже показалось... Да нет, не показалось! Теперь я помню, что отчетливо слышала, как он пробормотал слово «ненавижу».

— И?

— Сегодня с утра подходит, словно побитая собака, — полная метаморфоза, короче. Взгляд кроткий, голова понурая. Губы трясутся. Бормочет что-то: «Оксана Игоревна, так и так, не знаю, что на меня нашло, простите, помогите и так далее и тому подобное». Отвратительное зрелище. Мужчины так себя не ведут. Особенно мне почему-то запомнилось, что у него губы тряслись.

Я, конечно, сказала, что все в порядке и что он может ехать в аптеку за лекарством. Но противно!

Чем такое поведение можно объяснить, хотела бы я понять? Может быть, я тоже в чем-то виновата? И за что он меня ненавидит? — неожиданно посерьезнела Оксана. И Сергей, увлекавшийся в институте курсом психоанализа, радостно пустился в пространные пояснения:

— Все очень просто. Перед нами пример иррационального поведения индивида и его печальных последствий. А именно: хорошо оплачиваемому, но глуповатому водителю неожиданно показалось, что он представляет собой нечто большее, чем обслуживающий персонал. Недотепе померещилось, что может выскочить за пределы своих скромных возможностей, и он поддался неожиданно всплывшему мощному импульсу, зовущему его к свободе. Между прочим, импульсивность поведения обычно присуща интеллектуально недоразвитым людям.

Однако я подозреваю, что уже совсем скоро, буквально тем же вечером, к нему пришло горькое осоз-

нание своей роли в этом мире и понимание необходимости, которая окружает любого из нас и которую лбом не прошибешь. Водитель, конечно же, не мыслил в философских категориях, а просто вспомнил, бедолага — а может, ему жена быстро напомнила, — о том, что нужно как-то кормить семью и обеспечивать кров. И после бессонной ночи, наступив на горло своей гордости и несостоявшейся свободе, он снова вынужден был вернуться в отведенные ему пределы. Претерпел унижение, разумеется. И все благодаря своей глупости. «Каждый сверчок знай свой шесток» — есть такая поговорка. Так что ни в чем ты не виновата. Недотепа сам поставил себя в такое положение.

— А ненавидит-то он меня за что?

— Классовая ненависть — угнетаемый ненавидит своего угнетателя. Хотя, если посмотреть шире, нас всех кто-нибудь угнетает или притесняет, и мы с этим ничего не можем поделать. Так устроена жизнь. Стоит ли на это сердиться?

Собственно говоря, возможности любого человека довольно ограничены. Но люди в своем большинстве свыкаются с этими границами. И, чтобы не травмировать свою психику, о недоступном обычно не задумываются. Недостижимые стремления сами собой вытесняются из сознания. Я, допустим, хотел бы уметь летать, но еще в детстве забыл об этом желании, как о неисполнимом. И лишь во сне порой мне кажется, что я лечу. Кто-то мечтал быть сильнее всех своих не-

другов. Другие хотят жить вечно и непременно всегда счастливо. Да мало ли чего еще! Но все это неосуществимо. Жизнь задает свои пределы, в рамках которых люди, мыслящие рационально, находят свое счастье. Каждый на своем уровне. Разумный человек должен осознавать свои границы ради своего же блага.

Оксана внимательно его слушала. С ее уст сошла улыбка. Все эти объяснения казались ей слишком запутанными и довольно неприятными. Оттого она выглядела несколько расстроенной. Заметив это, сообразительный доктор понял, что слишком увлекся интеллектуальными экскурсами, что, как он знал из опыта, делу было только во вред.

— Бог с ним, с водителем! Расскажи лучше о себе. Как проводишь свободное время? Где отдыхаешь? Что предпочитаешь на завтрак? — широко улыбнулся Сергей.

— Я даже не знаю, с чего начать ... — никак не могла придти в себя пациентка.

— С чего хочешь. Мне все о тебе интересно, — и он доверительно накрыл своей большой ладонью ее маленькую ручку.

Тут Оксана вновь улыбнулась и с готовностью легко защебетала:

— Что ж, тогда все по порядку. На завтрак я сегодня съела кашу на воде, потом выпила чашку крепкого кофе с молоком и французской булкой.

— С круассаном? — подхватил Сергей весело.

— Точно, — рассмеялась Оксана.

Эти двое определенно нравились друг другу и оттого не скупилась на улыбки и непринужденный смех.

Потом Оксана поведала о своих любимых дорогих курортах: Мальдивы, Сардиния и что-то там еще. Рассказала, что осваивает азы верховой езды и как недавно ее понесла лошадь, и она с нее лишь чудом не упала.

Время бежало незаметно. Они давно разделались с кофе и десертом. Сергей попросил счет и предложил сходить в кино на популярную трагикомедию.

— Как это мило и так неожиданно! Я тысячу лет не бывала в кино. Все только телевизор, компьютер, — улыбнулась Оксана.

Они расположились на заднем ряду. Кинозал был почти пуст, что пришлось очень кстати, ведь наш герой не привык терять время даром. Не успел погаснуть свет, как шустрый доктор уже принялся что-то нашептывать своей очаровательной спутнице. Да так, что его губы пришли в непосредственное соприкосновение с чудесным ушком Оксаны, чему последняя была только рада. Понятное дело, что на этом прыливый доктор не собирался останавливаться. Его жаркое дыхание вскоре обожгло Оксанину шею, потом щеки и наконец губы. Их руки тем временем то сплетались вместе, то расходились врозь, но лишь для того, чтобы оценить достоинства тел их обладателей, насколько это, конечно же, позволяли возможности кинотеатра. Когда же охватившая двух особей противоположного пола страсть потребовала немедленного

разрешения, молодые люди встали и торопливо последовали к выходу.

— Куда ты меня везешь? — томно прошептала Оксана, устроившись на сидении огромного внедорожника. Блузка ее была расстегнута несколько больше, чем позволяли правила приличия, а прическа изрядно помята.

— Заедем ко мне домой.

— Так сразу?

— Почему, не сразу. Мы же были в ресторане и в кино, — пошутил Сергей, нажимая на газ.

— Если ты думаешь, что я так часто поступаю, то ошибаешься.

Сергей посмотрел на свою спутницу хорошо отрепетированным пламенным взглядом и ничего не ответил. Вообще-то, он ничего не думал по этому поводу. В настоящий момент это не имело никакого значения. Какое-то время оба молчали.

— Просто женщины больше живут чувствами, эмоциями, а не холодным рассудком. Бывает, поддаются зову сердца, как я сегодня, — вздохнула Оксана.

Они были на полпути, когда, заметив отделение Райффайзенбанка, она попросила остановиться. Сергей удивленно и одновременно несколько тревожно посмотрел на свою спутницу.

— Не волнуйся, я не сбегу, — улыбнулась Оксана. Ее маленькая горячая ладонь страстно сжала широкое сильное запястье Сергея. Она уже приняла решение.

— Просто мне действительно необходимо снять кое-какую сумму. Сегодня вечером я должна буду ее передать. Строители закончили работу по дому, вернее, по гостевому дому. Была договоренность — неудобно подводить людей. Я же тебе говорила: все на мне! У меня кредитка Райфайзен. В других местах комиссия, да и спишут чего-нибудь еще. А тут как раз проезжаем мимо.

Огромный внедорожник плавно остановился у отделения банка на углу одной из узких, но оживленных центральных улиц Москвы. Оксана вышла из машины и исчезла внутри офиса, а Сергей стал подавать машину назад, так, чтобы ее массивный капот не мешал поворачивать другим автомобилям. Если бы не писк «парктроника», то он бы непременно въехал в притаившуюся сзади потрепанную малолитражку.

Сергей выключил двигатель и открыл окна. Вечерело. Город постепенно остывал после жаркого дня. Откуда-то раздался негромкий женский смех, ему уже вторил шаловливый мужской баритон: это небольшая расслабленная компания мужчин и женщин выходили из дорогого ресторана. А вот, вдалеке, совсем молодые ребята заразительно хохочут, наслаждаясь, как и он, последними теплыми деньками уходящего лета. В воздухе веяло спокойствием.

Неожиданно Сергей заметил небольшого коренастого человека самой невзрачной наружности, в кепке. Он появился из неприметной темной подворотни, ко-

тору с первого взгляда было и не заметить. Поравнявшись с открытым окном внедорожника, крепыш бесцеремонно махнул рукой Сергеем и, буркнув «двигай», не останавливаясь пошел дальше. С подобными типами пластический хирург редко соприкасался, а когда такое все-таки происходило — короткий разговор с курьером или грузчиком, — то они, в ожидании денег, вели себя, как им и подобает, в уважительной манере.

В боковое зеркало Сергей увидел, как крепыш садится в потрепанную малолитражку.

«Вот же скотина!» — только подумал пластический хирург, как услышал яростный окрик:

— Ну, давай, давай! Заснул там, что ли?!

Это крепыш, высунувшись из окна выдавшей виды малолитражки, грубо кричал на всю улицу, и не кому-нибудь, не своему знакомому, а ему, владельцу внедорожника премиального класса.

«Теперь понятно, что ему надо. Скотина желает, чтобы я дал ему проехать, как будто у него места не хватает. Орет, словно на базаре! Ничего, сам вырулит, не маленький», — яростно подумал Сергей и почувствовал, как его сердце учащенно забилося.

Подавление природой заложенных бурных эмоций отнюдь не всегда легко давалось рациональному Сергеем. Однако обычно он все же справлялся с собой, разумно полагая, что в отсутствие практики шансы победить в уличной драке довольно невелики. Его самореализация и поле борьбы давно находились в дру-

гих сферах. Он овладевал своей специальностью и зарабатывал деньги. Нельзя побеждать везде. Да и какой толк в том, что проучишь какого-нибудь прохвоста на улице? Особенно с риском для здоровья.

Поэтому пластический хирург старался не появляться в неблагополучных районах города, не возил с собой никакого оружия и всегда проявлял исключительную вежливость со всеми участниками дорожного движения, рассчитывая, что это уберезет его от конфликтов. И такой подход, за редким исключением, себя оправдывал. Раз или два за долгие годы какие-то хулиганы пытались притереть его на дороге, но это было, когда он еще ездил на другой машине, поскромнее. Как-то раз ему показали непристойный жест из окна. Но этим все и ограничилось.

И сейчас Сергей, как обычно, в глухом раздражении оставался в машине и молчал. Но крепыш не унижался.

— Убирай свой гроб! Я кому говорю! — проорал он снова. А затем, не видя реакции, открыл дверь своей колымаги и походкой пеликана проследовал вперед.

— Заснул, что ли? — гаркнул он в открытое окно внедорожника.

Холеный красавец ненавидел этих типов без роду и без племени. Они всегда, еще со школьной скамьи, мешали ему жить. Почему эта рожа может хамить всем подряд? Почему он, почтенный господин, должен уступать этим тварям дорогу? Терпеть унижения

от черт знает кого? От этого коротышки, который ему в пупок дышит? Сколько это будет продолжаться? Мужчина я, в конце концов, или нет?

И вместо того, чтобы, как обычно, претерпев малое унижение, благоразумно уступить и двинуть машину немного вперед, Сергей процедил сквозь зубы: «Отвали свою рожу, гад», — чем навлек на себя неприятности несравненно большего масштаба. Ибо тут же получил болезненную зуботычину. Далее события развивались стремительно. Статный Сергей, в справедливом порыве «раздавить гадину», широко распахнул дверь. С криком «Ненавижу!» выскочил из машины и, сжав свой большой сильный кулак, широко замахнулся. Но приземистый крепыш, судя по всему, только этого и ждал. Его отвратительная физиономия озарилась гаденькой ухмылкой. И в мгновение ока щека холеного владельца внедорожника премиального класса больно шмякнулась на шершавый асфальт. А все его тело оказалось как-то нелепо закручено — рука за ногу, нога за ухо — так, по крайней мере, показалось Оксане, которая именно в этот совершенно неподходящий момент безмятежно выходила из отделения банка.

Крепыш не отпускал. Пластический хирург ничего не мог поделать. Его дорогая одежда была порвана. А сам он переживал нестерпимую боль и, как обычно бывает в подобных обстоятельствах, страшное унижение, отчего губы его кривились и даже неприятно тряслись.

«Прямо как у моего водителя», — непроизвольно мелькнула презрительная мысль в красивой головке Оксаны. Романтический настрой ее тут же куда-то испарился, уступив место рациональному беспокойству. Что будет, если сейчас нагрянет полиция? Не окажется ли она, уважаемая дама, мать двоих детей, замешана в самую что ни на есть неприятнейшую историю? Протоколы, паспортные данные свидетеля, номер ее телефона и все прочее. А если дойдет до ее супруга? Над ее благополучием нависла угроза. Этого нельзя было допустить. Да и ничего подобного в ее планы не входило, когда утром того же дня, собираясь на свидание, она прихорашивалась перед зеркалом. Как это все неприятно! И как она могла доверить себя этому недотепе с его странными, если не сказать больше, рассуждениями о жизни! Обо всем этом думала Оксана, быстро семеня прочь от места происшествия. И лишь повернув за угол, она снова почувствовала себя в безопасности.

Октябрь 2015

Первым делом самолеты

*«О далеких мирах
О волшебных дарах
Что когда-нибудь под ноги мне упадут
О бескрайних морях
Об открытых дверях
За которыми верят и любят и ждут меня»
Юрий Лоза*

Если бы Сергей не видел Алену каждый вечер, то, возможно, и нашел бы в себе силы ее забыть. Ведь столько лет прошло с тех пор, как их страстный роман внезапно закончился.

«А еще говорят «Tempus edax rerum»*. Все врут!» — размышлял хорошо образованный мужчина средних лет, лениво созерцая зелень за своим окном. Он закурил сигарету. Сергей затягивался с видимым удовольствием. Затушив бычок, он вознамерился написать ответ на письмо Алены и с этой целью устроился перед компьютером. Дело, однако, не шло. Сергей не знал, что ответить своей возлюбленной, да и как ему вообще теперь быть. В задумчивости он стал листать архив своих писем к ней и в конце концов открыл самое первое.

* Время все поглощает (лат.).

«Ты не снимаешь трубку! Не хочешь со мной разговаривать? Еще бы! Тебе должно быть стыдно. Хотя нет, такой иуде, как ты, стыдно быть не может. “Стыд пусть остается другим”, — как-то сказала мне ты, разгуливая голой по моей квартире. Видимо, имела в виду тех, кем так беззастенчиво пользуешься для своей потехи, а потом выбрасываешь из своей жизни на помойку, словно ненужную вещь. Но я не вещь!

Ты спала с ним параллельно! И надо же, обстрипывала свои делишки так, что комар носа не подточит. Днем смотрела чистым любящим взором мне в глаза, а той же ночью отправлялась к нему в постель! Так это было? Отвечай!

Я тебя боготворил, а ты предала нашу любовь!

Знать тебя больше не желаю!»

Письмо было отправлено в июне 1995. В тот год он получил диплом об окончании престижного института и вышел на перспективную работу в большую международную корпорацию, где годом ранее проходил стажировку. Фирма прислала ему официальное предложение с указанием должности и ежемесячного заработка. Перед ним открывались блестящие перспективы. В своей веселой молодежной компании мажоров, куда он как-то привел Алену, Сергей считался завидным женихом. Молодой человек был довольно привлекательной наружности, интеллектуально развит, несколько флегматичного склада.

Сергей открыл свое следующее письмо. Оно было датировано двумя годами позже.

«По-прежнему не снимаешь трубку. Ну что ж, тогда читай.

Не подумай только, что мне от тебя чего-то надо, иуда. Если ты думаешь, что я собираюсь валяться у твоих ног, умолять тебя вернуться, то глубоко ошибаешься. Я тебе пишу совсем не за этим.

Мне просто интересно, чем он все-таки тебя примабил? Нет, я, конечно, понимаю, свой дом, машина, деньги...

Деньги, деньги! Всюду деньги. Без них никуда.

Но имей в виду, я заработаю столько, что тебе с твоим муженьком и не снилось. Подожди чуть-чуть.

Но тебе, конечно же, надо все и сразу. Ты не можешь ждать. Так, значит, это из-за денег ты предала нашу любовь? И всего-то? Или есть что-то еще?

Может быть, он очень красив? Нет! Я наводил справки. Он монстр в постели? Ты уж скажи, как есть. Стесняться нечего. Впрочем, извини, совсем забыл, что стыд тебе неведом.

Скажи, в чем причина?!

В ожидании твоего ответа,

Обманутый ухажер»

Сергей открыл свое следующее письмо, датированное 2001 годом.

«Алена, привет!

Наверное, ты удивлена моим письмом после стольких лет молчания. Не знаю, вспоминаешь ли ты меня, но тебя забыть невозможно. Особенно после того, как ты стала диктором на телевидении. Посуди сама, представь такую картину. Ты приходишь после работы домой, где тебя встречают любящие муж и дети — слышал, ты родила сына, а с экрана телевизора на тебя смотрит мое лицо и раздается мой голос. Хотя, может быть, теперь для тебя это не имеет большого значения. Я же не могу

окончательно расстаться с тобой. Мне кажется, что мы созданы друг для друга и когда-нибудь наши судьбы непременно соединятся.

Зачем пишу тебе после стольких лет молчания — не знаю. Просто так, наверное. Может человек что-то сделать без какой-либо конкретной цели, по велению души? Вот и мне захотелось просто рассказать о своей жизни. Хотя бы коротко.

У меня, вообще-то, все хорошо. Я женился. Жена красавица и умница, из хорошей семьи. На пять лет младше меня.

Меня продвинули по службе. Теперь я начальник. Можем себе позволить отдыхать за границей. Завтра отбываем в Италию. Вначале Рим, Милан, Венеция, а потом планируем прокатиться по маленьким городкам, попить домашнего вина с оливками и душистым свежеспеченным хлебом. Жаль, что мы не можем отправиться туда вместе.

Я купил спортивную машину, триста лошадей! Вжимает в сидение, когда на газ нажимаешь.

Напиши, как живешь.

Пока,

...»

Далее его письма следовали с периодичностью один раз в два месяца. Впрочем, порой перерывы могли достигать полугода. Сергей произвольно открыл одно из своих посланий.

«Дорогая Алена, как ты там?

С тех пор, как у меня свой бизнес, времени не хватает практически ни на что. Сплошные переговоры, встречи. Вот выкроил минутку, чтобы написать тебе. Знаешь,

в бизнесе главное продажи. От них все идет. Но у моей фирмы именно продажи и просели в последний месяц. Пришлось плотно сосредоточиться на этих вопросах. А что делать?

Ты спросишь, куда же смотрит менеджмент. Это так. На меня работают сорок человек, но никому ничего доверить нельзя. Вот в чем штука! Все приходится нести на своих плечах. Устаю зверски.

Жена пилит, что не уделяю ей времени совсем. Вчера пришлось отправить ее на Мальдивы, лишь бы не отвлекала. Вообще-то она у меня прелесть, но ее тоже понять можно. Когда муж за полночь с работы возвращается.

А тут еще командировки сплошные пошли. Мой бизнес перешагнул границы отчества. На днях вот из Турции вернулся, завтра в Швейцарию лететь надо. Ну, это, правда, по банковским вопросам. Сбережения и все такое, счета открывать, офшоры — сама понимаешь. О будущем думать надо.

Напиши мне, как ты живешь. На экране телевизора ты неотразима. Я все-таки почему-то уверен, что наши пути обязательно пересекутся.

Обнимаю.

Всегда твой...»

Сергей перешел к более поздним письмам, которые он отправлял после 2010 года.

«Дорогая Алена, как ты там?

После кризиса дела только-только начинают выправляться. Продажи начали чуть-чуть подрастать. Реклама очень помогла. Признаться, я просто счастлив. Мне уже казалось, что все, кирдык. А вот нет, поживем еще.

Я же тебе писал, что даже дом пришлось заложить. А это триста квадратов клееного бруса. Я очень люблю свое жилище. Гараж на две машины. Гостиная отделана красным деревом. Там по вечерам я созерцаю огонь в камине. Мой дом великолепно вписан в живописный ландшафт. И в нем никогда не бывает жарко: вековые сосны закрывают его от палящего солнца. Там здорово и зимой. Что может быть лучше, чем прокатиться на лыжах по заснеженному хвойному лесу среднерусской полосы? В нашем поселке благоприятное окружение. Полезные знакомства.

Очень не хотелось, знаешь ли, такой собственности лишиться. Но я, видно, талантливый! Зря ты за меня замуж не вышла. Сейчас бы себе ни в чем не отказывала.

Завтра еду с партнерами охотиться на слонов в Танзанию. Я тебе, кажется, писал, что это уже не первая моя охота в тех краях. Спать будем, как обычно, в палатках. Ночью, если приспичит, выходить в туалет можно только с разрешения старшего по лагерю. Происходит это так. Звонишь по телефону старшему. Его палатка в непосредственной близости. Он открывает полог и смотрит в прибор ночного видения: там уличных фонарей, как ты понимаешь, нет, темень, если нет луны, стоит жуткая. Если львов и леопардов нет — а они как раз ночью охотятся, — старший дает сигнал фонариком — «можно выходить». Один из наших в прошлый раз забыл об этой технике безопасности — так прямо в лапы ко льву попал. Еле отбили. Жив остался, но искалечен страшно.

Лететь далековато, правда, но в самолете хоть высплюсь. До Амстердама бизнес-класс от эконома, конечно, мало чем отличается, зато потом все просто великолепно.

Как видишь, у меня все хорошо, тебя только не хватает.

Напиши мне про свою жизнь.

И вообще, почему бы нам не встретиться? Я уверен, что в жизни ты еще прекраснее, чем на телеэкране.

Я не сомневаюсь, мы будем вместе.

Обнимаю, ...»

«Дорогая Алена, как ты там?

Извини, давно не писал, замотался просто. Совершенно нет времени.

Чувствую, с охотой надо заканчивать. Последний раз под Костромой лось чуть было не прикончил меня. Откуда он выскочил, не пойму. Я на слонов в Африке охотился, на медведей на Камчатке ходил и, замечу, не с вышки, как некоторые, а тут всего-то лось, казалось бы...

Вообще-то лось, да будет тебе известно, легко пробивает передним копытом грудную клетку человека. Еле увернулся. Откуда он выскочил? Дальше напарник его свалил. Если бы не этот парень, не писал бы тебе сейчас.

После этого случая решил на гольф перейти. Спокойно и благородно. Вот уже месяц как играю. Игра, между прочим, требует большого профессионализма. Высокий барьер на вход, и не только материальный. Приобретение навыков требует большого количества времени. Но это в ней и привлекательно. Проблема, конечно, есть. Сезон у нас в России больно короткий. А тренажеры под крышей — это, на мой взгляд, какая-то муть. Ну да ничего. Будем больше ездить за границу. Осваивать поля разных стран. Бизнес, правда, держит. Как каторжник на галере. Больше, чем на две недели, не уедешь никуда.

Но главное — это то, что я тебя люблю. Я знаю, ты тоже меня любишь, и нам обязательно надо встретиться! Что скажешь, Алена?»

«Дорогая Алена, как ты там?

У меня все своим чередом. Жизнь бьет ключом. Ни на что не хватает времени. Приобрел себе домик в Андорре. Не такие уж большие деньги, а все же вид на жительство, знаешь, никогда не помешает. Вчера вернулся из Цюриха. Завтра едем на пару недель на Бали: жена уговорила. Знаешь ли, надо порой развеяться, с аквалангом понырять. Я обычно на пятьдесят метров погружаюсь. К тому же там хорошая кухня, все свежее, омары, каракатицы, белое вино. Что еще надо человеку!

А потом опять напряженный рабочий ритм. Никому ничего доверить нельзя, ты же знаешь! Вчера очередного коммерческого директора уволил, а на прошлой неделе начальника отдела логистики. Того и другого на воровстве поймал, представляешь! Хочешь сделать что-то хорошее, делай сам — старое доброе правило.

Ты все так же прекрасна, особенно теперь, когда стала ведущей своей программы! Я тебя по-прежнему люблю.

Когда же мы с тобой встретимся, наконец? Ты, надеюсь, не забыла, что нам суждено быть вместе?

Жду ответа с нетерпением,

...»

Это письмо он отправил вчера 16 июня 2015 года, а сегодня — как гром с ясного неба — получил ответ от Алены.

«Сергей, привет!

Я думаю, что у тебя, скорее всего, скрытый психоз. Иначе чем еще можно объяснить, что успешный мужчина среднего возраста на протяжении двадцати с лишним лет с завидной регулярностью пишет любовные письма своей зазнобе ранней юности, не получая при этом ответов. По сути, ты даже не можешь знать, читала ли я твои письма.

Тем не менее, если ты так настаиваешь, мы могли бы с тобой встретиться, поболтать. Разумеется, после твоего возвращения с Бали.

Алена»

Сергей сидел и оторопело смотрел на письмо своей молодости, и не знал, как с этим быть. Ее ответ после двадцатилетнего молчания не на шутку озадачил некогда отвергнутого любовника.

Чем было вызвано ее согласие на встречу? Из прессы Сергей знал, что полгода назад у Алены застрелили мужа. Могло ли это обстоятельство сыграть свою роль? Может быть, ей теперь просто одиноко, не хватает душевного тепла, нужна моральная поддержка или просто хочется немного развлечься? — Возможно.

Или же она пронесла былые чувства к нему сквозь все эти годы? Скрытно, молча, непоколебимо. — Совершенно, но всякое бывает. Сергей пожал плечами.

Нельзя было исключать и того, что у Алены могли возникнуть банальные финансовые проблемы и она в очередной раз решила воспользоваться своим преданным поклонником. В том, что Алена каким-то об-

разом в далекой юности использовала его, Сергей не сомневался.

Но бог с ними, с причинами! Как теперь быть? Что писать, что делать? Какое-то время, конечно, оставалось в его распоряжении. Он прикинул — недели две от силы.

«Ладно, там видно будет», — подумал Сергей и, засучив рукава, быстро настроил ответ:

«Милая Алена!

Я знал, что ты читаешь мои письма и любишь меня! Если спросишь, откуда истекает моя уверенность, вот что я тебе отвечу.

Некоторые вещи в жизни, возможно, самые главные, человек просто чувствует. Как писал классик, «зорко одно лишь сердце». Надо только прислушаться к самому себе, к окружающему тебя миру, и многое из того, что недоступно взору и холодному рассудку, неожиданно откроется.

В наши циничное время рациональные скептики пренебрежительно относят все это к области эзотерики, уничижительно называют иррациональным. Но пройдет время, и наука откроет миры тонких энергий. И то, что сегодня с рациональной точки зрения кажется невозможным, станет вполне понятным и обыденным. Впрочем, мы это можем наблюдать уже сейчас. Например, если кто-нибудь пятьсот лет назад стал бы толковать о таких прочно вошедших в нашу жизнь понятиях, как мобильная связь, ультразвуковые или ультракороткие волны, невидимые глазу человека, то они показались бы средневековому человеку нелепой фантазией, а то и хуже — опасной ересью, недостойной внимания просве-

ценного рассудка. Между тем, сегодня нас не удивляет наличие радио и мобильного телефона.

Но что-то я ударился в философию. А нужно ведь совсем о другом. Я бы плюнул на Бали, но, к сожалению, открыл почту только сейчас, когда уже сижу в кресле самолета. Двери задраены — не вырвешься, мы ожидаем взлета. Придется подождать. Но что такое каких-то две недели после двадцати лет разлуки!

Как буду в Москве, напишу.

Целую,

Твой Сергей»

Однако следующим письмом Сергей удостоил свою любовь только через месяц.

«Милая Алена!

Прости, что долго не писал. Совершенно ни на что нет времени. Мне даже не довелось провести положенные две недели отдыха на Бали. Оттуда напрямую рванул по делам в Женеву. Возникли проблемы с банковскими счетами и с моими сбережениями. А за этим глаз да глаз, сама знаешь! Все урегулировал, но нервы, время.

Каюсь, был в Москве, но всего два дня. Их провел в офисе. Вечером допоздна переговоры, деловые встречи. Только на короткий сон времени хватало. Потом сразу улетел в Узбекистан — там наши партнеры дали слабину. У конкурентов, понимаете ли, лучшие условия. Я уже все почти «разрулил». Но, полагаю, еще недельку придется здесь поторчать. Видишь ли, тут такое дело... Впрочем, не хочу тебя утомлять нудными описаниями бесконечного бизнес-процесса. В общем, всего-то еще одна неделя!

Скоро мы увидимся.

Люблю тебя!

Твой Сергей»

Далее письма от Сергея стали поступать с былой регулярностью.

«Милая Алена!

Как ты там, моя хорошая?

Прости, что долго не писал. Эти месяцы были очень плотно загружены. Встречи, совещания, жена ноет, что не уделяю ей достаточно внимания. Снова пришлось ее отправить на Мальдивы — только бы не мешала.

А тут еще бизнес-партнеры снова затащили охотиться на слонов в Ботсвану. Отказаться не было никакой возможности. Опять эти палатки, грязь. Все это, признаться, давно надоело. Крутишься, как белка в колесе. Думаю, может, бросить все к чертовой матери? Весь этот бизнес. Деньги есть. Жить себе в свое удовольствие. Встретимся с тобой, наконец. Как ты считаешь? Только не молчи. Напиши. Мне важно твое мнение. Ты мне, кстати, давно не писала. Мы еще обязательно будем вместе.

Целую тебя, любимая,

Твой Сергей»

И вот после очередного письма Сергей получил лаконичный ответ от своей возлюбленной:

«Сергей,

я уже написала тебе как-то, кажется, полгода назад, что если ты хочешь со мной поговорить, то я готова

с тобой встретиться. Знаешь, формат электронной переписки мне не очень-то подходит.

Алена»

Набитой рукой он написал скорый ответ:

«Милая Алена,

Я бы хотел с тобой встретиться больше всего на свете. И я так счастлив, что ты тоже хочешь этого. Но я страшно задержан последнее время — ни на что не остается сил. Думаю бросить все к чертовой матери и уехать с тобой на необитаемый остров. Только ты да я, да океан, да белый песок. Пальмы склоняются над нашими головами. Представляешь? А ведь это вполне осуществимо.

Мы непременно скоро увидимся, перед нами вся жизнь! Вот только слетаю в Женеву. Туда о обратно. Всего-то неделя. А сейчас слипаются глаза от усталости.

До свидания, любовь моя,

Твой Сергей»

Успешная подтянутая женщина Алена прочла последнее письмо, как только оно отобразилось во входящих. Был зимний воскресный вечер. Она была дома, одна.

Сын заканчивал обучение за границей. После внезапной смерти мужа ощущение пустоты частенько накатывало на нее. Особенно по праздникам. Первое время требовалось непременно находить себе компанию, даже для простого похода на концерт, в оперу,

в кино, для поездки в зимние Альпы, на теплое море, чтобы не быть одной, чтобы быть как все. Но под статью сложившемуся многолетнему укладу большинство подруг были замужем, и поиск спутницы был затруднителен, хуже того, отчасти унизителен. Еще сложнее было найти достойного спутника мужского пола.

Возможно, по этой причине она как-то раз согласилась увидеться со своим бывшим ухажером. При этом, по привычке долго не размышлять по мелочам, что свойственно плотно занятым людям, просто отправила письмо — а там посмотрим, что получится. И уже стала было собираться на встречу.

Каково же было ее удивление, когда вместо даты, времени и места скорого свидания она получила пространный ответ о нехватке времени, а вскоре, как будто и не было никакого разговора о встрече, письма Сергея вновь приобрели скучный характер описания его успешной жизни, полной элитарных развлечений. Обо всем этом, за исключением, пожалуй, охоты на диких животных, Алена и без того знала из личного опыта.

Тем не менее, сидя дома в одиночестве однажды зимним вечером, она вновь согласилась встретиться с Сергеем. Получив же очередной уклончивый ответ — несмотря на свой возраст, Алена все еще была в хорошей форме и не привыкла к отказам, — пришла в бурное раздражение и просто перевела входящие письма бывшего любовника в категорию «спам». Потом она наполнила бокал вина и подошла к панорамному окну

во всю стену ее сорокаметровой гостиной на сорок втором этаже современного здания. Перед ее взглядом, весело играя ночными огнями, расстилалась кипучая ночная Москва, а Алена задумалась о прошлом.

Еще в юности Сергей казался ей каким-то ненадежным. Что-то было не так в этом приятной наружности, хорошо воспитанном и эрудированном парне. В нем чувствовался некий надрыв. Объяснить это Алена не могла, но никогда не собиралась связывать с ним свою судьбу.

И ее интуиция, категория из тонких материй, о чем недавно пространно толковал Сергей в одном из своих писем, не подвела.

Отправив очередное письмо Алене, Сергей встал из-за стола, где находился старенький компьютер, потянулся и переместился на пыльный трескучий диван.

Это был обрюзгший лысеющий человек. На вид ему можно было дать никак не менее пятидесяти лет. На его ногах болтались дырявые тряпичные тапочки. Одет он был в выдавшие виды тренировочные брюки с вытянутыми коленями и несвежую майку неопределенного цвета. Выглядел человек неопрятно, да и к чему было уделять внимание своей внешности, если он редко покидал пределы своего пристанища.

Сергей коротал дни в той самой панельной «двушке» на востоке столицы, куда когда-то пригласил скромную милую девушку Алenu. В ту далекую пору

квартира Сергея казалась ей довольно просторной. И немудрено: девушка жила в несравненно более стесненных условиях, и, оставаясь ночевать у перспективного молодого человека, она ощущала некоторый прилив гордости.

Но с тех пор дом обветшал, хлипкие стены в подъезде превратились из белых в грязные, а никогда не знавшая ремонта квартира дышала пылью и ветхостью. Но главное, некогда скромная девушка поднялась на такие высоты, с которых ступенька, на которой находилась потрепанная квартирка любовника ее молодости, была неразличима.

Теперь там обитала полная жена Сергея Лена. Они познакомились случайно, на троллейбусной остановке. Когда он вышел в аптеку. Лет пять назад. Родом она была из Тамбовской деревни. При выборе между ночлегом в московском общежитии и двухкомнатной квартирой со всеми удобствами тридцатилетняя Лена долго не колебалась. К тому же лысеющий близорукий дядька, заговоривший с ней на остановке, показался совершенно безвредным. До этого провинциалке не раз приходилось попадать в передраги с новыми знакомыми мужского пола. Однажды ей подбили глаз, а одну подругу даже изнасиловали. А этот, лапа, тихий оказался. Так она и прижилась у него с того случая. Через несколько лет расписались.

Лена была трудолюбива, дом держала в чистоте и пять дней в неделю работала на фабрике-кухне непо-

далеку. Правда, с годами жена становилась все более требовательной. Пыталась приобщить мужа хотя бы к какой-то домашней работе и порой начала покрикивать на него. Но все бесполезно: он ничего не делал. Последнее время Сергей даже перестал пользоваться интернетом, он просто целыми днями с пыльного дивана смотрел в окно, которое выходило в палисадник, а вечера просиживал у телевизора.

Родители Сергея погибли в автомобильной катастрофе, оставив ту самую квартиру в наследство. Мальчику было тогда пятнадцать лет, и его воспитание взял на себя дядя, который устроил племянника в институт и вскоре тоже умер.

Наступала весна, межсезонье. В этом году Сергей чувствовал ее приближение особенно остро — неприятное волнение в груди и предательская спутанность сознания, нараставшие волнообразно, эти предвестники недоброго. Он давно научился их отслеживать, чтобы не допустить самого страшного. Того, что с ним случилось двадцать с лишним лет назад.

Тогда поздним вечером подающий надежды молодой специалист вышел из своей квартиры в подъезд с намерением выкинуть мусор, но вместо этого неожиданно принялся изо всех сил молотить большим гаечным ключом по батарее, пока ту не прорвало и кипяток не хлынул на пол. Впрочем, ничего этого Сергей впоследствии не помнил. Об этом ему рассказали

соседи, которые вызвали «скорую». Молодой человек находился на принудительном лечении несколько месяцев. Его уволили с перспективной работы и предложили пособие по нетрудоспособности. Некогда верные друзья растворились: каждый был занят своим делом. Хотя двое из них все же иногда находили время поздравить по телефону с днем рождения. События их жизни Сергей и излагал в своих письмах к Алене.

Жена хотела ребенка, но врачи настоятельно рекомендовали не обзаводиться потомством.

Сергей снял трубку телефона и набрал своему лечащему врачу.

— Валерий Иванович, добрый день.

Тот сразу узнал его и деловито заговорил:

— Привет, Сергей. Как ты?

— Да что-то не очень.

— Понятно. Ложиться будем?

— Боюсь, что лучше уж так.

— Ты, кстати, все таблетки принимал?

— Конечно.

— Ладно, готовлю место. Завтра приезжай с утра, оформим.

— Хорошо. Спасибо, — упавшим голосом поблагодарил пациент.

Врач уловил нотки уныния и сказал чуть мягче:

— Ну, ничего, не расстраивайся. Через месяц, как

обычно, выпустим. Как новенький будешь. Молодец, что позвонил. Завтра жду.

Сергей снова сел перед компьютером, открыл письмо Алены и прочел его отрывок:

«...мы могли бы с тобой встретиться, поболтать...»

Но их встреча была совершенно невозможна, как невозможно было рассказать процветающей Алене все то, что происходило с ним после их разрыва. Разве можно было «поболтать» о том, что в течение четверти века, пока его бывшие друзья, с которыми он был когда-то на равных, поднимались к новым высотам, женились и разводились, растили детей, покупали и продавали квартиры, строили дома, летали в дальние страны, ныряли с аквалангом, охотились в африканской саване и сибирской тайге, процветали и разорялись, словом, жили полной жизнью, он лишь день за днем смотрел из окна пыльной квартирki на палисадник? И все только потому, что его внезапно накрыл тяжелый недуг.

Почему это произошло именно с ним? Чем он провинился? Мог ли он избежать развития болезни? Врачи говорили, что тогда спусковым механизмом, по всей видимости, послужили сильные душевные переживания. Так ли это, и если да, то разве может человек оградить себя от стрессов? Впрочем, теперь ничего исправить было уже невозможно.

Сергей поразмышлял еще немного и принялся писать:

«Милая Алена!

Мне так хотелось с тобой увидеться, но снова надо срочно лететь на переговоры в Цюрих. Извини, что я слишком краток в этот раз. Перед самым отъездом выкроил минутку написать тебе, моя любовь. Что поделаешь, дела! Вот прилечу через месяц, и обязательно встретимся. Но первым делом, как говорится, самолеты!»

Он поставил точку, отправил письмо и пошел собирать вещи.

Август 2015

Данная повесть представляет собой исключительно художественное произведение. В этой связи все действующие лица, равно как и места действия, упомянутые в ней, являются вымышленными.

Гиперборец*

— Отчего ты плачешь, мой юный господин? — спросил Старший Визирь, согнув спину в почтительном поклоне. — Вспомни о цветущей стране, оказавшейся у твоих ног. Той, что сотворил твой великий дядя. Его путь наверх был труден и тернист. А сладкий вкус побед перемешан с горечью разочарований. Тебе же, наследнику, можно просто наслаждаться. Пусть мои слова помогут тебе отвлечься от печали по его безвременной кончине.

— Но я скорблю вовсе не о нем, а о том славном пути, что мне теперь не суждено пройти самому, и том, что не смогу создать все это своими руками, — ответил юноша.**

Пролог

Среди прочих многочисленных достоинств, которых и не перечить, Юлиана всегда отличала хорошая память. Так, с его слов, он отчетливо помнит себя годовалого.

Вот лежит себе, кроха, в уютной коляске. А заботливая мамаша, как орлица над орленком, так и вьется вокруг, так и вьется. То поправит одеяло, то одернет

* Гиперборейцы — в греческой мифологии пребывающий в вечном блаженстве народ, обитавший на северном краю мира. Гиперборейцы пользовались особой любовью Аполлона, уходившего к ним на зиму из Дельф.

** Восточная притча.

чепчик, то склонится над малышом, а то вдруг гордо распрямит спину, бросит тревожный взгляд куда-то за окно, словно силясь разобрать там, в синей мути московской пурги, светлое будущее своего дитяти. Сама же нараспев тихонько сказ ведет. Да не простой, а наполненный смыслом. Восприимчивый же Юлиан, словно губка, с молоком матери впитывает в себя все премудрости мироздания, познает малыш, кто он, откуда пришел и куда движется.

Песнь первая

«Обратимся к себе. Мы гиперборейцы — мы достаточно хорошо знаем, как далеко в стороне мы живём от других. “Ни землёй, ни водой ты не найдёшь пути к гиперборейцам”, — так понимал нас еще Пиндар. По ту сторону севера, льда, смерти — *наша жизнь, наше счастье*. Мы открыли счастье, мы знаем путь...»*

Так когда-то говорил великий Заратустра!

Так зимней ночью 1966 года от рождества Христова, смиренно склонив голову на сторону, говорила и Екатерина, мать Юлиана.

Были у нее и другие песни.

Песнь вторая

Сын мой, знай! Тут, под Москвой находится то самое место! На крутом берегу — вековой сосновый бор стоит, а под ним река бежит. Давным-давно один боярин

* Фридрих Ницше, «Антихрист».

надел отдал старшему сыну, Григорию. Оттуда и название пошло: Григорьев Бор.

Манит Григорьев бор к себе великанов интеллекта. По праву расселившись там, несут они высокую миссию служения духу. Григороборейцы борются с невежеством, сражаются за преумножение знаний. Все материальное им чуждо, они творят.

Мой сын, помни, и мы принадлежим к этой касте атлантов духа! Так иди же смело своим великим путем. И отворятся пред тобой врата Григоробореи!

Блистай же в школе, поражай всех в университете и аспирантуре! Пиши кандидатскую, защищай докторскую, путь изберут тебя академиком! Ты станешь ученым с мировым именем и великим музыкантом. По настоящему талантливые люди талантливы во всем. К тебе придет почет и уважение!

Песнь третья

Сын мой, в этой песне я поведаю о себе. Твоя мама тоже когда-то была маленькой несмышленной школьницей. Но однажды на нее снизошло видение. Было начало мая, набухшие почки раскрывались, превращаясь в листья, птицы заливались трелями, а моя душа томилась в ожидании чего-то большого, светлого. После уроков я возвращалась домой. Вдруг набежали тучи, полил дождь, ярко молния сверкнула — и снизошло на маленькую Катерину осознание, что не такая она, как все, что исключительная, что предначертан ей

великий путь. Это чувство принялось стремительно расти во мне, пока не заполнило всю до остатка. И я услышала глас Господень.

Какую радость я тогда испытала! С сожалением посмотрела я на обычных прохожих и, окрыленная, словно птица полетела домой — скорее поведать обо всем маме и папе.

То великое чувство по сей день со мной.

Песнь четвертая

Сегодня, сын мой, я расскажу тебе о том, что же случилось дальше с твоей мамой, которая не сидела, сложа руки, а постоянно искала, напряженно думала, упорно занималась в школе с математическим уклоном и брала частные уроки игры на скрипке. И везде была отличницей. Родители прочили мне большое музыкальное будущее.

И вот, исподволь, как приходит все главное, на меня снизошло понимание, чему нужно служить, чем в жизни заниматься. То — математика и музыка.

Пойми, ведь все, что тебя окружает, содержит в себе математику. Она основа всех наук. Все великие философы были математиками. Например, Кант. Музыканты тоже. Музыка Баха основана на математике. Да будет тебе известно, что центры мозга, отвечающие за музыку и математику, располагаются рядом. Математики и музыканты — это люди особенные. Их интеллект и нормы морали неизмеримо выше, чем у других.

Математику ничего не стоит разобраться в любом деле. Только стоит ли отвлекаться на второстепенное?

И ты, мой сын, услышишь глас Господень, и тебе уготовано великое будущее служения высокому. А пока спи, Юлиан, спи, будущий великий ученый.

И что же Юлиан?

Глава 1. Этапы большого пути

Начало

Вдоволь наслушавшись таких песен, малыш преисполнился осознанием своей великой миссии. Вот только гласа Господня, наставляющего на путь истинный, как ни пытался, расслышать никак не мог, о чем искренне сожалел аж до пятого класса средней школы. А в шестом, чтобы не расстраивать впечатлительную мамашу, которая пребывая в ожидании этого великого события, донимала тревожными расспросами, как-то раз соврал ей: «Да, мама, слышал я глас Господень». Екатерина тут же успокоилась, а сметливый мальчик про себя отметил, что ложь — не такая уж плохая штука и порой помогает не хуже успокоительных таблеток.

С детства малыш был окружен любовью и заботой. Бабушка, дедушка — доценты разных кафедр, и их дочь Катерина, — знали, что есть правильное воспитание. Юлиану читали сказки Пушкина, водили на оперу и балет, приучали к классической музыке. На-

чинали, чтобы не отбить охоту, с малого. Шли от простого к сложному.

В пять лет ребенок благополучно освоил букварь. В семь во время летних каникул самостоятельно одолел свой первый томик Диккенса. Все прочитанное за день обязательно обсуждали всей семьей за ужином. Уже в зрелые годы Юлиан будет поражать окружающих неожиданными цитатами из классики.

В младших классах Юлиан учился почти на одни пятерки. А когда ему по недоразумению доводилось получить четыре, а то и три, то дома его не ругали, нет. Просто мама долго смотрела на него, смиренно склонив голову на сторону. Взгляд ее отражал то непереносимую тоску, то страшное разочарование, а то и некоторую брезгливость, как будто она случайно раздавила лягушку. В эти моменты мальчугану хотелось немедленно объясниться, доказать, что он не такой. Юлиан густо краснел, сопел, а потом, потоптавшись в прихожей, отправлялся с поникшей головой в свою комнату, где немедля усаживался за письменный стол, чтобы оправдать возложенные на него высокие ожидания.

В соответствии с разработанным Катериной планом подающий надежды ребенок с пяти лет приступил к занятиям на фортепьяно. Наняли частного учителя. Поначалу дело шло туговато. Но об этом, как и о любых других неудачах, было не принято упоминать за пределами семейного круга. Между тем мальчика даже приходилось привязывать к табуретке. Но с кем,

спрашивается, не бывает? Так что Катерина не унывала. А своим подругам среди прочих достижений сына, как то: лепка, рисование — внимательная мать никогда не забывала упомянуть о выдающихся музыкальных успехах.

И вот на пятый год обучения юный Юлиан действительно почувствовал тягу к музыке и даже взял привычку садиться за инструмент по нескольку раз в день без всякого к тому принуждения. В своих же смелых мечтах мальчик пошел и того дальше: уже видел себя знаменитым дирижером, которому рукоплещет полный зал Московской консерватории. Бывало, поставит сороковую симфонию на заезженной пластинке и, вообразив себя властителем симфонического оркестра, давай размахивать отточенным карандашом. А когда настанет пора аплодисментов, театрально шаркнет ножкой и отдаст грациозный поклон воображаемой публике.

Но жизнь вносила свои коррективы. Выяснилось, что ребенок не обладал достаточным слухом. Вердикт был вынесен в музыкальном училище при консерватории, куда было решено определить мальчугана. В глубине души Катерина и сама давно догадывалась об этом, но тянула до последнего. И пусть злые языки говорят о ее уязвленном тщеславии — этом могучем стимуле человеческих достижений, мы же лишь ограничимся предположением, что всему виной великое чувство материнской любви, которое не позволяло

Катерине взглянуть правде в глаза. Да и что есть правда? Говорят, у каждого она своя. А Катерина за свою правду постоять умела.

«Что ж, пусть будет только гениальным ученым. Сконцентрируем усилия теперь на этом», — решила мать.

Учительницу музыки отменили. И с тех пор, стоило маленькому Юлиану ненароком сесть за инструмент, вместо привычной бурной материнской похвалы его ожидали косые взгляды. А если несостоявшийся музыкант упорствовал, то до его слуха начинали доноситься неодобрительные звуки, похожие на фырканье. Катерина умела доходчиво продемонстрировать свою неприязнь, когда того требовали обстоятельства. В обстановке нетерпимости музыкальный энтузиазм мальчика быстро угас. Но рана в сердце долго не заживала.

Родители Юлиана расстались вскоре после рождения сына и с тех пор не виделись. Тем не менее ребенок лет с пяти на лето стали забирать к себе на дачу в поселок Григорьев Бор дедушка с бабушкой по линии отца — пенсионеры-академики. Отца, подающего надежды профессора, ввиду его большой занятости, мальчик видел крайне редко. Но само окружение, как внутри большого дома, так и по соседству, где все было пропитано спокойной уверенностью и многозначительностью, произвело неизгладимое впечатление на малыша. Не забывал он и материнских напутствий. Бывало, набегавшись вдоволь с именитыми отпрыска-

ми, присядет Юлиан под высокими соснами, закинет голову, заглянет в синюю небесную даль, и накатит на него осознание своей причастности к этому прекрасному месту, переполнит чувство духовного родства со всеми великими обитателями Григорьева бора.

Увы, этой гармонии не суждено было длиться вечно. То ли из-за того, что отец Юлиана во второй раз женился, то ли еще по какому недоразумению, в приеме мальчику было отказано. И приоткрывшийся было элитарный мир уехал в прошлое. Но жгучее желание вернуться туда осталось, и Юлиан стал грызть гранит науки с удвоенной силой.

В просторной квартире, полученной отцом Катерины, где протекало счастливое детство мальчика, не знать что-либо — будь то писания великого Гомера, стихи Бодлера, творения Босха или работы Дега — всего не перечислить — считалось постыдным. Вечерами приходили гости — подруги Катерины, слушали музыку и, соревнуясь в своей образованности, вели долгие беседы, разгадывали кроссворды, играли в бургиме. Засиживались за полночь, благо никому из них не нужно было к девяти утра спешить на работу. Юлиан тоже встречал в разговор и демонстрировал свою эрудицию, а Катерина сияла от счастья.

В правильно подобранной мамой спецшколе вплоть до старших классов царил дух здорового соревнования за высокие оценки, получать которые сообразительному и усидчивому потомку академиков не

составляло чрезмерного труда. Помимо уже перечисленных талантов разносторонне развитого Юлиана отличало хорошее чувство юмора, и даже некоторая самоирония. Полноватый юноша был доброжелателен и отзывчив. У него было много друзей.

По окончании школы Юлиан, как утверждали завистники, не без сторонней поддержки, поступил на мехмат МГУ и с энтузиазмом приступил к обучению. Все складывалось самым лучшим образом. Ему прочили великое будущее.

Отчет о достигнутых успехах

*Всякий человек, даже из ряда достойных, будет выглядеть самым непривлекательным образом, стоит присмотреться к нему недобрым взглядом.**

Очень крупный мужчина лет пятидесяти степенной поступью направился к лифту. Нос его украшали очки в роговой оправе, а мощные пальцы железной хваткой сжимали туго набитый кожаный портфель. Спутанные волосы напоздали на уши, но не закрывали их полностью. Почувствовав вибрацию в кармане пиджака, мужчина неторопливо достал мобильный телефон.

— Юлиан, привет! Тебя ждать? Все уже собрались!

— Да, буду, — коротко ответил Юлиан Дмитриевич, как к нему теперь обычно обращались коллеги, и разъединился.

* Неизвестный мыслитель начала двадцать первого века.

Уже совсем скоро он вальяжно входил в помещение ресторана, где собрались на встречу его одноклассники. На крупных устах у Юлиана Дмитриевича играла тонкая улыбка состоявшегося человека.

Первой, кого он заметил сквозь толстые стекла очков, была, конечно же, Анна Петрова.

«Постарела! — удовлетворенно отметил про себя Юлиан, а потом мысленно добавил: — Хотя...»

Парадоксально, но в те редкие случаи, когда ему доводилось ее увидеть, сердце Юлиана начинало биться быстрее. Наверное, по привычке.

Ведь когда-то, лет тридцать пять назад... Перед его мысленным взором порой вновь всплывал ее чудный образ. Май месяц. Девятый класс. Школьные окна открыты. Пение птиц заглушает голос учителя. В воздухе витают ароматы весны. Он сидит на первой парте у двери. Анна, почему-то в легком светлом платье, а не в форме — и кто ее пустил в школу в таком виде? — отвечает у доски. Ее гибкий стан отчетливо виден на просвет на фоне окна. Она божественна! Желанна! Неотразима!

— Юлиан! Юлиан! Юлиан! — откуда-то издалека доносится голос учительницы. А он никак не сообразит, что обращаются к нему.

— О чем мечтаем? — спрашивает учительница, а Олег Лисянский тихо смеется. Этому смазливому хлыщу, видите ли, все весело, как и все дозволено.

Юлиан уже давно подозревал, что у Лисянского что-то было с Петровой. Это читалось в их взглядах. Хуже того, по слухам, на одной из вечеринок — Юлиан тогда болел гриппом и не смог придти — Лисянский и Петрова уединились в комнате, где оставались какое-то время. Узнать бы точнее! И главное, этот тип не прикладывал никаких видимых усилий, чтобы понравиться! Девчонки так и висли на нем, стоило ему повести бровью. При этом он не отличался разборчивостью. Но и Петрова тоже хороша. При всех уединиться! Сколько раз Юлиан убеждал себя, что питать слабость к такой распутнице ниже его достоинства. Но сказать проще, чем сделать. В легкомысленную красавицу Петрову была влюблена половина класса. Как уж тут устоять?

— Проводить тебя до дома? — насупившись от волнения, тихо проговорил Юлиан. После уроков он подкараулил Петрову за углом школы, так, чтобы никто не видел, и теперь старательно делал вид, что их встреча совершенно случайна.

— Привет, Юлиан. Проводи, но я сейчас в музыкальную школу, — с легкой улыбкой на очаровательных устах отвечала Петрова. Она всегда была ко всем очень доброжелательна.

«Ты другим ведь так же улыбаешься», — мрачно подумал Юлиан и в который раз безрезультатно потащился провожать Петрову до музыкальной школы.

Ныне солидный Юлиан собрался было удостоить Анну покровительственным кивком: он был наслышан

о ее семейных неурядицах и сложностях на работе. Но Анне было как всегда не того — она что-то оживленно щебетала на ухо Максиму Верховцеву в дальнем конце длинного стола, за которым собралось человек пятнадцать.

Юлиан Дмитриевич обосновался на свободном стуле, который жалобно скрипнул под опустившейся на него тяжестью. По правую руку сидела Елизавета Плаксина, а по левую — Толстопальцев, невысокий человек средних лет ничем не примечательной наружности.

С Костей Толстопальцевым одно время они были очень дружны, особенно в студенческие годы: вместе выпивали и выступали по женской части. Тот, правда, пошел учиться на экономиста, а потом преуспевал в какой-то крупной коммерческой компании. Тогда-то их отношения и подпортились. Толстопальцев начал сильно действовать Юлиану на нервы. Главным образом раздражали бесконечные упоминания коммерсанта о дорогих ресторанах и австрийских горнолыжных курортах, которые молодой математик не мог себе позволить и презирал.

Но с некоторых пор много воды утекло. В частности, Костя лет пять, как потерял работу, и теперь они с сыном жили на зарплату жены — завуча в школе.

Что же касается Елизаветы Плаксиной, то это была изможденного вида женщина, суховатого телосложения, осанка и выражение лица которой сохранили следы былой привлекательности. Всю жизнь она про-

работала преподавателем биологии в университете и уже лет десять упорно писала кандидатскую диссертацию. К своему мужу, старшему преподавателю той же кафедры, она имела большие претензии. По мере того, как их дочь выросла, взаимопонимания между членами семьи становилось все меньше. Временами вспыхивающий взгляд Елизаветы говорил о том, что она продолжала надеяться на лучшую долю.

Со своими соседями по столу Юлиан не виделся очень давно, но быстро сообразил, что перед ним благодарная аудитория. Вскоре, разгоряченный двумя рюмками водки, он полностью завладел вниманием своих двух слушателей. Свою речь Юлиан для большей доходчивости подкреплял наглядными пособиями — великолепными фотографиями. В его планшете их было великое множество.

Вот он еще молодой преподаватель сурово взирает на студентов с кафедры. Черная доска за его спиной испещрена формулами. Вот снисходительно улыбается — за ним величественная громада здания МГУ*.

А вот он на каком-то вокзале.

— Где это ты? — спрашивает Елизавета.

— Страсбург, Франция. Я там работал не один год, — небрежно отвечает Юлиан.

— Даа... — протягивает Елизавета в восхищении.

— Приглашают, — комментирует рассказчик.

— Даа... — опять протягивает Елизавета. Ее инто-

* МГУ — Московский государственный университет.

нация красноречивее междометий передает потаенный смысл: «Мне бы так!».

— Ты, наверное, французский знаешь в совершенстве?

— Само собой. А это я в Мексике.

— Ты и туда добрался!

— На конференцию в прошлом году летал. Такое впечатление, что только там по-настоящему ценят математиков. Между прочим, Мехико не так ужасен, как его малюют.

Во взгляде Елизаветы нетрудно прочесть: «Мне бы в этот “ужасный Мехико” попасть хоть на денек. Но с “моим”-то далеко не уедешь! Хоть бы в Турцию еще раз свозил этим летом!»

Юлиан делает вид, что не замечает произведенного эффекта, и легко продолжает:

— Хотя, конечно, я бы предпочел Буэнос-Айрес. Там все-таки и климат мягче, да и с преступностью дело обстоит не так плохо. Ну, и экология, конечно, принципиально другая. Вот, кстати, фото.

Все разглядывают изображение Юлиан на фоне высоких зданий, а он уже спешит вперед:

— А недавно я познал мир гор!

На фотографии раскрасневшийся Юлиан стоит у горнолыжного подъемника. В одной руке зажаты лыжи, в другой палки — Франция!

— А почему ты в джинсах? — неожиданно вклинивается в разговор бывалый горнолыжник Толстопаль-

цев.

«Этот как всегда не к месту! Намекает, что у меня на горнолыжный костюм денег нет», — с досадой подумал Юлиан и, не удостоив бывшего товарища ответом, перешел к следующей фотографии:

— А это я в Гонконге, на конференции.

— Я забыла, что ты заканчивал? — спросила Елизавета.

— Как? — удивился рассказчик. — Мехмат МГУ*, конечно. Ну, в десятом классе были небольшие сомнения, куда поступать. Не поверишь, думал даже о биофаке, — снисходительно улыбнулся Юлиан. — Это, конечно, тоже МГУ, но... В общем, потом умные люди подсказали, чем надо в жизни заниматься.

При этих словах щеки выпускницы биофака Елизаветы заметно порозовели от смущения. А Юлиан не принужденно продолжал:

— Математика — это же основа всего, что тут говорить. Сама среда общения в этой области, как говорили у нас на факультете, очень «вкусна». Обмен мыслями, идеями. Ежедневное творчество. Вы же понимаете!

— А ты как? Чем занимаешься? Все коммивояжерствуешь небось? — покровительственно обратился математик к бывшему другу Толстопальцеву.

Последний стеснялся своего статуса безработного, отчего смешался и тихо произнес:

— Я теперь все больше на своем хозяйстве, — Тол-

* Мехмат МГУ — механико-математический факультет МГУ.

стопальцев достал мобильный и тоже продемонстрировал фотографию симпатичного домика с благоустроенной прилегающей территорией.

— Вначале я себе квартиру купил, но потом понял, что в городе задыхаюсь. Построил дом. Когда еще работал. Там я сам себе хозяин.

— И по какому же шоссе ты сам себе хозяин? — ухмыльнулся Юлиан.

— Юго-восток, шестьдесят километров.

— Да. Неважное направление, конечно. И далеко вато будет...

— Так у меня и квартира на юге. Это чтобы удобнее ездить было, — попытался оправдаться Толстопальцев, но математик был неумолим:

— Я в Григорьевом Бору обосновался, на берегу реки. Запад! Смотрите.

На планшете под ловким воздействием больших пальцев Юлиана тут же замелькали изображения дома средних размеров, непритязательной архитектуры образца советского периода, окруженного вековыми со- снами.

— Ну-ка, ну-ка, посмотрим, — раздался до боли знакомый женский голос сзади. Юлиан не мог его не узнать. Петрова подкралась незаметно, как кошка. А с ней вместе еще несколько бывших одноклассников.

— Какой у тебя дом, ух ты! — рука Анны легла на плечо рассказчика, ее горячее дыхание обожгло шею. Настало время действовать!

— Господа, всех приглашаю к себе! — произ-

вольно вырвалось из его уст.

— К себе? Всех? А когда? — со всех сторон защебетали женские голоса.

— В эту субботу, послезавтра. В Москве как раз будет наш одноклассник — Илья Резин, а ныне — для тех, кто не в курсе — первая скрипка Токийского оркестра. Обещался сыграть и даже сорганизовать целый струнный квартет: две скрипки, альт, виолончель. Приходите, господа, должно получиться очень недурно, — и Юлиан царственно повел рукой куда-то в сторону и наверх. Лицо его раскраснелось. Душа парила, обычно напряженные мышцы лица расслабились, а губы растянулись в сердечной улыбке. Он находился в центре внимания. В такие минуты математик преображался.

— Вот здорово! Илья Резин!!! На даче! А как добираться? А во сколько? — радостно понеслось со всех сторон.

Юлиан начал было объяснять, как проехать, но его перебила Петрова.

— Организацию я возьму на себя, как бывшая староста класса. У меня есть телефоны всего класса. И мои координаты есть у всех. На крайний случай имеются соцсети.

— Отличная идея, а я тебе завтра с утра позвоню уточнить время и как лучше проехать. Какой у тебя номер телефона? А то только в «Одноклассниках»* и

* «Одноклассники» — популярная в Российской Федерации социальная сеть первой половины двадцать первого века.

встречаемся, — обрадовался Юлиан.

— Записывай... — Петрова продиктовала свой номер и добавила, — впрочем, я сама тебе наберу.

На том и договорились. Анна направилась в сторону туалета.

Юлиан проворно поднялся, чтобы проследовать за ней, обсудить кое-какие детали, но столкнулся нос к носу с проходившим мимо Олегом Лисянским.

— Как дела, старина? — расплылся в широкой вальяжной улыбке Лисянский.

— Все хорошо. Как ты?

— Не на что времени не хватает. Мотаюсь по всей Европе. Бизнес, знаешь, такое дело. Без остатка захватывает.

— Музыку, значит, совсем забросил? — с кислой миной спросил Юлиан.

— Ну почему. Не поверишь, пытаюсь тоже перевести в бизнес-проект.

— Музыку? В бизнес-проект? И что же ты играешь?

— Сейчас полностью ушел в джаз. Недавно в Доме музыки давал концерт с... — и Олег назвал именитого джазового саксофониста. — Я всем приглашение в «Одноклассниках» рассылал.

— В Доме музыки? — в недоумении проронил математик и, внезапно ощутив накопившуюся за день усталость, слегка ссутулился. И как он, активный

участник соцсетей, мог пропустить сообщение в «Одноклассниках»?

— Кстати, я тебе свои диски не дарил? Сейчас на беру водителю, принесет, — деловито трещал Лисянский, прикладывая к уху мобильный телефон.

— Сейчас за деньги все, что хочешь, можно, — пробурчал Юлиан.

— Что? — не расслышал Лисянский.

— Я слышал, ты развелся? — прибавил громкости математик, нащупывая слабые места у оппонента.

— Да. Но уже опять женился.

— Наверное, дети остались?

— Да.

— Без отца детям плохо.

— Мы с моей «бывшей» ладим. Ее с сыном я обеспечиваю.

— Этого не достаточно. Детям нужно родительское тепло. Кстати, сколько у тебя детей?

— Всего двое.

— А у меня четверо, — козырнул Юлиан.

Тут со сцены раздались оглушительные звуки разудалой ретромузыки, и все потонуло в каком-то хаосе. Бывшие одноклассники повставали со своих мест, сбились в группы, а некоторые даже пустились в пляс. Среди последних был и наш математик, который, несмотря на свои крупные габариты, с энтузиазмом участвовал в быстром танце, вклинившись в круг незнакомой молодежи.

Глядя на него восторженными глазами, препода-

ватель биологии Елизавета в изумлении говорила печальному Толстопальцеву:

— Какой Юлиан молодец! Сколько всего успел сделать: построить дом, полмира объехать. Слышал, у него четверо детей! Глава большой семьи и выдающийся математик. Надо же, все-то у него в жизни получилось!

Дома

Но мы вытесняем не только сексуальные импульсы или эмоции, вроде ненависти либо страха, мы не допускаем до сознания и то, что могло бы вступить в противоречие с идеями и интересами, которые мы не хотели бы ставить под угрозу.

Эрих Фромм

Он вернулся домой в приподнятом настроении уже за полночь. Жена Светлана еще не ложилась и, видимо, услышав звук открываемой входной двери, встретила мужа в коридоре их просторной трехкомнатной квартиры без изысков. Это была полноватая женщина среднего роста. Плечи ее, по обыкновению, покрывала старомодная шаль. Взгляд не предвещал ничего хорошего.

— Повеселился?

— Какое там веселье, Света! Банальная встреча одноклассников! — оправдываясь, забасил приподнявшийся муж.

— Не шуми! Детей разбудишь! Продукты принес?

— Принес, принес. Вот, — и, пройдя на кухню, он

начал доставать пакеты с провиантом из своего туго набитого кожаного портфеля.

— А лекарства?

— Какие лекарства?

— Я же тебе говорила еще вчера утром!

— Ах да, вспомнил.

— Ну, так что?

— Лекарства не купил.

— За два дня не нашлось времени?

— Но я был очень занят.

— Ты? Занят? — слегка повела бровью жена. В голосе ее зазвенел сарказм.

— Да, занят. Разве ты не знаешь, я целыми днями работаю над докторской. Я не разгибаясь...

— И как, получается?

— Будто ты не знаешь, что это долгий процесс. К тому же, у меня пока не достает публикаций. Этому приходится посвящать большое время. А тут семинары, как назло. Того и гляди, нагрузку увеличат. Вот отбивался все эти дни. По поводу Франции переписку веду все время...

— И как? — живо отреагировала Светлана.

— Пока никак. Что-то там у них не получается. Может, вообще все в этом году накроется...

— Как и в прошлом?

— Да, как и в прошлом! Как будто это так легко. А тут завкафедрой достает со своей административ-

ной нагрузкой. А я и без того весь в работе. Что тут нового, Светлана! Будто ты не знаешь! И вообще...

— Ладно, работник. Сгоняй-ка лучше в ночную аптеку за углом, — смягчилась жена. Взгляд ее потеплел. Вообще-то она любила мужа и по-своему ценила его.

Тут Юлиан подумал, что настал правильный момент, и на выходе из квартиры как бы между прочим произнес:

— Кстати, я тут пригласил одноклассников в эту субботу к нам на концерт.

Он уже собирался захлопнуть дверь, как жена остановила его коротким вопросом:

— Чего?

— Пригласил одноклассников к нам на дачу, говорю.

— Куда-куда? — снова нахмурилась жена.

— К нам на дачу. Что тут такого, Света?

— Да так, ничего. Если бы только это была твоя дача.

— Но...

— И сколько же человек?

— Какая разница. Надеюсь, ты не забыла, что Илья Резин приезжает и будет давать у нас на даче в эту субботу концерт. Все давно согласовано. Человеком больше, человеком меньше...

— Сколько человек ты пригласил?

— Всех, кто был на встрече. По-другому, как ты по-

нимаешь, в такой ситуации было бы просто неудобно. Я не считал, но полагаю, человек десять наберется, — в последней надежде сознательно преуменьшил цифру Юлиан. Но приговор был неумолим.

— Не думаю, что маме понравится эта идея.

Этим было все сказано. Неприятно стеснило в груди. Зашалило нездоровое сердце. Теперь надо было всем давать отбой. Но под каким предлогом? Юлиан вышел из подъезда и глотнул свежего мартовского воздуха. Подмораживало. В темно-синей глубине небосвода безразлично мерцали далекие звезды. Их отстраненное сияние напомнило проштрафившемуся математику о бренности всего земного, и ему стало лучше. Собственно говоря, на что он надеялся? Ничего нового. Тесть, старый академик в области физики, еще мог бы согласиться, но Генеральша — так он звал про себя тещу — никогда. Хотя бы потому, что это были его гости. Света права: даже спрашивать бесполезно. Все равно, что дергать тигра за усы.

Через десять минут Юлиан Дмитриевич на отяжелевших ногах возвращался назад с лекарствами. В голове навязчиво крутилась песня Юрия Антонова «От печали до радости рукою подать». Но все бурные эмоции прошедшего вечера уже улеглись. Его взору открылся привычный вид высотного дома из желтого кирпича, куда они заселились на следующий день после свадьбы. Элитную по тем временам квартиру, а заодно и престижную машину, устроил Анатолий Ива-

нович, отец Светланы. Молодым было по двадцать пять лет.

Со Светланой Юлиан познакомился в академическом доме отдыха. В отличие от многих капризных красоток самого разного происхождения, за которыми с переменным успехом ухлестывал любвеобильный молодой математик, Светлана внешности была самой обыкновенной. По какой-то странной семейной традиции она даже одевалась несколько старомодно. При этом от нее исходила спокойная уверенность, свойственная многим обеспеченным с рождения людям, привыкшим к неиссякаемой родительской поддержке. Она была хорошо образована и остра на язык. Светлана и Юлиан всегда понимали друг друга с полуслова — одна среда, общие ценности и стремления. Она была тоже математиком. И даже закончила ВМК МГУ*, что для Юлиана, глубоко убежденного в том, что за стенами этого учебного заведения жизнь, по большому счету, заканчивается, было немаловажно.

Когда однажды, уже после свадьбы, до него докатились слухи о том, что злые языки распускают сплетни, что он женился не по любви, Юлиан впервые задумался на эту тему. Но быстро пришел к выводу, что брак любого интеллектуально развитого человека, в той или иной степени, обязательно строится по расчету. По крайней мере, никто из его друзей не допускал мыс-

* ВМК МГУ — факультет вычислительной математики и кибернетики МГУ.

ли, что их избранницей может стать дама без диплома о высшем образовании. Как же иначе она станет воспитывать детей? Подавляющее большинство также заранее точно знало, где и на что они будут жить.

Но вот и его подъезд. Когда Юлиан вошел в квартиру, все уже спали. Он на цыпочках прокрался в комнату к своей гордости — Кирюше, малышу трех лет. Кроха маленькими ручонками обхватил своего любимого мишку и тихо посапывал. Заботливый папаша нежно поправил одеяло и через полчаса сам уже сотрясал покои мощным храпом.

Проснулся он в начале десятого в мрачном расположении духа. Утро выдалось хмурым, а последняя рюмка водки, как это становится понятно лишь на следующий день, оказалась совершенно лишней. В голове разливалась неприятная тяжесть.

Давление первый раз зашалило лет двадцать назад и с тех пор уже не отпускало. Врачи говорили, что это от избыточного веса и малоподвижного образа жизни. Мама во всем видела наследственную предрасположенность: ее отец страдал гипертонией. Юлиан же считал причиной физиологических расстройств угнетенное моральное состояние, в котором пребывал в непростые годы начала своей преподавательской деятельности.

Многие его коллеги, как крысы с тонущего корабля, бежали за границу, где в своем большинстве неплохо

устроились. Он же никак не мог найти себя в изменившейся реальности. Диссертация не клеилась. Зарплаты ни на что не хватало. Занятие наукой перестало быть престижным. Светлана писала кандидатскую, перекладывая домашние хлопоты на его плечи. Генеральша словно с цепи сорвалась. Приходила к ним, когда ей вздумается, как к себе домой, лезла с ненужными советами. А деньги давала с таким надменным видом, будто не для своей дочери и внуков! Да и Анатолий Иванович, положа руку на сердце, оказался жадноват. Юлиан доподлинно знал, что у того есть деньги. Но академик почему-то не спешил с ними расставаться. Под таким давлением ему, молодому ученому, стали приходиться постыдные мысли бросить науку и пойти зарабатывать. Понятное дело, что с его-то интеллектом он легко бы пробился и среди офисного планктона и меж узколобых бизнесменов. Стоило только захотеть. Например, бывший одноклассник, а ныне незадававшийся физик Канищев Сергей, кандидат наук, которому «нечем было платить за квартиру», так и поступил. Пошел в бизнесмены. Правда, он почему-то ничего не добился на этом поприще, стал пить и плохо кончил.

И ведь подумать только, до чего дошло! Толстопальцев уже готов был устроить Юлиана к себе: тупо перекладывать бумажки с девяти до шести каждый божий день! Молодой ученый с трудом представлял себе, под каким соусом он сможет преподнести эту дикую новость в своем кругу общения. В родной среде григоро-

борейцев — обитателей академического поселка, куда он попал сразу после свадьбы, его бы точно не поняли.

Юлиан выстоял. Прошли долгие годы. И постепенно все наладилось. Он, наконец-то, защитил кандидатскую. А еще через несколько лет смог устроиться преподавать за границей. Правда, пришлось нудно проталкивать свои публикации, которые не просто было выжимать из себя, пройти через долгую и неприятную переписку с иностранными коллегами. Но в конце концов его заметили и пригласили на полгода во Францию. Потом еще и еще. Светлана с детьми оставалась в Москве: по условиям контракта ему предлагалась скромная чистенькая квартирка в кампусе, не подходившая для большой семьи. Когда перевалило за сорок, посыпались приглашения на конференции, и он покатил по всему свету. К сорока пяти дали доцента, завкафедрой попросил брать на себя всю административную работу в свое отсутствие. Да и с деньгами стало как-то полегче.

Тут-то Юлиан обрел былую уверенность в суждениях и утвердился в своей правоте. А у него было о чем поведать людям. Принимал ли он экзамен у студентов, рассуждал ли за большим дружеским столом — какая разница? — все в нем — сильный голос, могучий торс, осанка, посадка головы — напоминало скалу, чей суровый непробиваемый гранит превращает штормовые волны в пену. Теперь он с готовностью судил обо всем на свете, и не переносил, когда ему перечат.

Юлиан грузно поднялся с кровати и переместил свое большое тело в душ. Стоя под струями воды, он вспомнил ночное видение: Анну Петрову. Она снова стояла у доски в полупрозрачном платье, улыбалась ему одному и даже поманила пальцем. Потом они танцевали на какой-то вечеринке, целовались, и Юлиан ощущал ее гибкое соблазнительное тело. Но тут он, как назло, проснулся.

Не успел Юлиан сесть за стол завтракать, как затрезвонил его мобильный. «Как некстати», — подумал он.

Светлана вопросительно посмотрела на мужа.

— Это Петрова. Не знаю, что ответить. Сегодня уже пятница. Завтра они, вообще-то, планируют приехать.

— А, твоя комсомольская богиня уже волнуется...

Светлана ко всем его одноклассникам относилась совершенно безразлично, Петрову же почему-то недолюбливала. Видно, каким-то образом улавливала специфическое отношение мужа к бывшей однокласснице.

Что до «комсомольской богини», то в школе Анна действительно была вначале старостой, а потом и комсоргом. Училась на одни пятерки и даже обошла претендовавшего на золотую медаль Юлиана. Его мама была в ярости, ходила к директору школы, писала жалобы в РОНО*, которые, правда, остались без внимания. Возможно, из-за того, что Петрова-старшая занимала в РОНО высокую должность.

* РОНО — районный отдел народного образования.

— Скажись больным, да и все, — предложила жена.
— Нельзя. У нас Илья Резин концерт дает. Ты что, забыла, что он мой одноклассник? Всем разболтает.
— А ты попроси его держать рот на замке.
— Это не очень удобно, ты же понимаешь.
— Тогда придумай что-нибудь сам. У тебя это лучше получится. Ты же у нас умный, папочка, — нежно похлопала по руке мужа Светлана и проникновенно улыбнулась.

Нахмуренные брови Юлиана расправились. Умная Светлана безошибочно угадывала, за какую струну, в какой момент потянуть. В частности, она прекрасно знала, как сильно нравится ее спутнику роль отца большого семейства. И внутри сложившихся границ ему было дозволено принимать самостоятельные решения. С другой стороны, любая жизнь, а тем более семейная, полна разнообразных ограничений.

Тем временем телефон перестал звонить.

«Ладно, подожду пока отвечать, а там видно будет», — решил Юлиан.

— Как прошла сходка однокурсников? Что нового? — спросила Светлана.

— Ничего интересного. Наш «горнолыжник» по-прежнему без работы, — ухмыльнулся муж.

— Ничего удивительного — у коммивояжеров короткий век.

— Вот-вот.

— А это что за диски? — Светлана указала на подарок Лисянского, с вечера забытый на столе.

— Да, так, ничего интересного. Лисянский свои диски всучил.

— Ну надо же?! Джазменом заделался! Послушаем? — с удивлением рассматривала диски Светлана.

— Чего там слушать, Света? Подумай сама, что он может сыграть?! Музыкальная макулатура! — махнул рукой муж.

Тут зазвонил городской телефон. Жена сняла трубку.

— Да?

— Здравствуй, Светочка, — послышался громкий голос тещи, который нельзя было ни с кем спутать.

— Да, — Светлана имела привычку словом «да» заменять обычные слова приветствия.

— Как у тебя дела?

— Все хорошо, мама.

— Передай мне Юлиана, пожалуйста.

— Передаю.

«Этого еще не хватало», — почувствовал недоброе математик и с неохотой взял трубку.

— Юлиан, добрый день. Ты не забыл, что мы сегодня едем в ателье за моей шубой? Когда тебя ждать? — Генеральша, как обычно, не церемонилась.

— Здравствуйте, Антонина Даниловна. Я что-то не припоминаю, чтобы мы договаривались. К тому же, мне надо на рынок. Завтра ведь на даче концерт. Илья Резин приезжает...

— Я пока еще в своем рассудке и все прекрасно помню. На рынок потом заехать успеешь, а сейчас по-

прошу тебя подбросить меня в ателье. Не так уж часто тебя и просят.

— Но мне еще на работу надо, — неудачно попытался соврать ответчик. Но теща была прекрасно осведомлена о необременительном графике работы зятя: два-три раза в неделю и точно не по пятницам.

— Ни на какую работу тебе не надо. Не выдумывай. И послушай, Юлиан, у нас же, кажется, был уговор, что мы покупаем вам новую машину на условиях, что когда потребуется, ты меня будешь возить. Или я что-то путаю? — в голосе Генеральши зазвенела сталь.

«Ладно бы вы купили мне “Мерседес”! А то из-за этой корейской малолитражки, в которую я и помещаюсь-то с трудом, не слишком ли много чести будет?!» — негодуя, подумал математик и тихо ответил:

— Хорошо, через час буду, — он умел управлять своими эмоциями.

— До встречи, — в трубке послышались короткие гудки.

Тут с бормотанием — «Мама, есть чего поесть?» — на кухне появился заспанный молодой человек лет двадцати пяти — тридцати. Он был невысокого роста, гибкого телосложения с хитрым выражением глаз.

— А почему ты не на работе? — в удивлении пробасил отец семейства.

— У меня еще больничный не закончился. Последний день. С понедельника пойду, — небрежно бормотал юноша, роясь в холодильнике.

— Отлично. Тогда поможешь мне продукты закупить на рынке. К трем часам будь готов.

— Не, не получится. Я с ребятами уже договорился.

— Так передоговорись, — повысил голос Юлиан.

— Говорю же, не получится. Договорился уже, — и юноша с набитым ртом и кружкой чая в руке невозмутимо покинул кухню.

— Ты можешь как-то повлиять на него? — недовольно воззрился на жену Юлиан.

Двое старших детей Светланы, Петя и Даша, были от предыдущего брака, и это обстоятельство накладывало свой отпечаток на отношения: Петя Юлиана не слушался. Даша была более покладиста по характеру, но и она порой проявляла своенравие.

Первый раз Светлана выскочила замуж по большой любви, когда ей стукнуло восемнадцать. Через несколько месяцев появился ее первенец, через два года Даша, а еще через два супруги развелись. О бывшем муже в семье упоминать было не принято.

Петя унаследовал повадки отца. Несмотря на свой молодой возраст, тоже успел жениться и развестись, нажив при этом двух детей, с которыми виделся отнюдь не часто. Они остались с предыдущей женой, а молодой человек на днях собирался жениться повторно. Будущая жена также была на сносях. Жить молодые собирались у невесты. Работой Петя себя не утруждал и нигде не задерживался подолгу. От до-

машних обязанностей всячески отлынивал. А если его начинали слишком сильно донимать, съезжал на время к бабушке с дедушкой, которые в нем души не чаяли. Они же подбрасывали ему денег.

— Ладно тебе, папочка. Он через месяц и так от нас опять съезжает. Вот, я тебе список чего купить приготовила, — сказала Светлана.

— Слушай... Там... Завтра мама моя хотела приехать тоже.

— Но ты же знаешь, папочка, они не очень ладят.

— Прекрасно они ладят. И потом, для нее, как для большого ценителя музыки, приезд такого выдающегося скрипача — событие. Поговоришь с Антониной Даниловной? — настаивал муж.

— Ну, хорошо, пусть приезжает, — смягчилась Светлана.

— Так с Антониной Даниловной поговоришь?

— Не волнуйся. Все беру на себя. Приглашай. И иди уже. А то мама волнуется, — и она напутственно похлопала по широкой спине мужа.

В течение дня Анна Петрова звонила несколько раз, но Юлиан не снимал трубку. А ведь двадцать пять лет назад он многое бы отдал за ее единственный звонок. Однажды юный математик даже отказался от многообещающей поездки на дачу к друзьям и несколько дней проторчал в пыльной Москве начала августа.

За неделю до этого будущий ученый случайно встретил студентку МГИМО* Петрову на свадьбе у друга в ресторане «Прага». Были танцы. Юлиан в порывах рок-н-рола вертел, крутил, а затем неожиданно резко наклонял Петрову, крепко сжимая ее гибкий податливый стан могучей рукой. Спелый бутон зовущих губ оказывался совсем близко. Тем вечером что-то изменилось в их отношениях — он чувствовал это. Только ему одному девушка дарила свою очаровательную улыбку. К нему нежно прижималась в танце. От его шуток заразительно хохотала. Потом, под покровом молодой ночи, они отправились бродить по опустевшим улицам, умытым теплым ливнем. Петрова нежно взяла его под руку, а когда он привлек ее к себе, то доверительно подставила губы для долгого и страстного поцелуя.

Черт бы взял ее больную тетю, которую почему-то никак нельзя было оставить одну именно этой ночью! И совсем некстати подоспел последний троллейбус. Будущий ученый, конечно же, проводил девушку до подъезда тетиного дома. Под его козырьком Петрова наградила ухажера еще одним незабываемым поцелуем. И со словами «я позвоню» исчезла за несмазанной дверью.

Юлиан воспринял ее слова буквально и почти безвылазно просидел дома несколько дней. Потеряв терпение, он пытался дозвониться сам, но телефон Петровой раз за разом издавал лишь протяжные гудки.

* МГИМО — Московский государственный институт международных отношений.

На исходе недели к нему по-свойски без звонка заглянул Толстопальцев:

— Я тут слышал, ты провожал Петрову?

— Было дело, — и густые брови мрачно сошлись вместе.

— Ну и как?

— Да так, все несла какую-то гуманитарную чушь, — раздраженно буркнул юный математик.

— А ты предпочел бы, чтобы она с тобой на языке формул разговаривала, что ли? — ухмыльнулся Толстопальцев, глядя в окно.

— Пойдем лучше пивка попьем, — предложил Юлиан товарищу.

— А у тебя деньги есть?

— Ну... — протянул Юлиан.

— Ладно, пойдем, у меня на несколько кружек и на тарелку креветок найдется.

В который раз надоедливо зазвонил телефон, и на его экране отобразилось «Анна Петрова». «Все течет, все изменяется!» — удовлетворенно отметил доцент и не стал отвечать.

Когда на улице стемнело, тяжело нагруженный продуктами папочка пришел домой. Ему навстречу радостно выбежала старшая дочь, миниатюрная ученица выпускного класса Анечка. Она ловко обхватила тонкими руками шею отца, и, щекоча небритой щекой свое чадо, он завертел ее в чудесном вихре.

С Ильи Резина, после долгих и туманных разъяснений ситуации, Юлиан все-таки получил слово сохранить все в тайне. А СМС Петровой можно было отправить и завтра. Сегодня для нее он был очень сильно и совершенно неожиданно болен.

За длинным столом собралось много народу. В центре, как полагается, хозяева: волевая, все еще энергичная Генеральша и Анатолий Иванович, усталый полный человек преклонного возраста. Нос его украшали очки в роговой оправе, из-под толстых линз которых доброжелательно поглядывали умные глаза, не утратившие, несмотря на почтенный возраст, интереса к происходящему. Волосы его были спутаны. По семейной традиции царственные супруги не придавали особого значения своему внешнему виду. С годами Юлиан во многих внешних проявлениях — развалистой степенной походкой, неторопливыми движениями, манерой речи — все больше начинал походить на знаменитого тестя. Стремился ли он к тому намеренно или это происходило неосознанно, никто никогда у него не спрашивал.

Илья Резин и его трое друзей-оркестрантов разместились по правую руку от центра. Напротив — хозяйские внуки в полном составе и Светлана со свекровью. Тут же пустующее место Юлиана: по давно заведенному обычаю великолепный кулинар хлопотал по хозяйству. Жарил, парил, подавал, убирал. Все на нем.

В числе прочих было несколько случайно забредших на огонек обитателей поселка Григорьев Бор — детей и внуков бывших академиков. Тут было принято и даже приветствовалось заходить без приглашения. Поэтому их становилось все больше и больше. Это были люди среднего возраста, самых разных занятий. Никому из них не довелось приблизиться к достижениям своих именитых, ныне почивших предков, принадлежность к которым являлась главным предметом их гордости. Некоторые григороборейцы до старости находились в постоянных поисках себя, не в состоянии остановиться на каком-либо одном конкретном занятии. Постепенно продавая оставшуюся в наследство землю и недвижимость, они могли позволить себе вести праздный образ жизни.

Встречались в поселке и такие, пришлые, кто эту землю покупал. Они разъезжали на дорогих автомобилях и строили себе современные комфортабельные дома причудливых архитектурных форм, на фоне которых некогда элитные старые дачи терялись и казались незначительными. Ровесник Юлиана Петр Остроумов, нагло развалившийся рядом тещей, был как раз из этих. Чем занимался этот человек? Очевидно, что не наукой. Наверняка либо какой-нибудь менеджер, либо коммерсант, как они сами себя теперь называют, а по сути, обыкновенный торгаш. Кто же еще может преуспевать в наше время?! Спекулянты! То, за что раньше сажали, теперь хвалили и почитали.

Присутствие Петра Остроумова нервировало Юлиана. Кто дал право этому типу вальяжно отпускать неуместные комментарии: «О, вкусный плов появился! О, доброе вино появилось! О, варенье появилось! О, чай появился!» — как будто подававший все это Юлиан был у него на услужении.

Но особенно задевало математика то, что теща каждый раз премило беседовала с этим типом и даже оказывала ему очевидные знаки уважения, в то время как собственного зятя почему-то третировала.

— Антонина Даниловна, о чем вы, химик, в прошлом заведующая лабораторией, можете всякий раз так долго говорить с Остроумовым? — как-то за завтраком не выдержал Юлиан, а про себя добавил: «Она, конечно, не в МГУ завлабом была, но все же...»

— Он неплохо разбирается в истории, и потом...

— Менеджер, разбирающийся в истории? Звучит довольно странно, я вам скажу. Хотя, наверное, осилить гуманитарные науки некоторым из них все же под силу, — перебил ее Юлиан.

— Ты бы лучше подумал, как семью кормить, а то все из нас стариков деньги тянете, — Генеральша не любила, когда ее перебивают.

— Но вы же знаете, что в наше время преуспевают одни идиоты!

— Тогда займись наукой, наконец!

— В каком смысле?

— Ты знаешь, в каком.

— С вами невозможно разговаривать.

— Так ты не говори.

И Юлиан замолчал. Но подумал: «Это все ваша гордыня! Никак не возьмете в толк, что математики находятся в мыслительном процессе постоянно, даже если другим кажется, что они слоняются без дела».

К счастью, в целом григороборейцы старательно блюли чистоту своих рядов. В отличие от Генеральши они за глаза презрительно отзывались о Петре Остроумове и подобных типах, которые наворовали себе не по чину. То, что они именно наворовали, ни у кого не вызывало сомнения.

Внутри маленького сообщества поселка существовала устоявшая неформальная иерархия, не всегда понятная со стороны: среди равных находились наиболее равные, и старожилы задавали тон. Их объединяли общие воспоминания о бурной молодости, когда они беспечно купались в лучах славы своих трудолюбивых предков. И пусть юность Юлиана по какому-то нелепому капризу судьбы прошла вдалеке от этих славных мест, духовно он никогда не расставался с Григороборейей. Это внутреннее убеждение математик неустанно разъяснял окружающим, а когда порой некоторые старожилы несправедливо пытались задвинуть его на задворки сообщества, жарко отстаивал свои права.

— Пойдем, я представлю тебя Гермюс, — таинственно шепнул на ухо Илье Резину Юлиан. Обед под-

ходил к концу. Некоторые отправились покурить на улицу, другие встали из-за стола просто размять ноги.

— А кто это?

— Пойдем, пойдем, — заботливо приобняв за плечи товарища, словно маг, который вот-вот приоткроет занавес, скрывающий некое таинство, увлекал его математик.

Они подошли к пожилой особе, голова которой была закинута назад.

— Вот, Эмма Давидовна, познакомьтесь. Это Илья Резин — первая скрипка Токийского оркестра и мой одноклассник, — с почтением проговорил математик.

— А, Юлиан, привет. Какая скрипка, говоришь? Токийская? И что, у этих варваров музыка тоже в почете? — она, сощурившись, с ног до головы разглядывала Илью. Последний, в замешательстве, хранил молчание. Чтобы заполнить неловкую паузу, Юлиан ответил за товарища:

— Конечно. Еще как.

— Вот как? Ну-ну. У нас пятая дача, у реки. У них здесь, на юру, шумно. А у нас, у реки, совсем другое дело. Понимаете?

— Ну, еще увидимся, Эмма Давидовна, — снова вежливо заполнил возникшую паузу математик.

Друзья отошли в сторону.

— Буффонада какая-то. Что это за тетка? — с улыбкой спросил Резин.

— Тише, тише. Понимаешь, тут свои обычаи, свои столпы. Тут все по-другому. Это надо прочувствовать.

Она здесь с самого основания поселка! Полвека миновало уже, как-никак, — загудел Юлиан, стараясь не показать досады. — Знаешь, у меня есть для тебя подарок.

С этими словами математик извлек из шкафа огромный рулон толстой бумаги, перевязанной подарочной лентой.

— Что это?

— Это наше генеалогическое древо. Смотри.

Обратная сторона рулона оказалась испещрена мелкими стрелочками и многочисленными именами и фамилиями. Все они расходились книзу из единой верхней точки.

— Добинские, — прочел заголовок Резин. — Но ты же вроде как Серебряковым был?

— Ну, это, конечно, так, но, видишь ли, теперь... Вот, смотри сам, — и Юлиан, прищурившись, поводит пальцем по заветной строке одной из многочисленных тонких веточек перевернутой кроны дерева, которая гласила: «Юлиан Серебряков — второй муж Княжны Светланы Добинской».

— Княжны? В современной России есть такой титул? Не знал! — ухмыльнулся скрипач.

«Все равно, что перед свиньей бисер метать», — мрачно подумал математик и, оставив без внимания неуместный комментарий товарища, покровительственно похлопал его по плечу и протянул свиток:

— Держи, это подарок. А теперь, маэстро, попросу на сцену.

Другие музыканты, расположившись в углу гостиной-столовой, действительно, уже настраивали инструменты. Резин присоединился к ним. Вскоре раздались звуки чарующей барочной музыки. Струнный квартет был великолепен. Последовали бурные аплодисменты. Несколько раз вызывали на бис. Потом все присутствующие вновь расселись за столом для чаепития. Тут же подали сыры, которые привез из Франции коллега Юлиана. Сам же математик, улучив момент, начал негромко рассказывать о достоинствах каждого продукта. Открыли несколько бутылок бордо и бургундского, заботливо припасенных для подобного случая. И Юлиан плавно перешел на свойства предлагаемых вин. Потом последовали красочные истории о замках Луары, побережье Нормандии, устрицах, виноградных улитках, музеях и театрах Парижа. Голос искусного рассказчика крепчал. Одна рука с крупными растопыренными пальцами вытянулась вперед и задвигалась по эллипсу, другая ушла назад, словно он хотел размахнуться посильнее, пальцы ее тоже разошлись в стороны. Чарующее действие это продолжалось не менее получаса, пока, наконец, гул спонтанно возникавших разговоров в разных концах большого стола не заглушил самозабвенного рассказчика, со лба которого катились крупные капли пота.

— Скажи, Илья, если я не ошибаюсь, ты после школы собирался в ФизТех*? — спрашивала Екатерина Петровна, мать Юлиана.

* Московский физико-технический институт.

— Да, были такие мысли. Даже не знаю теперь, может быть, и стоило. Может, достиг бы большего.

— Не знаю. Но только жизнь твоя не была бы тогда столь красочна. Все-таки жизнь физика, я уже не говорю про другие области, не может сравниться с теми яркими переживаниями, с теми возможностями духовного совершенствования, которые открывает перед человеком музыка. Ну, и математика, конечно. Заниматься ими большое счастье. Я сама играла в университетском струнном оркестре в свое время, на скрипке, в перерывах между занятиями математикой. У меня ведь абсолютный слух. Но все же я решила посвятить себя науке, — смиренно склонив голову, повествовала Екатерина Петровна. Ее нисколько не смущало, что к их беседе прислушивался хозяин дома, академик в области физики.

— Екатерина Петровна, душенька, а на какую тему ваша диссертация? — неожиданно вмешалась в разговор уязвленная Генеральша.

— Моя тема? Видите ли, для людей других специальностей она мало что скажет...

— Ну, все же мы попробуем разобраться...

— На что это вам? Без специальной подготовки вы все равно не сможете понять.

— Да уж как-нибудь, как-нибудь, — упорствовала Генеральша. В семье ни для кого не было секретом, что проработавшая всю жизнь в должности старшего преподавателя Екатерина Петровна никаких диссертаций никогда не защищала.

— Я, видите ли, тогда работала в закрытом НИИ, давала подписку о неразглашении. Секретность, знаете ли. Да и на что это вам? Говорю же, надо обладать специальными знаниями, чтобы...

— А я недавно совершил восхождение на Фудзияму, — пришел на выручку матери друга Илья Резин.

— Что вы говорите? Расскажите, сделайте милость, — пробасил академик.

Илья тут же углубился в увлекательное повествование о подъеме на Фудзияму и о культуре Японии в целом. Тишина, сопровождавшая его рассказ, однако, вскоре была разорвана легким храпом Юлиана. Когда другие оказывались в центре внимания, математика почему-то тут же охватывала непреодолимая сонливость. С разных сторон стола стали раздаваться смешки местных жителей. Светлана, чтобы смягчить ситуацию, произнесла:

— Юлиан действительно сегодня очень устал. Он так много работает в последнее время, — на людях она стояла за мужа горой.

— Да. Да! Он всегда так много работал. Мне Юлиан рассказывал, что к нему недавно приходили коллеги и открыто спрашивали: «Юлиан Дмитриевич, почему не вас назначили заведующим кафедрой?» А что он может им ответить? Вы же понимаете, какое сейчас время. А недавно его показывали по телевизору... — вновь перехватила инициативу словоохотливая Катерина Петровна.

— Юлиана? Что-то я не припоминаю такого. Это по какому же каналу? — съязвила теща.

Услышав несколько раз кряду свое имя, Юлиан перестал храпеть, открыл глаза и прислушался. А его мать, не отвлекаясь на провокационные вопросы, тем временем продолжала:

— Да, Юлиан всегда выделялся среди других. В школе учился на одни пятерки. Мне математичка так и говорила: «Талантливый у вас мальчик». Если бы не эта Петрова и ее всесильная мамаша, он получил бы золотую медаль.

На устах Юлиана появилась тонкая улыбка.

— Анна Петрова! Как же, как же! Как она поживает? — лукаво прищурился Резин.

«И он, значит, там побывал!» — с досадой подумал Юлиан и протянул свой телефон товарищу.

— Вот смотри, два дня назад фото сделал.

Екатерина Петровна, в непреодолимом желании увидеть фото, проявила нешуточную для ее возраста гибкость, привстала и вытянула шею. Но сразу театрально сморщила губы:

— Фу, как она подурнела! Это все от бездуховности. Я слышала, она очень неудачно вышла замуж. Работает непонятно где. Впрочем, чего еще можно было от нее ожидать?

Беседа за столом уже распалась по отдельным группам.

— А как поживают другие одноклассники? Я слышал, Олег Лисянский очень преуспевает. Говорят,

разбогател: крупный финансист теперь. Говорят, что в Доме музыки концерт джаза давал с каким-то видным джазменом. Хотелось бы узнать подробнее. Это все так? — спросил Резин.

Юлиан криво усмехнулся и с неохотой ответил:

— Ну, да. Вроде того. Сейчас, знаешь ли, многие богатенькие к культуре тянутся.

Резин оставил эту ремарку без ответа, но как-то странно посмотрел на своего товарища.

— Пойдем, прогуляемся, — предложил скрипач.

В юности друзья часто и подолгу гуляли вдвоем, и даже когда Резин уехал за границу, поначалу — в каждый его приезд на родину. Им всегда было, что обсудить. Но уже лет пять, как эта традиция канула в лету. У Юлиана вечно находились неотложные дела. А сам Резин его уже давно нервировал.

Всякий раз, когда Юлиан пытался донести до товарища значимость тех или иных ценностей, которые его теперь окружали, Илья демонстрировал к ним свое полное равнодушие. Вот и сегодня. Математик представил его самой Гермиус, одной из столпов здешних славных мест. Ее предок работал с отцом российского космоса! А Илья глупо ухмыльнулся и позволил себе неуместные ремарки. Потом Юлиан хотел поделиться радостью от своего нового статуса: он попал в генеалогическое древо самих Добинских. Но и это, похоже, не произвело никакого впечатления. А вот о сомни-

тельных достижениях проныры Лисянского он, видите ли, захотел узнать.

Они вышли на улицу.

— Ну, как жизнь? Как там в Японии? — зевнул Юлиан.

— Нормально. Женился второй раз. Много гастролирую по миру. Очень устаю. Трудно держаться в обойме. Высокая конкуренция.

«Как это у него так легко получается? Взял да и развелся, взял да и женился. И ни у кого не спросил. Хозяин — барин, понимаете ли», — с досадой отметил математик. Подобное поведение он считал аморальным и порицал.

Тяжело вздохнув, математик пошел в наступление на другом поле:

— Моя мама заметила, что сегодня твой второй скрипач совсем неважно играл. В такт не всегда попадал. Да и виолончель хромала.

— Да? Ну, твоей-то маме виднее, — безразлично ответил Илья. Было очевидно, что точка зрения Екатерины Петровны его не беспокоит.

— У нее все-таки музыкальное образование, слух. Но я и сам тут подумал, что действительно, в заключительном такте Вивальди лучше было бы вам мягче брать, — продолжал гнуть свою линию Юлиан.

— Вот оно как? — фальшиво улыбнулся Илья.

— Да. Тут публика подготовленная. Вообще-то домашние концерты в традициях нашей семьи. Еще в царское время держали оркестр крепостных. Добин-

ские всегда славились на Руси просветительской деятельностью, — губы Юлиана сложились в тонкой улыбке.

«Нашей семьи» — надо же! «Оркестр крепостных», — с обидой отметил про себя Илья и перевел тему:

— А как у тебя дела на работе? Какие личные достижения?

Юлиан не любил распространяться на эту тему: рассказ почему-то не получался впечатляющим. Поэтому он, как всегда, отделался несколькими туманными фразами, из которых нельзя было ничего толком разобрать.

— Ну, в общем, творческий процесс, ты же понимаешь, — повел он рукой в завершение.

Но сравнение с крепостным оркестром, видно, крепко задело скрипача, и он, едко улыбнувшись, тихо спросил:

— А в чем именно заключается этот творческий процесс?

— Ну, что тут непонятного? Преподавательская деятельность, наука...

— Творчество — это создание чего-то нового, насколько я понимаю. Что же именно ты создаешь?

— У меня такое впечатление, что я на приеме упрокура, — неожиданно рассердился Юлиан.

Резин только неприятно хмыкнул. Повисла долгая пауза.

— Как твоя мама? — спросил Юлиан. Отец Резина давно скончался, с тех пор мать проживала в Москве одна.

— Все в порядке, спасибо.

— Ты ей помогаешь?

— Да, немного.

— А ты не думал купить ей дачу? — неожиданно спросил Юлиан.

— Что? С чего это вдруг?

— Ну как? Чтобы у нее было, куда ездить летом, — пояснил математик.

— Я имел в виду, с чего это вдруг ты даешь мне советы? И, раз так, то почему бы тебе самому не купить своей маме дачу?

— У нее осталась дача от родителей.

— Эта хибара, на которую без слез нельзя взглянуть? Почему бы тебе не улучшить ее жилищные условия и не купить настоящую дачу? — тон товарища неприятно изменился.

— Но я же не могу себе этого позволить! — с некоторой бравадой пробасил Юлиан.

Но для Резина это, видимо, это не являлось оправданием.

— То есть дом ты себе позволить не можешь, а мне советы давать можешь?

— Ну да, а почему бы и нет?

— А ты не задумывался над тем, что советы являются не более, чем скрытой критикой, или еще хуже — попыткой самоутвердиться за чужой счет?

— Ты следи за своей речью! — повысил голос математик.

— Это ты за своей следи! — с негодованием прошипел скрипач. Глаза его засверкали недобрым огнем.

— Как я посмотрю, вся твоя вальяжность куда-то подевалась! Правду не любишь?

— Счастливо оставаться, — побелев от ярости, проговорил Резин. Бывший товарищ резко развернулся и, не оборачиваясь, быстро пошел назад к дому.

Давно подавляемое взаимное недовольство, наконец, вскрылось, словно чирей под скальпелем хирурга. Отчего Юлиан поначалу даже испытал некоторое облегчение. Ночью же математик долго не мог заснуть и, тревожно ворочаясь с боку на бок, все думал, думал, думал. Когда эмоции отхлынули, пришло осознание, что открытая ссора с товарищем была ему все же неприятна.

За последние годы Юлиан растерял всех своих многочисленных друзей молодости. Общение с ними постепенно стало для него в тягость. С другой стороны, почти никто из его знакомых не мог похвастаться тем, что пронес юношескую дружбу сквозь десятилетия. И неудивительно. Ведь каждый под воздействием личных обстоятельств проходит свой собственный путь, в котором невозможно ничего переписать, ни изменить. Зато можно многое оправдать, когда возникает такая потребность. Поэтому система мировоззрения человека порой причудливо меняется, следуя за зигзагами его судьбы. Признавать же свои ошибки, расписываться в собственном бессилии мало кому по-

нравится. Да и к чему это делать? Что это даст, кроме испорченного настроения? Особенно, когда перевалило за пятьдесят.

Вечером следующего дня в Большом зале консерватории давали «Так говорил Заратустра» и «Жизнь героя» Рихарда Штрауса. Это были любимые произведения Юлиана, и он никак не мог пропустить такое важное событие. Несмотря на довольно высокую стоимость билетов, они со Светланой разместились на первом ряду.

С самого первого мгновения божественная музыка великого мастера целиком захватила математика. Под воздействием могучей экспрессии, исходящей от духовых и ударных, по его коже побежали мурашки. Не помня себя, Юлиан зачарованно смотрел на дирижера. Этот человек в черном фраке подобно магу подчинял своей воле огромное количество оркестрантов. Вокруг дирижера вертелось все действие! Он правил бал! Он творил!

«Но ведь и я ничем не хуже. Мама просто ошибалась. Я тоже могу. Что там! Я могу значительно лучше! Я покажу им! Они узнают меня! И Генеральша эта! И Светлана! И Толстопальцеву, и Резину, и Лисянскому покажу! А то, видишь ли, какие, сами по себе они! Делают, что хотят! Женятся, разводятся! Они у меня узнают! Я тоже сам! Я сам! Я сам по себе, черт возьми! Я не при ком-то! Я это докажу! Все увидят, черт по-

дери, что я сам по себе! И я не буду больше ни у кого спрашивать разрешения! Подчиняться теперь будут мне!» — все громче гудело в голове Юлиана.

Глава 2. Бунт

«Кого там черт несет?» — недовольно подумал математик спросонья. На циферблате будильника стрелки показывали шесть часов утра. За окном было еще темно. А телефон все звонил и звонил.

— Алло, — прогудел он в трубку.

— Юлиан Дмитриевич? — раздался незнакомый мужской голос из трубки.

— Да. А с кем имею честь?

— Меня зовут Петр, хотя мое имя вам мало что скажет. Я помощник адвоката Олега Лисянского.

— Да, но сейчас ночь, — возмутился Юлиан.

— Я понимаю, но, к сожалению, дело не терпит отлагательств. С вашим другом произошло несчастье. Он находится сейчас при смерти и не может говорить. Врачи только час назад сообщили меня о том, что процесс принял необратимый характер. Так вот, ваш друг оставил завещание. Сумма, о которой идет речь, очень значительна, а вы единственный наследник. При этом существуют некоторые обременения. Для того, чтобы вы смогли вступить в права, вам надлежит безотлагательно, не позднее вечера завтрашнего дня, приехать

в Барселону. Я знаю, что виза Евросоюза у вас еще не истекла. О билетах я позаботился. Они у вас на электронной почте. Ваш вылет в одиннадцать часов утра, через пять часов. Вы будете?

— Да.

— Я буду встречать вас в аэропорту.

— Хорошо.

— До встречи, Юлиан Дмитриевич.

— А как вы меня узнаете?

Но телефон уже разъединился.

Все еще не веря в происходящее, Юлиан открыл компьютер и проверил почту. Помощник адвоката не обманул. Билеты бизнес-класса прилагались к последнему письму в папке «входящие». Юлиан на всякий случай распечатал их и отправился в душ.

Закончив с утренним туалетом, он собрал вещи в небольшую сумку и приготовил завтрак: миску овсяной каши на молоке. Чтобы окончательно проснуться, налил себе огромную чашку черного пахучего кофе и с ней в руке надолго застыл у окна. С тринадцатого этажа, где находилась его квартира, открывался величественный вид на Москву. Раскинувшийся перед ним огромный город медленно приобретал очертания из дымки хмурого рассвета. Что-то подсказывало математику, что его налаженная жизнь круто меняется.

Все еще спали. Он написал короткую записку жене, где в три строки попытался вместить последние новости: «Что-то случилось с Лисянским. По его просьбе

срочно вылетаю к нему в Испанию. Ему требуется помощь. Буду завтра. Позвоню». В конце концов, он сам ничего толком не понимал. Оделся, взял сумку и аккуратно закрыл за собой дверь.

Через несколько часов его самолет приземлился в аэропорту Барселоны. Пройдя необходимые формальности, Юлиан вышел в фойе. Тут же к нему подошел молодой человек среднего роста, в сером костюме, белой рубашке и галстуке.

— Юлиан Дмитриевич?

— Да.

— Петр. Мы с вами говорили по телефону. Я узнал вас по фотографии.

— У вас и моя фотография есть?

— Это несложно. Социальные сети, знаете ли...

— Ах, да. Конечно. — На своих страничках Юлиан неустанно обновлял многочисленные фотографии.

— Гостиница вам забронирована, но я бы предложил без промедления проехать в офис. Как я уже говорил, дело не терпит отлагательств.

— Хорошо.

— У вас есть багаж?

— Только ручная кладь.

— Тогда не будем терять время.

Совсем скоро их «Мерседес» плавно остановился у величественного старинного подъезда. Юлиану казалось, что все это происходит не с ним, а с кем-то дру-

гим. Они прошли по слабо освещенному фойе и поднялись на лифте на третий этаж.

— Добрый день, — с большим акцентом произнес человек средних лет, понимаясь из-за массивного стола, навстречу вошедшим. Он был одет в синий костюм, из нагрудного кармана которого виднелся платок под цвет строгому галстуку. Его нос украшали очки в роговой оправе. Далее он продолжал на испанском, а Петр переводил.

— Меня зовут Хуан.

— Юлиан, — кивнул головой математик, и они пожали руки.

— Вот бумаги, подтверждающие мои полномочия. Я бы предложил, что бы вы ознакомились с ними позже.

Юлиан снова кивнул в знак согласия. Все трое разместились в больших креслах из темной кожи, вокруг журнального столика искусной работы. Секретарша подала черный кофе и воду.

— Я так понимаю, Петр ввел уже вас в курс дела?

Юлиан неопределенно качнул головой: он неуверенно чувствовал себя в непривычной обстановке.

— С прискорбием сообщаю, что ваш друг скончался час назад. Но он оставил должным образом оформленное завещание. И сопроводительное письмо. Прошу вас ознакомиться с последним.

И Хуан протянул документ.

Юлиан извлек из конверта сопроводительное письмо и принялся читать.

«Дорогой Юлиан,

могу себе представить степень твоего удивления. Я, конечно же, должен тебе кое-что объяснить.

Прежде всего, имей в виду, что я очень слаб, и письмо записывает под мою диктовку Петр, с которым ты, вероятно, уже успел познакомиться. Поэтому не удивляйся, если текст его будет несколько сумбурным. Сейчас важно успеть изложить все, пока я не отошел в мир иной.

Мы не были с тобой душевно близки в последнее время. Возможно, оттого что прошли совершенно разные жизненные пути. Как говорил великий Ленин, бытие определяет сознание! Смеюсь. Тем не менее мне хочется верить, что мы все еще состоим в товарищеских отношениях. А я знаю тебя как человека порядочного и, что немаловажно, интеллектуально и духовно развитого. Исходя из этих твоих качеств, полагаю, что ты тот отец, который в состоянии дать не только правильное образование, но и необходимое душевное тепло своим детям.

Так получилось, что мне не к кому больше обратиться. Родители мои давно умерли, родственников, которым я бы мог доверить такое важное дело, у меня нет. Да я с ними никогда и не поддерживал должных контактов и, соответственно, никак не могу доверять им теперь.

Несколько слов о моей бывшей жене. На встрече одноклассников я изрядно приукрасил действитель-

ность — такое бывает, и тебе, как никому другому, это должно быть знакомо, — да и не было причин вдаваться в ненужные детали. Между тем, наши отношения с бывшей женой давно пришли в упадок. Видишь ли, мы поженились слишком рано, когда нам было по восемнадцать лет. Это была юношеская страсть, которая, как ей и полагалось, довольно быстро завяла. Тут-то и выяснилось, что мы совершенно чужие люди. Но главное — это то, что моя бывшая жена сильно пьет. Она практически недееспособна. Уход за ней всецело лежит на плечах нашего восемнадцатилетнего сына. Сбросить на его плечи дополнительный груз не представляется возможным. Ему я перевел достаточное количество денег. Об этом можешь не волноваться.

С родственниками моей нынешней жены Ирины я никогда не поддерживал и не планировал никаких отношений. Поверь, у меня были на то более чем веские основания, о которых сейчас нет времени рассказывать. Все юридические документы составлены таким образом, что они не могут ни на что претендовать.

Ирина умерла три часа назад. В обстоятельства, приведшие нас к неожиданной гибели — а я до последнего надеялся, что все обойдется, — тебе лучше не вдаваться. Поверь мне, это для твоего же блага.

Теперь о главном. У нас осталась дочь, Никита. Ей три года. Сейчас она находится под присмотром няни-испанки в нашей квартире в Барселоне.

Как ты уже наверняка догадался, я прошу тебя удочерить Никиту и позаботиться о ней.

Няне не доверяй, рассчитай ей как можно скорее. Может быть, это паранойя, но сейчас мне кажется, что нельзя доверять никому из моего окружения.

Теперь о финансовой стороне дела. Несколько месяцев назад я продал свою долю в бизнесе, и поэтому почти все мои деньги находятся в ликвидных ценных бумагах и на депозитах. Большая часть моего капитала положена в траст на имя Никиты, который предусматривает ежемесячные выплаты. Доступ к основной сумме Никита будет получать частями с момента своего совершеннолетия. По сути, деньги будут приходить тебе, но их расход будет под контролем юридической конторы.

Другая часть завещается тебе. Конкретную сумму ты увидишь в самом завещании. Думаю, она тебя приятно удивит и послужит достаточной компенсацией за возложенные на тебя заботы.

Хотел еще кое о чем важном рассказать, но, чувствую, уплываю, а надо еще поставить подписи.

Закончи необходимые формальности и поспеши к девочке!

Надеюсь на тебя!

Олег»

Далее следовала подпись и дата.

Юлиан отложил письмо, поднял голову и встретил холодный взгляд адвоката.

— Он потерял сознание почти что сразу, как поставил подпись. Петр был с ним до последнего момента. Теперь вы можете ознакомиться с завещанием.

Вступить в права вы сможете только после оформления опекуна. Это и есть условие, — произнес Хуан и протянул документ, составленный на испанском и английском языках.

Юлиан быстро пробежал глазами слабопонятный текст, наполненный юридическими терминами. В глаза ему бросилась восьмизначная цифра. Он стал богатым человеком.

После того, как с документами было покончено, Хуан произнес:

— Петру нужно заняться одним срочным делом. Поэтому, если вы не возражаете, то до квартиры вас проводит еще одна моя ассистентка, Лариса. Она тоже ваша соотечественница и также помогала мне во взаимодействии с вашим почившим другом.

— Ничего не имею против.

Хуан что-то проговорил в трубку. Дверь кабинета открылась, и на пороге появилась юная особа, при виде которой Юлиан на мгновение остолбенел. Перед ним материализовалась Анна Петрова тридцатилетней давности. Сходство было поразительное.

— Здравствуйте, меня зовут Лариса. Я провожу вас на квартиру вашего почившего друга и помогу переговорить с няней, — улыбнувшись, произнесла девушка, сделала несколько шагов вперед и протянула руку. Чем ввела математика в еще большее замешательство. Ибо ему стало очевидно, что не только внешность,

но совершенно все в ней — движения, тембр голоса и манера говорить — совпадали с его любовью юности. Единственно, чего девушке недоставало, так это полупрозрачного белого платья, в котором Петрова являлась к нему в грезах.

— Буду польщен, — галантно ответил математик. Губы его непроизвольно растянулись в довольной улыбке.

Прощавшись с Хуаном и Петром, Юлиан проследовал за Ларисой. Большая рука его крепко сжимала портфель с документами.

На том же «Мерседесе» их доставили по адресу, где до вчерашнего дня проживал его друг. Это был дом в стиле модерн в центре города. Дверь им открыла женщина средних лет, непримечательной внешности.

Анна продемонстрировала ей документы и что-то объяснила на испанском. Няня несколько раз кивнула головой, а потом задала вопрос.

— Юлиан, вы нуждаетесь в ее услугах? — перевела Лариса.

— Да, конечно.

— Хорошо. Тогда она останется.

— А где ребенок, Никита?

Лариса перевела. Няня молча развернулась и жестом показала следовать за ней.

Квартира оказалась сравнительно небольшой, но, в понимании Юлиана, роскошно обставленной. Детская была в дальнем конце. Когда они вошли, Никита си-

дела на ковре и тихо играла в углу комнаты. При виде взрослых она не проявила никаких признаков беспокойства, а просто улыбнулась. Юлиан, признаться, был взволнован, но от этой тихой улыбки несколько успокоился. Подошел к девочке, сел рядом на пол и принялся тоже играть в куклы. Параллельно он что-то тихонько басил. Потом он взял ребенка на руки и покачал. Никита доверчиво обвила его шею ручонками.

— А когда придут папа и мама? — спросила девочка.

— Они придут завтра. А ты со мной пока поиграешь. Хорошо?

— Да, — ответила девочка и продолжила играть.

— Я вам больше не нужна? — раздался божественный голос Ларисы.

Юлиан встрепенулся, отсадил ребенка на пол и вскочил на ноги. Девочка послушно продолжила играть в куклы.

— Лариса, знаете ли, я хотел бы вас просить об одолжении. Не могли бы вы составить мне компанию сегодня за ужином? Я несколько сбит с толку всеми событиями, да и на испанском не понимаю ни слова. Боюсь, мне одному не справиться. В общем, я был бы вам очень признателен, если бы вы согласились.

— Конечно, не беспокойтесь. Я к вашим услугам.

— Выбор ресторана за вами.

— Тогда не будем терять времени? Я знаю один, буквально за углом.

Пока они шли по улице и в самом ресторане девушка много говорила. Речь ее лилась свободно, и было заметно, что она, в отличие от математика, не испытывает никакого стеснения. Лариса поведала, что ей уже двадцать пять лет, — Юлиан не дал бы ей больше двадцати, — и что три года назад она окончила Колумбийский университет. Обожавшие свое чадо родители, ограничивая себя во всем, обеспечили ей качественное образование. Они остались в Екатеринбурге. Сама она параллельно с учебой давно подрабатывала и знала цену деньгам. Получив диплом, поступила на работу в международную юридическую компанию с филиалами по всему свету. Так как знала испанский — изучала в школе, а потом в университете, — ее направили в Барселону. Европа была ей ближе по духу. Нравилось творчество Гауди, Гойи, Сальвадора Дали. До этого хранивший молчание Юлиан, почувствовав родную почву, поинтересовался, не считает ли Лариса, что Сальвадор Дали активно заимствовал идеи, если не сказать больше, у своего именитого голландского предшественника Иеронима Босха. Лариса проникновенно посмотрела на своего собеседника, и их разговор ушел в сферы изобразительного искусства. Уже совсем скоро, разгоряченный бутылкой «Рихи», Юлиан поймал свою волну. Он водил перед собой рукой с растопыренными пальцами, а взгляд его горел диким огнем. Лариса зачарованно слушала его. Другая рука математика в течение его повествования

касалась нежных пальцев его спутницы. Мысли о Лисянском в тот вечер его не посещали. Несколько раз звонила Светлана, но он не отвечал — он был очень занят на переговорах со своей поверенной. Теперь-то жене придется поверить в то, что он может быть занят.

Юлиан остался ночевать в бывшей квартире Лисянского. Галантное предложение проводить ее до дома Лариса мягко отклонила, разумно рассудив, что они находятся буквально у дверей нового дома математика. Ей же проще взять такси. Но пока довольный собой Юлиан поднимался по мраморной винтовой лестнице к себе на второй этаж, губы его горели от жаркого поцелуя. Перед тем, как Лариса нырнула в машину, он отработанным с годами движением успел на мгновение привлечь девушку к себе. Впрочем, она не сильно возражала.

Его новые домочадцы уже спали. Юлиан на цыпочках прокрался в детскую и поправил одеяло Никиты. Когда он добрался до кухни, чтобы глотнуть воды, там его уже ожидала сонная няня и домохозяйка в одном лице. Языком жестов она объяснила, где находится его новая спальня и ванная. Утопая в мягкой перине, перед тем как заснуть, Юлиан вспоминал обжигающий поцелуй то ли Анны Петровой, то ли Ларисы, то ли тот и другой вместе взятые.

Вся первая половина следующего дня была посвящена деловым хлопотам — необходимо было посетить

различные учреждения. Ему снова помогала Лариса. От аромата ее духов, случайных соприкосновений, лукавых взглядов у математика кружилась голова. После ланча они бродили по старому городу, а потом вышли к марине.

Крики чаек, солоноватый морской воздух, вид покачивающихся на рейде белоснежных яхт, открывающийся за ними бескрайний простор и внезапная свобода обрушились на математика. Он вздохнул полной грудью, словно впуская в себя все это, и радостно улыбнулся.

— Ты ходил когда-нибудь под парусом, Юлиан? — они перешли на «ты» за ланчем.

— Нет, признаться, не доводилось.

— Теперь доведется. Вон та яхта принадлежит тебе, — и Лариса показала грациозную красавицу, лениво, словно ожидая своего хозяина, покачивающуюся на волнах.

— Тогда идем? Попробуем! — Юлиан взял свою спутницу за руку.

Лариса кивнула головой.

— Нам потребуется шкипер...

— Нам никто не потребует, Юлиан. У меня есть полная лицензия. И если ты мне немного поможешь с парусами...

— Буду польщен!

Лариса лукавила. Яхта была полностью автоматизирована, так что с нею мог без проблем управиться один человек.

Когда они вышли из марины, Лариса выключила двигатель, нажала на какие-то кнопки, и паруса поползли вверх. Яхту тут же сильно завалило на один борт. Юлиан тревожно посмотрел на своего шкипера.

— Не волнуйся, она не переворачивается, — со смехом сказала девушка.

— Никогда?

— Ну, если только шквал. Но это большая редкость.

Паруса натянулись. Мачты гудели. Волосы Ларисы развевались. Ее белое платье трепал ветер. Они стояли у руля на корме. Яхта неслась по волнам. Заходящее солнце отражалось от синего бескрайнего моря. Соленые брызги обдавали их лица. Из динамиков лились романтические слова «This is the sound of my soul» «Spandau Ballet», под которые Юлиан как-то в юности, лежа на диване, пытался представить себе свое светлое будущее, конечно же, непременно с Анной Петровой. И оно наступило!

Он спустился по трапу по малой нужде. Внутреннее убранство яхты поражало своей роскошью. На обратном пути математик, исследуя свою собственность, натолкнулся на холодильник, в недрах которого кем-то заботливо было заготовлено несколько бутылок красного шампанского, черная икра в изобилии, масло и крекеры. Прихватив часть этой снеди и два бокала, Юлиан, торжествуя, поднялся наверх. Раздался хлопок пробки. Благородный напиток хлынул полной струей

за борт. Вскоре подросла вторая бутылка. Хмельные, они хохотали и целовались мокрыми от шампанского губами.

Потом Юлиан увлек Ларису внутрь. Когда девушка издала первый стон, у потерявшего голову математика с языка чуть было не сорвалось имя Анна. Их блаженство было прервано надвигающимися сумерками. Пора было возвращаться.

Они простились на пирсе. Ларисе нужно было еще захватить в офис. А Юлиан отправился пешком домой — так, по крайней мере, он теперь мысленно называл свою новую квартиру. Было довольно тепло. Математик беспечно вертел головой по сторонам, смотрел на свои любимые деревья платаны, на красивые здания, бурлящий людской поток. Впервые ему не надо было считать каждую копейку, никуда спешить, ни перед кем держать отчет. Он был волен делать, что пожелает. Мир открывался перед ним с неизведанной стороны. Какие-то новые ощущения заполняли его.

Раздался телефонный звонок. Он долго медлил прежде, чем ответить, но потом все же снял трубку. Светлана была очень взволнована его внезапным отъездом, а главное, тем, что он почему-то не давал о себе знать. Она сообщила, что у них все в порядке, и поинтересовалась, что произошло с Лисянским и когда ждать мужа назад. Юлиан ссылался на большую занятость и отвечал уклончиво. В целом деловая часть поездки подходила к своему завершению, но мысль о возвращении в Москву математику в голову как-то не приходила.

Он проснулся поздно и перед тем как встать долго нежился в мягкой перине. Завтрак был приготовлен, грязные вещи постираны и наглажены. Никаких хлопот! Новая роль нравилась ему больше и больше. Утро он провел с Никитой и лишь перед самым выходом из дома мельком заглянул в набитый документами портфель. Среди прочего он обнаружил в нем конверт, в котором ничего не было, кроме ключа. Он задумчиво повертел его, а потом приладил в скважину к старинному сейфу огромного размера, стоявшему в нише его спальни, повернул несколько раз и потянул за ручку. Дверь подалась. Внутри он обнаружил сложенный пополам лист бумаги с восемью цифрами, написанными от руки. Математик аккуратно свернул документ и сунул его в карман.

Лариса уже ждала его в машине у подъезда. После завершения некоторых деловых формальностей за ланчем Юлиан поведал о своей находке.

— Выглядит, как код от сейфа. А может быть, номер банковского счета, — задумалась Лариса.

— В предсмертной записке Лисянский собирался еще о чем-то мне сообщить, но не успел, потому что начинал терять сознание.

— У Олега осталась квартира в Монако. Она теперь тоже переоформлена на тебя. Он, вообще-то, часто туда летал. Теоретически возможно, что в местных отделениях банков, клиентом которых он являлся, Олег мог держать дополнительные счета. Хотя маловероятно, чтобы нам о них не сообщили. А может, он был

клиентом какого-нибудь банка в Монако, о котором мы вообще не должны были знать, и все документы находятся у него на квартире. Это уже более вероятно. Думаю, тебе стоит туда поехать и разобраться. К тому же, все юридические и финансовые дела мы закончили.

— Ты не могла бы прокатиться со мной. Как-никак, теперь я являюсь клиентом вашей конторы. Мне потребуется твоя помощь, — и математик двусмысленно заглянул в глаза собеседницы.

— Почему бы и нет? Мне заказать бизнес-джет?

— Что? — не сразу сообразил Юлиан.

— Лисянский предпочитал Бомбардье.

— Ах, да. Конечно. Бомбардье.

Лариса приложила к уху телефон и что-то залопотала на испанском.

— В семь часов подойдет? — подняла она небесные глаза на Юлиана.

— Может быть, чуть позже. Не хочется рано вставать. А потом, мы сегодня вместе договорились поужинать. Ведь так?

— Вот и поужинаем. В Монако.

— Мы летим этим вечером?

— Конечно. Или у тебя есть какие-то дела?

— Кроме ужина с тобой — никаких.

— Тогда я заеду за тобой в шесть.

— Никиту и няню возьмем с собой. Места в самолете для них найдутся?

— Конечно.

После ресторана Лариса забросила Юлиана в очень дорогой бутик. Ему требовалась кое-какая одежда. Математик приехал налегке и назад пока не собирался. Попав в заботливые руки продавцов престижной одежды, Юлиан сам не заметил, как накопил несколько пакетов и, во избежание неудобства, заказал доставку на дом. На кассе, не глядя на счет, он открыл пухлый от наличности кошелек и наугад достал одну из недавно полученных пластиковых карт. К черту эту вечную унизительную экономию! Как отвратительно она довлела над ним всю жизнь. Он, такой умный и сильный, вынужден был оправдываться перед женой по любой крупной трате. Хотя с нынешней высоты крупных трат у него не было вовсе.

Через несколько часов Юлиан поднимался по трапу им арендованного самолета. Его личный экипаж — пилот и стюардесса — встречали его. Молодая красавица Лариса цепко держала его под руку. Нежная хватка ее тонких пальцев не осталась им не замеченной. Няня с Никитой следовали за ними.

— Сэр, добро пожаловать на борт, — отчеканил пилот.

Слегка улыбнувшись, Юлиан кивнул в ответ.

Тут, совершенно некстати, зазвонил мобильный телефон.

«Кого там черт несет?» — подумал математик, с неохотой поднося трубку к уху.

— Юлиан, где тебя носит? Тебя третий день найти не могут!

Голос был очень знакомый, откуда-то из его далекого прошлого. Математик, сообразно со своим новым положением, не дав себе труда разобраться толком, кто звонит, томно промурлыкал:

— Странно, у меня на телефоне нет пропущенных вызовов, — хотя несколько раз он действительно не снимал трубку — было как-то не до того.

— Юлиан, что с тобой? Это я что ли тебе должен звонить, когда ты семинары пропускаешь? А не наоборот ли полагается? На кого, спрашивается, я хозяйство оставил? Не ты ли меня об этом просил несколько лет? А теперь я вынужден тебе звонить из Америки! — повысил голос обычно вежливый начальник, завкафедрой.

— Где вам будет удобнее разместиться, сэр? — другим ухом услышал Юлиан вкрадчивый голос стюардессы. Его взору открылось изысканное убранство самолета.

— Дорогой, тебе будет здесь удобно? А Никита с няней могут разместиться чуть дальше. Как ты считаешь? — нежно зажурчала Лариса.

Юлиан, кивнув в знак согласия, плюхнулся в кожаное кресло.

— Бокал шампанского перед взлетом? — спросила стюардесса, но видя, что Юлиан одной рукой продолжает прижимать трубку к уху, с очаровательной улыбкой добавила:

— Если что, я к вашим услугам, сэр.

— Что ты молчишь? Ты, между прочим, должен мне объяснения, — раздражался все больше начальник.

«Как это все нелепо. Какие могут быть еще объяснения? Кому? Зачем?» — лениво думал Юлиан. Он находился в замешательстве и потому просто отключил телефон. Его самолет тем временем вырливался на взлет.

«Он будет по Америкам раскатывать, а я работай за него», — неожиданно рассердился математик.

Но сейчас он больше не желал об этом думать. И, что самое главное, мог себе это позволить. Юлиан повернулся к своей очаровательной спутнице, чтобы чокнуться шампанским перед взлетом.

Они сделали по освежающему глотку.

— Что-то случилось? — спросила Лариса.

— Пустяки, — улыбнулся ей Юлиан.

Из унаследованной квартиры открывался великолепный вид на марину и на морской простор. Четыре небольшие спальни, просторная гостиная, изысканный декор. Няню и Никиту определили в одну из них. Девочка сразу же принялась играть, няню отправили за продуктами, сами же приступили к поискам.

В одной из спален, под картиной, очень похожей на работу Айвазовского, они обнаружили большой прочно встроенный сейф с электронным замком. Юлиан набрал цифры, записанные на бумаге. Сейф протяжно пискнул, и дверь его отворилась. Их любопытному взору открылось многообразие красивых коробочек — часть из них была выполнена из дерева,

часть покрыта бархатом. Небрежным хозяйским жестом Юлиан сгреб содержимое сейфа в подол своей майки и высыпал на стол.

— Давай посмотрим! Присаживайся!

Вскоре все украшения были извлечены из упаковок и искрились холодным блеском на темном полированном покрытии стола.

— Думаю, это украшения жены Лисянского. Да тут целая коллекция! — зачарованно перебирая сокровища, прошептала Лариса.

— А это настоящие бриллианты? Ты можешь отличить?

— По бриллиантам я не специалист, пока не было возможности приобрести подобные навыки. Но, думаю, в Монако это будет не сложно уточнить. В любом случае, выглядят они, как целое состояние. Странно, что их хранили дома. Наверное, надеялись на систему сигнализации. К тому же сейф огромных размеров, и из стены его не достанешь.

— Мое состояние растет день ото дня!

— Да уж.

— Примерь вот это, — он протянул искрящееся ожерелье.

— Нет, что ты. Я не могу.

— Я настаиваю. Встань у зеркала.

Лариса послушно встала. Юлиан подошел сзади и приладил драгоценное украшение.

— Вот так-то лучше. Где мы сегодня ужинаем?

— В лучшем месте в городе, как обычно! — игриво прошептала Лариса, подставляя губы.

— Мое приглашение, твой выбор.

— Идет.

— Но вначале по бокалу шампанского. Я заметил, кто-то заботливо припас в холодильнике бутылочку «Буланже».

Неожиданно раздался звонок телефона. На дисплее отобразилось слово «Генеральша». Юлиан поморщился, но поднес трубку к уху.

— Юлиан, куда ты запропал? Светлана сказала, что улетел на один день. Ты уже вернулся, я надеюсь? И помнишь ли ты, что завтра должен подвезти меня в поликлинику?

— Какая все это нелепость! Не-ле-пость, — невнятно пробормотал Юлиан. Но Генеральша расслышала и рассердилась.

— Что? Что ты сказал?

— Возьмите такси, Антонина Даниловна. Я все оплачу.

— Но...

Но Юлиан уже разъединился.

На самом деле никто в Москве — ни дома, ни на работе — не знал ни о каком наследстве, ни о его размерах, ни о Ларисе. Последние дни его время было так плотно насыщено событиями! Их невозможно было вместить в телефонный разговор. Но главное было другое. Юлиан не желал утруждать себя объяснения-

ми: в этом просто отпала необходимость. Он больше не хотел ничего ни с кем обсуждать. И в последнюю очередь с Генеральшей. Да и со Светланой тоже. Вряд ли бы ей пришлось по душе история про реинкарнацию комсомольской богини. Да и все остальное ей пока знать было тоже ни к чему.

На работу Юлиан тоже звонить пока не хотел. Не то чтобы он собрался увольняться. Просто последний разговор с начальником ему очень не понравился. То, что раньше он принимал как должное, в новых обстоятельствах стало претить. Математикой заниматься, наверное, он бы не возражал и впредь. Пусть не через день, как обычно, а, допустим, через два дня на третий. Но главное, в каком формате? Вести семинары в строго определенные часы, отчитываться об исполнении учебного плана, постоянно подтверждать свою профпригодность — увольте. Вот если бы заниматься чистыми исследованиями, фундаментальной, так сказать, наукой — это другое дело. Ну, можно было бы еще читать лекции, в удобное для себя время. В качестве приглашенного или как-нибудь похожим образом. Одним словом, так, чтобы не обременять себя. Но возможно ли такое? А если нет, то что же тогда? Продолжать эту рутину неизвестно для чего? Слово «рутина» в отношении к делу всей его жизни, недавнему предмету его гордости, отразилось странным диссонансом в его сознании.

Обо всем этом лениво думал новоявленный миллионер, нежась в перине поздним утром. Лариса уехала

несколько дней назад — ей все-таки надо было работать в Барселоне. Они часто разговаривали по телефону, и он с нетерпением ожидал приезда девушки, как только позволит ее работа.

Тем временем миллионер вел рассеянный образ жизни: много играл и гулял с Никитой, наслаждался изысканными ресторанами и иногда со шкипером выходил в море под парусом. Ближе к ночи, облачившись в облегающий смокинг, забредал в местное казино, перед этим неизменно взбадривая себя несколькими бокалами шампанского. В Монако, владея французским, миллионер чувствовал себя как рыба в воде.

— На черное, — сказал он крупье и бросил крупную фишку.

— О нет! Все или ничего! Ставьте все на один номер, — раздался бархатный женский голос.

Юлиан вопросительно повернул голову. По правую руку от него стояла грациозная, словно пантера — так, по крайней мере, ему тогда показалось, — высокая брюнетка лет тридцати. Убранные наверх волосы подчеркивали благородство ее смуглого лица. Утонченные руки небрежно поигрывали веером. Декольте черного платья притягивало взор.

— Все или ничего? Хорошо звучит, — отозвался миллионер.

— Это семейный девиз.

— Вот как?

Дама снова слегка улыбнулась.

- Позвольте представиться: Юлиан.
 - Ольга Орлова.
 - Вы тоже из русских?
 - О, это давняя история, — на ее губах заиграла загадочная полуулыбка.
 - Говорите на русском?
 - Только несколько слов. Но зато ваш французский безупречен.
 - Вы мне льстите.
 - Красные выиграла, — объявил крупье и сгреб фишки Юлиана.
 - Я же вас предупреждала.
 - Что ж, тогда ваш выбор, — улыбнулся Юлиан.
 - Тринадцать.
- Юлиан поставил фишку на число и выиграл.
- Кажется, сегодня вы поймали свою волну, — заметила госпожа Орлова.
 - Волну? Что вы имеете в виду?
 - Так сразу не объяснишь. Это целая теория.
 - Вы ужинали?
 - Еще нет.
 - Тогда предлагаю вам составить мне компанию. Я буду польщен послушать о волновой теории за дюжиной устриц и бокалом Шабли.
 - Охотно.
- Юлиан обменял выигрыш, и они вышли на улицу.
- Боюсь, что все рестораны закрыты. Сейчас уже ночь, — беспечно заметила Орлова.
 - Юлиан остановился в нерешительности.

Видя его замешательство, Ольга произнесла:

— Разве что на моей яхте. Надеюсь, я могу вам доверять.

— Конечно.

Юлиан поднял руку. Тут же подскочило такси.

— Я на машине, — остановила его новая знакомая, плавно качнув рукой в направлении одного из кабриолетов.

«Неплохо», — мелькнула мысль у Юлиана. В следующую минуту он несся в ночь, к новым приключениям.

Моторная яхта госпожи Орловой оказалась довольно большой и изысканной, как и все, что теперь окружало Юлиана. Не успели они взойти на борт, как раздался гудок автомобиля. Юлиан обернулся и увидел кабриолет «Мазерати», за рулем которого находился мужчина средних лет приятной наружности, рядом с ним сидела миниатюрная ухоженная блондинка.

— О, не пугайтесь, это всего лишь мой брат-повеса со своей новой спутницей. Им пока еще не спится по ночам.

— В Монако не так много мест, где можно отведать устриц после полуночи. И лучшее из них — яхта моей очаровательной сестры, — приятным баритоном проурчал брат, поднимаясь на борт. На нем были свободные белые брюки, синий блейзер и рубашка в полоску. На голове капитанская кепка.

— Мы только что пришвартовали нашу посудину, на которой пришли из Сен-Тропе, — и он небрежно махнул рукой куда-то вдаль.

— Познакомьтесь. Мой троюродный брат Николас, Моник, Юлиан, — представила своего гостя очаровательная Ольга. От всех троих веяло здоровьем, спокойствием и уверенностью. Для своего нового знакомого Ольга произвела короткую экскурсию по библиотеке, гостиной, гостевым спальням. Потом они присоединились к общему столу на нижней палубе. Беседа протекала легко и не утомительно. Шампанское приятно дурманило. Юлиан словно купался в новом окружении. Он попал в высшее общество!

— Однако нам пора. Мы сейчас к Моник в Канны. Кстати, Юлиан, будет желание, заезжайте как-нибудь нас проведать недельки через две.

— Непременно.

— Это не жест приличия. Я говорю абсолютно серьезно. Будем держать связь через мою очаровательную сестру.

— К чему так торопиться? Ночь еще молода, — сказала Ольга.

— Ты забыла, завтра мы летим в Кению. Нас ждет увлекательное сафари. Самолет вечером, но ты же знаешь, я люблю поспать.

И они, беззаботно, словно легкий ветер зефир, укатили на своем кабриолете в ночь вечной весны. А Юлиан с удовлетворением отметил про себя, что и он теперь принадлежит к этой беспечной касте людей, которым не надо думать о хлебе насущном. А ночь действительно была еще молода. Миллионер повернулся к очаровательной хозяйке изысканной яхты и томно проговорил:

— Вы собирались мне рассказать про волновую теорию.

— Тут почти нечего рассказывать, Юлиан. Это не более, чем гипотеза. Боюсь, вам, интеллектуалу, она может показаться нелепой...

— Ни что, исходящее из прекрасных ваших уст, не может быть нелепым, — улыбнулся Юлиан.

— И все же... — зарделась Ольга.

— Прошу вас, — и он позволил себе прикоснуться к ее нежно-розовым ноготкам.

— Ну, если вы настаиваете. Некоторые полагают, что вселенная, позволю сказать, дышит. Вдох, выдох, вдох, выдох, и это образует волны, вибрации или колебания самого разного толка. Некоторые уже открыты, некоторые еще предстоит открыть. Но о главных еще мало, что известно. Поэтому их надо просто уловить. Оседлать свою волну, поймать свой ритм движения. Вам, как бывалому горнолыжнику, — а именно так небрежно описывал свои скромные достижения на этом поприще Юлиан за ужином; в порыве произвести нужное впечатление на своих новых благородных знакомых, он вообще много чего успел о себе поведать, — это ощущение должно быть хорошо знакомо. Если вы приседаете и разгибаете колени в нужное время, то есть не позже и не раньше, а вовремя, вы ловите этот самый ритм, а дальше ваша волна сама несет вас. Вы едете красиво и быстро, обходите других, и все получается. И все, что вам нужно, это просто придерживать-

ся пойманной волны. Правило гладкой мускулатуры распространяется и на другие области деятельности. А жизнь повторяет себя на разных уровнях и в разных проявлениях. Глядя на вас, Юлиан, я чувствую, что вы поймали свою волну. Так держите ее!

Ольга зачаровано смотрела в глаза миллионеру. Похоже, он действительно поймал свою волну. Юлиан привлек к себе упругий стан светской львицы. Ее губы маняще раскрылись и впустили часть его в себя. Нежные руки обвили его могучую шею, а потом жарко побежали вниз, словно пытаясь что-то отыскать на его большом теле, туго завернутом в черный смокинг, от которого, впрочем, он посчитал за благо побыстрее освободиться. Его примеру последовала и Ольга Орлова.

Юлиан проснулся от криков чаек. Яхту слегка покачивало. Ольги рядом не было. Математик сладко потянулся и лениво посмотрел в окно. Под утренним солнцем поблескивало спокойное море. На стойке бара он нашел записку: «Уехала проводить брата. Яхта в твоём распоряжении. Целую».

И это все? Ни телефона, ни намека на следующую встречу. Юлиан забеспокоился. Ему хотелось продолжения.

Зазвонил телефон. Это была Лариса. Она сообщила, что не сможет приехать в ближайшие дни и спросила, чем занят он. Юлиан соврал, что гуляет по набережной. Ее светлый образ изрядно потускнел на фоне светской львицы Ольги Орловой. Теперь другие губы,

другая шея и плоть распалили фантазию Юлиана. Кем, в конце концов, была Лариса? Просто наемным менеджером. Между прочим, фирма, в которой она работала, получала деньги от Юлиана. Так что Лариса могла и подождать. И ее отсутствие пришлось очень даже кстати.

Но какова его новая знакомая? Ни намек на продолжение романа. Не оставила даже телефона. Вильнула хвостом и была такова. Конечно, ей в отличие от Ларисы, от него ничего не надо. У нее своя яхта, «Порше», «Мазератти», богатая родня и все такое. Но нет. Так дело не пойдет. Ему необходимо было снова ее увидеть. И не просто увидеть. А покорить. Инстинкт охотника брал свое. И он вознамерился ждать свою избранницу на яхте, словно тигр в засаде у водопада. Прошло несколько часов, а она так и не появилась. Миллионер отлучился ненадолго, проверить Никиту, и заодно пообедал. К вечеру он снова был на яхте. Орлова, похоже, не появлялась. И вот, когда он по десятому разу просмотрел все новости в своем планшете, а солнце стало клониться к закату, она подкатила к пирсу на маленьком «Порше».

Ольга буднично улыбнулась ему, как будто между ними ничего не произошло этой ночью и не было этого томительного ожидания с его стороны. Она была само очарование.

— Ты ждал меня? Как это мило!

— Признаться, я не находил себе места, — пробасил Юлиан.

— Я не хотела тебя будить, — и ее ладонь нежно скользнула по его щеке.

— А я хотел пригласить тебя в ресторан.

— Дорога несколько утомила меня. Не хочется никуда идти. К тому же у меня в багажнике есть кое-какая снедь: я захватила ее по пути. Мы могли бы снова поужинать на яхте. Если ты, конечно, не возражаешь.

— Я, право, чувствую неловкость, ты все время меня приглашаешь, — заметил Юлиан, хотя и расценил предложение поужинать вдвоем как хороший знак.

— Ну что ты, это такие пустяки.

— Тогда приготовление пищи я беру на себя.

— Обычно я доверяю это повару, но буду рада познакомиться с твоим кулинарным мастерством.

— Ты не пожалеешь.

С готовкой и подачей спаржи, фуа-гра и еще чего-то в этом роде Юлиан, как обычно, справился великолепно. Ольга поглощала яства с большим аппетитом и даже заметила, что в нем пропадает поварской талант.

Для большего эффекта за разговором математик небрежно заметил, что его хороший знакомый и выдающийся скрипач будет на гастролях в Париже — об этом он узнал из новостей, — и почему бы им не махнуть туда на пару дней ради такого дела. Это, конечно же, являлось его приглашением. Светская львица, уже мельком продемонстрировавшая свою любовь к классической музыке, осыпала миллионера своим согласием.

Нет необходимости вдаваться в описание перелета. Подобострастные лица экипажа, дорогая отделка, отсутствие необходимости толкаться в общей очереди — все это по-прежнему радовало Юлиана. В целом полет прошел так же, как и предыдущий, за тем лишь исключением, что место Ларисы заняла Ольга.

Разместились они в небезызвестной гостинице с видом на Площадь согласия. Как-то раз, много лет назад, гуляя по Елисейским полям, Юлиан с восторгом смотрел на стены и окна этого величественного здания, мечтая попасть в их чертог хотя бы на одну ночь. И вот мечта сбылась!

Один номер для няни с Никитой, другой для него с Ольгой. Няня, как и подобает верной прислуге, хранила молчание.

Но кое-что все-таки испортило поездку. Как только они разместились в номере, у Ольги зазвонил телефон. Юлиан же, чтобы не мешать, отправился посмотреть, все ли в порядке у Никиты с няней. Когда он вернулся, его поразило выражение лица его спутницы. Ее красивые черты были искажены страшным страданием и испугом одновременно. В глазах застыли слезы. Какое-то время она, очевидно, находясь в ступоре, даже не могла отвечать на вопросы. И лишь спустя несколько минут Орлова совладала с собой, чтобы выдать из себя одно слово:

— Николас.

— Что? Что Николас? Что случилось?

— Они взяли его в заложники.

— Кто? Где?

— Они увезли его в Судан. Боже мой, боже мой, — она раскачивалась, обхватив свою склоненную голову руками.

— Но он же в Кении?

— Был в Кении. Но они увезли его в Судан. Это страшное место!

— Кто?

— Боевики... Я не знаю кто. Я в этих делах не разбираюсь. Ах, нет никакого спасения! Он пропал!

— Что они хотят?

— Выкуп, естественно. Полтора миллиона. Но у меня все деньги в неликвидных ценных бумагах. Их быстро не продашь. А живу я на ежемесячное пособие, которое определил мне мой бывший супруг, — И Ольга назвала кругленькую сумму. — Как ты видишь, потребуется несколько лет, чтобы скопить на выкуп. Продать яхту или мою небольшую виллу под Ниццей за один день невозможно! А они сказали, что если не увидят денег завтра же вечером на своем счете, то пришлют мне его ухо! И так по частям, пока не увидят денег!

— Не надо плакать. Я дам тебе денег, — быстро принял решение Юлиан.

— Я не могу принять их. Это невозможно.

— Но почему?

— За кого ты меня принимаешь?

— К тому же, я знаю твоего брата. Мне не безразлична его судьба.

— Это все равно. Я никогда не приму от тебя денег.

— Хорошо, тогда возьми в долг, — пошел на уловку сообразительный Юлиан.

— Нет, я не могу, — рыдала Ольга.

— В долг можешь. Посуди сама, что плохого, если я дам тебе в долг.

— Нет, я не могу злоупотреблять твоей добротой, — плакала безутешная сестра.

— Хорошо, я дам тебе в долг под проценты. Если тебе так проще. Прошу тебя. Завтра с утра мы пойдем банк и совершим перевод, а с той суммы, что ежемесячно переводит тебе твой бывший, ты сможешь отдать мне долг всего за несколько лет. И при этом ни в чем себя не станешь ограничивать.

— Ну, если так...— Ольга подняла заплаканные глаза и, наконец, кивнула в знак согласия. В ту ночь она заснула, доверчиво положив голову на широкую грудь Юлиана. А с утра они отправились в банк и совершили перевод требуемой суммы.

Юлиан никогда не сомневался в собственной исключительности. Теперь же он стал могуч. Одним росчерком пера под платежным распоряжением в полтора миллиона евро он решил судьбу хорошего человека. Спас его от истязаний и неминуемой смерти.

Они возвращались пешком и расстались на Елисейских полях. Ольге что-то срочно потребовалось

купить в магазине. Юлиан же отправился навестить Никиту. Уже в коридоре гостиницы, ведущем к их номерам, его застал телефонный звонок от мамы. Признаться, последнюю неделю он совершенно забыл о ее существовании.

— Юлиан, мальчик мой, как у тебя там дела? Что с Лисянским?

— Лисянского больше нет, мама.

— В каком смысле? Что-то случилось?

— Это долго объяснять.

— Когда ты возвращаешься назад?

— Не знаю.

— Как это не знаешь?

— Так. Обстоятельства переменялись. Я стал очень богатым человеком.

— Какие еще обстоятельства? — по-видимому, не расслышав последнего предложения, в тревоге таторила эмоциональная мама. — Светлана сказала, что ты ни о чем не предупредил в университете. Это правда? Почему? Это все твоя рассеянность. Теперь у тебя могут быть неприятности. Светлана сказала мне, что слышала, будто шеф очень сердит на тебя. Позволи ему скорее. Может, все еще и уладится.

При словах «шеф сердит» Юлиан раздраженно поморщился.

— Мама, меня совершенно не беспокоит, сердит ли шеф или нет. Скажу тебе больше: это его сложности.

— Как это? Ты ведешь себя очень странно.

— Говорю же, у меня изменились обстоятельства. Я не обязан больше ни перед кем отчитываться. Расскажи лучше, как у тебя дела?

— Все в порядке, только давление опять подскочило. Но я все равно много работаю. Ты же знаешь, от учеников отбоя нет. Не могу их бросить. Вчера целый вечер решала задачки к Олимпиаде одному из них. И знаешь, все решила! Все-таки у математиков особенные мозги.

— У тебя от учеников отбоя нет?! К чему это постоянное лицемерие, мама. Будь откровенна хотя бы со мной. Как частный преподаватель ты не пользуешься спросом! Сколько у тебя учеников? Один в неделю? — неожиданно разозлился сын из-за внезапно возникшего ощущения, будто его втягивают в тягучее болото прошлого.

— Дело в том, что я не просто натаскиваю их, как некоторые, а даю им настоящие математические знания. Не все это понимают, к сожалению. А тебе, вместо того, чтобы замечания матери делать, лучше было бы наконец самому плотно сесть за подготовку докторской!

— Докторской... Колбасы? — усмехнулся Юлиан.

— Докторской диссертации. Приди в себя, сын мой.

— О какой диссертации ты говоришь? И главное, зачем? Даже если случится чудо и я ее вымучаю к пенсии, что это, в сущности, изменит?

— Как это что? Это будет еще одной ступенью в твое большое научное будущее.

— Рассказывай эти сказки кому-нибудь другому, а мне надоела эта постоянная ложь. Ты ей пропитала всю свою жизнь, да и мою тоже.

— Я что-то тебя не понимаю!

— Что тут непонятного? Ты же тоже училась на мехмате.

— Конечно.

— Так вспомни, что к началу второго курса всем становится абсолютно ясно, из кого может получиться Эйнштейн, а из кого — нет. И никогда. Понимаешь, ни-ко-гда!

— Причем тут это, он же физик...

— Ладно, пусть академик Колмогоров. И ты, и я прекрасно знаем, о чем речь. А теперь подумай, какво это — осознать такую новость, если тебе всю жизнь внушали, что ты гениален. А тут вдруг оказалось, что другие так не думают. Вот беда! Скажи спасибо, что я еще не свихнулся тогда.

— Я не понимаю суть твоих упреков. Я столько сил потратила на твое образование. Но может, ты хотел бы стать каким-нибудь коммивояжером? Что ж? Это сейчас модно. Но я не поверю! Ты же мой сын. И ты служишь высокому.

— Но я-то хотел не служить, а быть, мама! Я хотел стать академиком и жить соответствующей жизнью! Быть мастером, а не подмастерьем. Как мой дед! И пусть природа не наделила меня такими талантами, больше унижаться в попытках обмануть других не же-

лаю! И просить больше ни у кого ничего не хочу! — закричал сын в трубку.

— Но ты же занимаешься творчеством. И я занимаюсь творчеством. Разве этого мало?

— Опять ты за старое. О каком творчестве ты говоришь? Твердить одно и то же год за годом? Ты просто хочешь быть лучше других и потому выдумала эту сказку! Обычное тщеславие.

— Как ты разговариваешь с матерью? Не забывай, ты мне многим обязан!

— Это уж точно! В числе прочего, что жил в стране кривых зеркал.

— Что с тобой происходит? Я тебя не узнаю. Ты где находишься?

— В Париже.

— Но Светлана говорила, что ты в Барселоне.

— Я теперь быстро перемещаюсь по свету.

— Но это же стоит очень больших денег, — в интонации матери послышался обычный при упоминании денег укор. И Юлиан тут же представил ее смиренно склоненную на бок голову.

— Для меня нет.

— Ничего не понимаю. Когда ты приедешь?

— Не знаю.

— Но у тебя есть обязанности.

— К черту все обязанности! Сыт ими по горло, — снова закричал сын.

— Что ты имеешь в виду?

— Боюсь, ты не сможешь этого понять. Пока, мама.

Все, что довлекло долгие годы — тирания тещи, доминирование жены, засасывающая рутина бесперспективной работы, — весь этот тяжелый мучительный груз с приходом больших денег разом свалился с плеч. И навьючивать его на себя вновь у новоявленного миллионера не было никакого желания. Новая роль пришлось ему по душе.

С другой стороны, в его прошлом осталось много доброго: хорошие дети, забота и любовь Светланы, достойная профессия. Но все было так тесно переплетено между собой, так запутано, что теперь казалось неразделимым. И потому ему требовалось время.

А пока можно было наслаждаться свободой и могуществом. Утвердить свою самость. Покорять красивых женщин, которых находил привлекательными он, а не тех, что находили его.

Изнурительная потребность доказывать всем подряд свое интеллектуально-духовное превосходство куда-то испарилась. На смену ей пришло ощущение независимости.

От этих мыслей Юлиан быстро успокоился и перезвонил маме:

— Извини меня, мама. Наговорил тут тебе всякого. Ты не принимай всерьез. Если что понадобится, на бери. Я все устрою. Все, целую.

Миллионер вошел в номер няни и ребенка. Вид Никиты его умилил. Он всегда любил возиться с малы-

шами. И сейчас, с радостью опустившись на колени, принялся тискать пухленькую девочку.

Потом он посмотрел в окно. Перед ним расстилась площадь Согласия. На него снисходила благодать. Он не испытывал больше ни к кому никакого раздражения. Юлиан радостно улыбнулся и набрал Резину. Тот не заставил себя долго ждать.

— Алло, — раздался недружелюбный голос. Наверняка на дисплее его телефона отобразилось имя «Юлиан». Видимо, обида еще жила в сердце товарища.

— Илья, привет. Это Юлиан. Я хотел перед тобой извиниться за последний вечер. Нелепо как-то все вышло. Наговорил лишнего. Я на самом деле так не думаю. Теперь не думаю. Очень хотелось бы с тобой поболтать по-дружески, как бывало. В качестве жеста примирения я хотел бы тебя пригласить на ланч.

— Да, привет Юлиан. Хорошо, что позвонил. Всякое бывает, — оттаял Резин.

— Ну, слава богу. Так что по поводу ланча?

— Буду в Москве, обязательно. Я сейчас в Париже, на гастролях.

— Я тоже в Париже.

— Вот это здорово! Со Светланой?

— Нет. С Ольгой, — брякнул Юлиан.

— С кем, с кем? — развеселился Резин.

— Познакомлю при встрече. Но об этом пока никому.

— У тебя всегда много секретов, — усмехнулся товарищ.

- Так мы договорились?
- Давай. Можем прямо сейчас, как раз полдень.
- Можно для простоты у меня в гостинице. Подъедешь?
- Если в центре, то да. У меня время ограничено. Вечером играть.
- Я знаю. Мы идем на твой концерт.
- Здорово! Так, где ты остановился?
- Отель «Крийон».
- «Крийон»? — протянул Резин. — Я слышал, что статус МГУ растет день ото дня, но чтоб настолько!
- Это только для избранных, — пошутил Юлиан.
- Вошел в узкий круг коррупционеров? — засмеялся скрипач.
- Нет, у нас свои методы. Расскажу при встрече.
- Хорошо, к часу буду.
- Не успел он разъединиться, как позвонила Ольга.
- Дорогой, ты не потерял меня там? — раздался ее бархатный голос.
- Нет, дорогая. Но прошу тебя поторопиться. В час у нас ланч в ресторане гостиницы. Я собираюсь представить тебя своему другу музыканту, на концерт которого мы идем вечером.
- Знаешь, я встретила свою подругу. Мы не виделись тысячу лет. А она завтра улетает в Нью-Йорк. Больше у меня не будет возможности с ней увидеться. Ты не очень расстроишься, если сходишь на ланч без меня? Мне так жаль, что я тебя подвожу.

— Ну, что ты! Все в порядке. До вечера. Не забудь: в шесть нам надо выйти из гостиницы, — галантно пробасил Юлиан.

— Конечно, дорогой.

Во время непринужденной беседы с Резиным Юлиану неожиданно пришло в голову, сколь далеки ему теперь стали григороборейцы. До этих людей он вряд ли смог бы донести свои новые ощущения. Резин же, напротив, теперь понимал его с полуслова. Ему первому новоявленный миллионер рассказал о постигших его переменах, не утаив и о пикантных приключениях по женской части.

— И представляешь себе, в просвете двери передо мной предстала Анна Петрова собственной персоной!

— Как? В Барселоне? А ей-то откуда там было взяться?

— Это фигура речи, мой друг. Конечно же, не сама Анна, а ее улучшенная копия. Девушка двадцати пяти лет. Лариса!

Оба товарища засмеялись, а прекрасный рассказчик уже продолжал свои захватывающие истории.

Правда, после повествования об освобождении брата Ольги из лап кровожадных суданских террористов лицо Ильи приняло несколько озабоченное выражение:

— Не хотел бы тебя расстраивать раньше времени, старина, но, у меня есть некоторые опасения...

— Какого толка? — насторожился его Юлиан.

— Боюсь, что Ольгу Орлову ты можешь больше не увидеть.

— Из-за полутора миллионов, что ли? Да у нее одна яхта дороже стоит. Брат живет в Сен-Тропе.

— Ну, это с его слов.

— Но «Порше», «Мазерати», бриллианты на руках!

— Яхту можно арендовать на несколько дней. А уж «Порше» тем более. Бриллианты же, скорее всего, поддельные.

— Черт его знает. Может, и так, — задумался Юлиан. Он действительно потерял бдительность. Но, в сущности, перспектива такого поворота событий его не сильно печалила. В конце концов, за все надо платить, а он мог себе это позволить. Да и к Ольге Орловой он уже не питал той страсти.

— Если случится чудо и она вдруг объявится, непременно возьми у нее документ, подтверждающий долг. Хорошо бы все заверить у юриста. Впрочем, я почти уверен, что такая возможность тебе уже не представится.

— Скоро выясним. Ждать осталось недолго, — улыбнулся Юлиан и сменил тему: — Как у тебя дела?

— Все нормально. Думаю, не попробовать ли себя на дирижерском поприще. Но не знаю, получится ли.

— Я тебе признаюсь, это мечта моего детства. Никогда никому об этом не говорил. Сам от себя вечно прятался. Музыка, вообще, всегда производила на

меня очень сильное впечатление. В консерватории у меня всегда мурашки по телу бегут. Все-таки это действительно одно из наивысших и самых абстрактных проявлений искусства. Когда я слушаю музыку, у меня непроизвольно появляются самые разные мысли в голове, спонтанно приходят решения задач, даже посещают красочные видения. Словно выходишь за пределы. Такое впечатление, что подключаешься к высшему информационному порталу.

— Это очень занимательно. У меня тоже такое происходит. Но я тебе расскажу одну историю, несколько приземляющую нарисованную тобой возвышенную картину. Как-то у меня случилась грыжа шейного отдела позвоночника. Стала отказывать рука. Еле привели в чувство. Так вот, в процессе лечения меня отправили на исследование проводимости нервных волокон. Подключают один электрод, если не ошибаюсь, к шее, другой попеременно прикладывают к разным точкам кисти и дают довольно сильные и болезненные разряды тока. Что ты думаешь? Под их воздействием мое сознание начало работать схожим образом, как если бы я слушал музыку. В голову мне неожиданно полезли разные замысловатые образы и диковинные аллегории, а две ничем не примечательные женщины в белых халатах в моих фантазиях вдруг превратились в прекрасных и воинственных амазонок — во время процедуры я смотрел в потолок. Вот я и думаю, что, может, и нет никакого высшего информационного

портала? И все это результат раздражения нервных окончаний в нашей голове, вызываемого внешними причинами, — будь то возвышенная музыка или банальное физическое воздействие.

И что есть музыка? Определенная последовательность звуков, по неясным причинам оказывающая мощное эмоциональное воздействие на некоторых людей? Или что-то еще, что человеку также не дано понять? Ну, да мы заболтались, а мне пора. Буду рад, если придешь на мой концерт.

Расставаясь, они крепко пожали руки.

После еды и изрядного количества вина Юлиану захотелось вздремнуть, и, поднявшись в номер, он быстро отключился. Хорошо еще, что догадался поставить будильник, иначе бы проспал концерт. У него едва хватило времени облачиться в смокинг, завязать бабочку и хлопнуть бокал-другой шампанского. Пора было выходить. Тут позвонила Ольга:

— Дорогой, я совершенно заговорила с подружкой, потеряла чувство времени. Совсем не успеваю. Встретимся у Гранд-опера. Не возражаешь? — своим чарующим голосом пропела она.

— Конечно, дорогая, сам проспал. Целую.

Когда Юлиан подошел к величественному зданию, Ольга позвонила снова:

— Дорогой, похоже, я все-таки не успеваю. Все эти пробки. Не жди меня. Для тебя это так много значит! Встретимся в зале.

— Но как ты пройдешь без билета?

— Я справлюсь. А если меня не будут пускать в партер, я найду место где-нибудь в бельэтаже. Или дождусь в буфете второго отделения. Ах, у меня, кажется, сейчас совсем сядет аккумулятор. Скоро увидимся. Целую, дорогой.

Юлиан хотел сообщить, что он обязательно дождется ее у входа, но механический голос известил о том, что абонент временно недоступен. Подумав немного, Юлиан решил, что мрачные предсказания Резина начинают сбываться. Можно было бы, конечно, рвануть в отель, попытаться поймать ее. Вполне логично было предположить, что в этот момент, уверенная в его отсутствии, она спешно пакует там свои вещи, замечает следы. С другой стороны, можно было бы все равно не успеть. Тогда, махнув рукой и даже не пытаясь искать, где и кому можно было бы оставить билет для Ольги, Юлиан устремился внутрь, чтобы успеть хлопнуть еще один бокал шампанского. Совсем скоро он разместился в первом ряду партера.

Совершенно некстати зазвонил телефон. Юлиан поднес трубку к уху и быстро произнес:

— Сейчас не могу разговаривать, Светлана. Очень занят. Перезвоню завтра к вечеру.

И тот час же, как того требовали правила, отключил телефон.

Погас свет. Какая-то тень, мелькнув перед ним, опустилась рядом.

— У вас не занято, мсье?

Юлиан не верил в происходящее. Такое могло произойти в Москве. В частности, его мама имела привычку занимать чужие места, в надежде, что их хозяйка так и не объявится. Но чтобы здесь, в Париже?! Юлиан повернул голову и замер. Рядом с ним, поблескивая бриллиантовым ожерельем, в черном обтягивающем платье, сидела молодая особа небывалой красоты. Так, по крайней мере, ему показалось в темноте.

— Конечно! Садитесь. Вы не поверите, но я ждал вашего появления, мадам! — с задором импровизировал словоохотливый Юлиан.

— Спасибо, — сказала незнакомка скромно. Легкая улыбка окрасила ее уста.

— Вам нравится Рихард Штраус? — пробасил миллионер.

— Это мой любимый композитор, наряду с Вагнером и Малером.

— Само собой, само собой, ведь это все один ряд. Не так ли?

Они улыбнулись друг другу, и Юлиан почувствовал, как ее рука коснулась его.

При первых звуках музыки, идущих словно издали, что-то в миллионере встрепенулось, нечто большое и сильное стало расти, распирая его изнутри и требуя выхода наружу. Мощь полутора десятка духовых, подкрепленная ударными, усиливалась с каждым тактом, пока не заполнила все пространство. О, какое ликование! Какой восторг! Она должна стать моей! Я Заратустра! Я гипербореец! Мне не от кого больше таиться.

Мне все теперь подвластно! Ничто не устоит перед моей волей! Мне будут подчиняться. Я заставлю звезды вертеться вокруг себя! А мама ошибалась! Я могу дирижировать не хуже, и я буду управлять этими оркестрантами, как и всеми прочими на моем пути! Меня узнают! И сейчас как раз настал этот сладкий миг!

Он встал, расправил мощные плечи и под бурные овации зала устремился к своей славе. Небрежным движением корпуса громадный математик оттолкнул хилого дирижера, предусмотрительно завладев его палочкой. Не мешкая, он приступил к управлению оркестром. Музыканты подчинялись его воле! Публика же, как ей и полагается, затаив дыхание внимала. Это был его триумф! Настоящий, духовный! Его нельзя было купить ни за какие деньги. В лучах прожекторов он размахивал руками, он творил!

Глава 3. Восстановление в правах

Он проснулся по обыкновению поздно. Голова после вчерашнего слегка побаливала. Шампанское давало себя знать. Нежась в постели, Юлиан с неохотой приоткрыл один глаз и от удивления весело прищистнул. Обстановка показалась ему незнакомой и непривычно аскетичной. Где это он? Значит, опять приключения — вне всяких сомнений, он провел ночь не у себя в гостинице. Наверное, с прекрасной дамой,

той, что подседа к нему в Гранд-опера? Недурно, недурно...

Юлиан приоткрыл второй глаз. Напротив на табулетке сидела жена Светлана и с тревогой смотрела на него.

Миллионер встрепенулся и в испуге выпалил:

— Что? Как? Светлана, откуда ты здесь? Я же сказал, что сам перезвоню к вечеру. Стоило ли так беспокоиться, тащиться в Париж? Ты что, летела ночным рейсом?

— Вот видите, у него еще присутствуют остаточные явления. Бывают помрачнения сознания. Хотя до этого целую неделю больной показывал уверенную положительную динамику. Обычно это происходит спростонья. Никак не может проснуться, так сказать, — нес какую-то чушь человек с бородкой в белом халате. Тем не менее по осанке и властному тону несложно было догадаться, что он здесь главный.

«Меня что, хватил удар? Или же просто гипертонический криз?» — мелькнула тревожная мысль в голове математика.

— Может быть, вам стоит оставить его еще на недельку? — скорее предложил, чем спросил второй человек без бородки. Он также был обличен в белый халат.

— А при чем здесь Париж? — вместо ответа спросила Светлана, нахмурившись.

— Навязчивый бред, свойственный раздвоению личности. Довольно характерно для этого типа психи-

ческих больных. В периоды обострения считает, что находится в Париже. До этого полагал, что путешествовал по Средиземноморью на личном самолете. Но повторяю, это только по утрам, пока до конца не проснулся. И день на день не приходится. Сейчас должен придти в себя.

Юлиан присмирел и задумался: «Чертовщина какая-то! Это что, психушка, получается? Ну, дела! Как же я здесь оказался? Ладно, потом разберемся. Сейчас, наверное, самое правильное — поменьше болтать».

Математик, как обычно, взял себя в руки и спокойным, даже будничным тоном промолвил:

— Светлана, как там дома? Как дети?

— Вот видите, все, как я говорил. Снова приходит в себя, — сказал тот, что был с бородкой.

— Ну, вот и хорошо. Я забираю его, — тяжело вздохнув, проговорила Светлана.

— Ваше право, хотя я бы с этим не спешил. Нельзя исключать внезапных обострений. А он у вас, между прочим, очень сильный. И тяжелый вдобавок. Сто двадцать килограммов все-таки! В последний раз, когда он тут все крушить начал, наши санитары с ним еле управились. Пока успокоительное не подействовало, вопил дурным голосом, что заставит всех вращаться вокруг себя и что он центр вселенной.

— Ничего, я справлюсь.

— Только под вашу ответственность.

— Само собой.

— Тогда попрошу расписаться, — и человек в белом халате извлек из папки какой-то документ, который Светлана подписала не глядя.

Они ехали по московским улицам. Временами Светлана прерывала молчание участливым вопросом:

— Как ты себя чувствуешь?

На что Юлиан выдержанно отвечал:

— Теперь уже лучше. Не волнуйся.

И только оказавшись дома, в относительной безопасности, он отважился спросить:

— А что, собственно, произошло?

Светлана внимательно посмотрела на мужа, словно оценивая его силы. И, видимо, придя к положительному выводу, ответила:

— Ты вскочил со своего места, забрался на сцену, оттолкнул дирижера, выхватил палочку из его руки и стал дирижировать сам.

«Теперь понятно! Вот до чего шампанское доводит!» — подумал Юлиан и спросил:

— Но как ты об этом узнала? И как ты попала в Париж? Я же сказал тебе по телефону вчера вечером, что перезвоню сам, на следующий день. То есть сегодня.

— О, боже мой! Ты опять за старое. Какой еще Париж!

— Подожди, подожди. Я кое-что все-таки пока помню. Давай еще раз, по порядку. Я слушал Рихарда Штрауса «Так говорил Заратустра»...

— Ну вот! Все правильно. Продолжай, — обрадовалась жена.

— В Гранд-опера, Гарнье... — осторожно добавил математик.

— В Гранд-опера отродясь Штрауса не давали. Там не бывает симфонической музыки. У них другой репертуар — опера и балет.

— Но... — начал было Юлиан.

— Загляни в интернет, если мне не веришь, — рассердилась жена.

— Странно. Где же я тогда это... — замялся математик, — дирижировал?

— Мы с тобой отправились в Московскую консерваторию на Рихарда Штрауса... — терпеливо, как с большим ребенком, начала Светлана.

— Вот оно что! Теперь я припоминаю! Как же, как же! Теперь помню. Значит, это я там. Ну, это же совсем другое дело, — просияв, перебил ее муж.

— Ну, вот и слава богу, — успокоилась жена.

На самом деле Юлиан схитрил. С воспоминаниями о новой прекрасной жизни он, конечно же, не мог так быстро расстаться. Его терзали сомнения. Но математик опасался, как бы его опять не сдали в психбольницу. И терпеливо молчал. Впрочем, терпения ему было не занимать.

Время шло, и душевное здоровье постепенно возвращалось. Свои былые увлекательные приключения Юлиан воспринимал теперь как не более, чем кра-

сочный сон. Да и тот, как это обычно бывает, с годами тускнел. К тому же поделиться воспоминаниями было не с кем.

Под шестьдесят Юлиана сделали завкафедрой. По этому случаю его чествовали несколько дней кряду в ресторане и на даче у тестя с Генеральшей. Пре-старелая Екатерина Петровна неизменно углублялась в длинные повествования о том славном времени, когда Юлиан блистал в школе своими исключительными способностями и непременно получил бы золотую медаль, не перейди ему дорогу Анна Петрова, мать которой работала в РОНО. Заглядывали на огонек обитатели Григорьева Бора, потомки славных предков, послуживших на благо Отчизне. Все было хорошо. Если, конечно же, не принимать в расчет назойливую Генеральшу, алчность которой не убавлялась с годами.

Остроумов, к всеобщей радости, разорился и, продав дом, съехал. Правда, ему на смену пришли другие, которые своими новыми домами и высокими заборами изменили облик поселка до неузнаваемости. Но Юлиан больше не спорил с ними, а лишь снисходительно наблюдал, как человек разглядывает обезьян в зоопарке. Что с них взять?

Но все же по-настоящему математик смог утвердиться в своей воле лишь после кончины тестя и тещи. Дом в Григорьевом Бору, несколько добротных квартир в городе и кое-какие сбережения достались по наследству. И хотя юридически все это добро было

оформлено на Светлану, Юлиан почувствовал себя хозяином положения. Теперь ему, наконец-то, не перед кем было отчитываться.

К тому времени математику перевалило за шестьдесят. Часто, сидя в кресле-качалке на террасе своего дома, с накинутым на ноги пледом, он размышлял о том, что, по сути, в конце концов, получил от жизни все, что хотел. Он являлся главой большого семейства. А окружающие, будь то студенты МГУ или местные из старожил, слушали его суждения с неизменным почтением. Те, кто не вписался в его вселенную, были, как досадное недоразумение, давно удалены из списка. Так что никто и ничто более не нарушало душевную гармонию. В конце концов, счастлив тот, кто может создать свой собственный мир, внутри которого, как писал классик, заставить звезды вращаться вокруг себя.

Юлиан смог реализовать напутствие своей матери — войти в Григороборею. Правда, теперь это было совсем не то место и не та среда, о которых когда-то зачарованно повествовала впечатлительная Екатерина Петровна. Но зачем об этом думать?

Эпилог

За исключением двух дней в неделю, когда Юлиан посещал Университет, он просыпался поздно. Долго нежилась в кровати. Потом неторопливо вставал, принимал душ и завтракал.

Как-то раз в конце мая они со Светланой завтракали на обветшалой террасе их фамильного дома в окружении вековых сосен. В теплом воздухе словно разливалась истома. Безмятежно щебетали птицы. Из кофейника исходил чарующий аромат крепкого кофе.

— Пршлым летом я перечитала всего Дюма. Этим думаю взяться за Стендаля.

И в молодые годы летом в их кругу было не принято работать, а уж теперь, когда пенсия не за горами, подобное выглядело бы совсем странно.

— Хорошая мысль, — пробасил Юлиан, а сам удовлетворенно подумал: «Как хорошо иметь жену-единомышленника, с кем разговариваешь на одном языке и которая не предаст, не обманет, как некоторые. Наверное, правду говорят, что любовь — это то, что усиливается с годами».

— Я слышал, Канищев Сергей умер месяц назад. Случайно узнал тут, — сообщил Юлиан небрежно. Когда математику удавалось кого-нибудь пережить, то он воспринимал это как свою очередную победу.

— Да что ты?

— Говорят, чуть ли не в нищете умер, — прищурился Юлиан.

— Да уж, бизнесмена из него не получилось, — с сожалением покачала головой жена.

— Куда там! — махнул рукой математик.

— И наука ничего не потеряла от его ренегатства, — вздохнула Светлана, и супруги улыбнулись друг другу.

— Ты знаешь, вчера, пока ты гулял по аллеям, звонил Илья Резин.

— Да? — брови Юлиана поднялись в удивлении, — лет десять о нем ничего не слышал.

— Я его пригласила к нам сегодня, и он согласился. Надеюсь, ты не будешь возражать? — осторожно спросила Светлана.

— Напротив, я очень рад. А почему я должен возражать? — удивился муж.

— Ну, — замялась Светлана, — вы же повздорили тогда у нас на даче, после концерта. Помнишь, ты мне рассказывал.

— Но мы же потом помирились.

— Как здорово! Ты мне ничего не говорил. Я и не знала. Когда, где?

— Ну, как? В Париже.

Светлана прикусила губу.

Поймав ее тревожный взгляд, Юлиан смутился и насупился. На мгновении по его лицу пробежала тень недоумения. Но тут же, как будто вспомнив что-то, он хлопнул себя по лбу, улыбнулся, махнул рукой и с игривой миной произнес:

— Шутка!

— Шутка! — повеселела Светлана.

И они засмеялись.

Илья прибыл к обеду. Втроем они поболтали за столом о разных пустяках. Много съели, выпили вина. И, конечно же, уловив подходящий момент, прекрас-

ный рассказчик Юлиан взял инициативу в свои руки. Как обычно, хозяйский монолог, сдобренный бурной жестикуляцией, продолжался не менее получаса. Илья, жизнь которого была полна событий, тоже подхватил было инициативу, но совсем скоро его рассказ, по традиции этого дома, был прерван легким похрапыванием хозяина.

— Тсс! — приложила палец к губам верная жена и сделала жест рукой, приглашающий покинуть веранду.

«В конце концов, у всех свои недостатки. Жаль, что на себя со стороны не посмотришь! Много интересного можно узнать, наверное», — подумал Резин и тихо проследовал за Светланой в сад, где, в некотором отдалении от дома, так, чтобы их голоса не могли быть слышны на веранде, они устроились в плетеных креслах.

— Юлиан так много работает последнее время! Он очень устает! — доверительно сообщила верная жена.

— А ему это не вредно? — с некоторой тревогой спросил Илья.

— Нет, теперь уже все в порядке.

— Слушай, мы же не виделись с тех самых пор! А мне всегда было любопытно узнать ответы на некоторые вопросы, — и Резин вопросительно посмотрел на Светлану.

— Так спрашивай, — ухмыльнулась она.

— Как ты умудрилась со всем этим справиться?

Светлана промолчала, сочтя вопрос риторическим, лишь на ее лице появилась спокойная улыбка уверенного в себе человека.

— А куда девались все его деньги?

— Их было не так уж и много, как он тебе рассказывал. Юлиан всегда любил приукрасить действительность.

— Но все же...

— Во-первых, он довольно много спустил в казино.

— За один день?

— Судя по всему, не за один. Похоже, он там был заметной фигурой. Успел прославиться своими проигрышами, разумеется. Видимо, поэтому его там и зацепила эта особа. Как ее там, Туманова?

— Орлова.

— Да, конечно, Орлова, и ее так называемый братец. Там они его и заприметили. Ну, а кроме того, кое-какие бумаги наследства были оформлены неправильно. Но под магическими чарами возродившейся Анны Петровой Юлиан не придавал этому большого значения. В этом, я, думаю, и заключалась ее функция. Так или иначе, большая часть наследства испарилась. Мне в этом сложно было разобраться, да и не до того было.

— А что с девочкой, с Никитой?

— Ее воспитывают родители второй жены Лисянского. Я встречалась с ними несколько раз перед тем, как передать девочку. Они не показались мне такими уж монстрами, какими их описывал покойный. Хотя, как выяснилось позже, своего не упустят.

Будущая жена убежала с Лисянским против их воли, когда ей не исполнилось и восемнадцати — за

два месяца до совершеннолетия, что ли. Ее отец по телефону пообещал проломить Лисянскому голову. С тех пор они не разговаривали, и тем более не встречались. Кстати, часть денег я уступила им. Во многом из-за того, что ничего не знала про опекуную долю, которая отошла им автоматически по условиям завещания. К тому же, когда я под этим подписывалась, то еще не знала, что у меня умыкнут ту часть денег, что плохо оформлена. Клиника во Франции, между прочим, тоже обошлась довольно дорого. В результате практически ничего не осталось. Едва на обратные билеты хватило и на лечение в Москве. Обеспечила ему лучших врачей.

— А Юлиан так ничего не заподозрил?

— Надеюсь, что нет. Думаю, от излишнего копания в собственных воспоминаниях его помимо всего прочего удерживала перспектива вновь оказаться в психбольнице. А как на самом деле — сложно сказать. Человеческий мозг очень изворотлив.

— Да уж, — усмехнулся Илья.

— Кстати, опера Вагнера «Лоэнгрин», которую тогда исполняли в Гарнье, каким-то образом перепуталась у него в голове с Рихардом Штраусом, что мы слушали в Московской консерватории накануне этих событий.

— Примечательно. Но я тобой восхищаюсь.

— А я тебе благодарна.

— А что мне оставалось? После того как он, столкнув дирижера, взял управление оркестром на себя?

— Ну, когда его повязали, мог бы сделать вид, что не имеешь к этому никакого отношения. Ведь такой скандал! А ты первая скрипка. Могло повредить карьере.

— Так друзья не поступают. К тому же, мне надо было продержаться всего несколько дней. А там уж ты подоспела. Кстати, сколько он провел в клинике?

— Во Франции две недели. Потом перевезли в Москву. Здесь он относительно быстро оклемался — около месяца, думаю. Рецидивов не было.

— Ну, дай бог.

Они посмотрели на террасу дома. Там в кресле-качалке, устав от великих дел, прикорнул почтенный отец семейства. Ноги его были прикрыты пледом. А перед ним простирались долгие годы счастливой жизни человека, которому выпало достичь того, к чему он так страстно стремился. Пусть путь туда оказался совсем не таким, как ему когда-то рисовала его мать.

Но ведь у каждого свои обстоятельства.

Май 2016

Содержание

От издателя	3
Волчица	7
Любовь	23
Метросексуал.....	44
Первым делом самолеты.....	63
Гипербореец.....	83

Алексей МЕФОДИЕВ

ВОКРУГ ДЕНЕГ

Саркастическая проза

Редактор — М. Свешникова
Верстка — С. Касьянов
дизайн обложки — М. Горшков
изготовление книги — Э. Нажимидинов

Подп. в печать 22.07.2016. Усл. печ. л. 7,74.
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура «Minion». Формат 70×100/32.
Тираж 500 экз. Заказ № 98.

Издательство “Летний сад”
Москва, пр. Нансена, 4.
e-mail: letsad@mail.ru

Книга отпечатана в мастерской
им. Фадеева Геннадия
г. Москва, пр. Нансена, 4.